

ИМПЕРАТОРСКАГО
Юридическій Кабинетъ
С.-Петербургск. Университета

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

ПРОТОКОЛЪ ОЧЕРЕДНАГО ЗАСѢДАНІЯ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА АПРѢЛЯ 26 ДНЯ 1871 ГОДА.

(Составленъ на основаніи стенографическаго отчета).

Подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова обсуждался вопросъ, предложенный дѣйствительнымъ членомъ А. М. Фальковскимъ: „распространяется ли 1135 ст. том. X. Зак. Граж. ч. I на случаи, когда сестры при родныхъ братьяхъ и ихъ потомкахъ обоего пола призываются къ наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ, по праву представленія?"

А. М. Фальковскій. Мм. гг! Вопросъ этотъ предложенъ нами потому, что нашими цивилистами и судебною практикою не только прежнихъ, но и новыхъ судовъ разрѣшается различно. Недавно въ одномъ изъ гражданскихъ отдѣленій Московскаго Окружнаго Суда разрѣшено было дѣло, затрогивающее нашъ вопросъ. Отвѣтъ суда былъ отрицательный. Но Судебная Палата состоявшееся по тому дѣлу рѣшеніе Окружнаго Суда отмѣнила *). Можно бы указать и на другіе случаи разнообразнаго разрѣшенія нашего вопроса. Интересъ его заключается еще и въ томъ, что имъ затрогивается право женщинъ, которыя постоянно у насъ пользовались, сравнительно съ мужчинами, весьма ограниченными правами наслѣдованія. Попытка нашего новаго суда вдохнуть новую жизнь въ законъ истолкованіемъ смысла его въ пользу женщинъ, представляется согласною съ современнымъ настроеніемъ образованнѣйшей части общества и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но какъ ни же-

*) Рѣшенія Московскихъ—Окружнаго Суда и Судебной Палаты помѣщены въ апрѣльской и майской книжкахъ Юридич. Вѣстн. за 1871 г. Ред.

лательно расширеніе правъ наслѣдованія женщинъ, все таки прежде всего необходимо разрѣшить истинный разумъ дѣйствующихъ законовъ, долженствующихъ служить основаніемъ къ практическому рѣшенію вопросовъ о правѣ наслѣдованія женщинъ. Въ предложенномъ нами вопросѣ указывается на случай наслѣдованія, *по праву представленія.* Основаніемъ поколѣннаго раздѣла наслѣдства служитъ то начало, что родственники дальнѣйшихъ нисходящихъ степеней въ совокупности какъ бы представляютъ собою родственника первой степени, отъ котораго они происходятъ, почему всѣ они вмѣстѣ и получаютъ то, что досталось бы этому родственнику, еслибы онъ призывался къ наслѣдованію. Отсюда и самое право дальнѣйшихъ нисходящихъ на ту часть наслѣдства, которая досталась бы ихъ восходящему, умершему прежде наслѣдодателя, называется *правомъ представленія* (Ius repraesentationis). Право представленія не есть право наслѣдованія *права наслѣдованія*, принадлежащаго будто бы умершему восходящему, и не основывается на вымыслѣ, будто сначала наслѣдуетъ *представляемое лицо*, а потомъ уже наслѣдуютъ лица *представляющія его.* Указавъ на эти немногія строки, заимствованныя изъ курса Русскаго Гражданскаго Права покойнаго Д. И. Мейера, мы должны дополнить, что мнѣніе это раздѣляется и авторомъ Гражданскаго Права К. П. Побѣдоносцевымъ. Но всѣ ли нисходящіе *представляемаго лица* пользуются правомъ представленія? Въ 1125 ст. того же том. и ч. постановлено: „по праву представленія, наслѣдство дѣлится не по числу лицъ, но по числу *колѣнъ*, т.-е. *всѣ* отъ умершаго *наслѣдника нисходящіе* получаютъ *вмѣстѣ* ту самую часть, которую получилъ бы онъ самъ, если бы въ живыхъ находился при открытіи наслѣдства.“ Отмѣченныя нами слова и сопоставленіе 1125 ст. съ 1126 того же т. и ч. возбуждаютъ въ судебной практикѣ сомнѣніе относительно случая, когда *представляющими* являются лица обоего пола. Отсюда же могло возникнуть и толкованіе, что по праву представленія сначала наслѣдуетъ представляемое лицо, а потомъ наслѣдуютъ лица представляющія его. Но такъ какъ по буквальному смыслу 1123 ст. том. X. ч. I, въ которой опредѣляется *право представленія*, нисходящіе представляемаго лица *мѣсто его занимаютъ и въ степень его вступаютъ*, то очевидно, что опре-

дѣленіе закона вполнѣ согласуется съ приведеннымъ мнѣніемъ нашихъ лучшихъ цивилистовъ о существѣ *права представленія*, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо какъ право наслѣдованія послѣ представляемаго лица. Затѣмъ обращаясь къ нашему вопросу и принимая въ соображеніе, что по возстановленіи силы уложенія о правѣ наслѣдованія указами 17 марта 1731 года и 30 марта 1805 года, основное правило уложенія, по которому всегда давалось въ правѣ наслѣдованія въ нисходящей линіи предпочтеніе мущинѣ предъ женщиной, распространяется и на наслѣдованіе въ боковыхъ линіяхъ. Полагаемъ, что вопросъ нашъ подлежитъ утвердительному разрѣшенію. Что же касается до попытки нѣкоторыхъ юристовъ объяснить особенности нашей наслѣдственной системы вліяніемъ Римскаго права, то кажется, достаточно намъ указать на то, что вся система римскаго наслѣдственнаго права построена на чуждомъ русскому праву началѣ отеческой власти, что въ ней мужской полъ не имѣлъ преимущества въ наслѣдованіи предъ женскимъ и что женщины при мущинахъ пользовались правомъ представленія (Римское право Лорда Маккензи).

Я. И. Любимцевъ. Прежде всего нѣсколько словъ о постановкѣ вопроса. Общество спрашиваютъ: распространяется ли 1135 ст. Зак. Гражд. и на случаи, когда сестры при родныхъ братьяхъ и ихъ потомкахъ обоего пола призываются къ наслѣдству въ боковыхъ линіяхъ, *по праву представленія?* Въ этой формѣ вопросъ едва ли возможенъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ вопросъ, когда спрашивающій допускаетъ, что сестры при родныхъ братьяхъ въ боковыхъ линіяхъ *призываются* къ наслѣдству, по праву представленія? По праву ли представленія или по другому какому основанію — но если въ боковыхъ линіяхъ сестры при родныхъ братьяхъ призываются къ наслѣдству, ясное дѣло, что ст. 1135 на нихъ не распространяется и что отвѣтъ на вопросъ стало быть уже найденъ. Но дѣйствительно ли оно такъ, что въ боковыхъ линіяхъ сестры при родныхъ братьяхъ призываются къ наслѣдству по праву представленія, въ этомъ многіе усомнятся, и не безъ основанія. Вотъ почему предложенный вопросъ, для себя по крайней мѣрѣ, я означаю въ слѣдующемъ видѣ. Дѣйствіе 1135 ст. Зак. Гражд.

простирается ли только на сестеръ наслѣдодателя при родныхъ братьяхъ, или простирается оно на всѣхъ безъ исключенія сестеръ при ихъ братьяхъ, въ какой бы степени родства онѣ ни состояли съ умершимъ? Наслѣдуетъ ли у насъ вообще сестра при родномъ братѣ? На это обыкновенно отвѣчаютъ, различая нисходящую линію отъ линій боковыхъ и говорятъ, что въ нисходящей линіи сестра при братѣ наслѣдуетъ, потому что она получаетъ въ наслѣдствѣ указную часть, а въ боковыхъ линіяхъ не наслѣдуетъ, потому что здѣсь она не только не получаетъ въ наслѣдствѣ указной части, но и совсѣмъ отъ наслѣдства устраняется.

Прежде это было общимъ мнѣніемъ, которое находило себѣ подтвержденіе какъ въ законѣ (т. X ч. 1, ст. 1130 и 1135), такъ и въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ.

Но въ послѣднее время въ этомъ мнѣніи относительно сестеръ при братьяхъ въ боковыхъ линіяхъ произошелъ нѣкоторый расколъ. Стали говорить, что 1135 ст. вовсе не имѣетъ того общаго и безусловнаго значенія, какое ей обыкновенно приписывается. Одни утверждаютъ, что 1135 ст. распространяется только на сестеръ умершаго при ихъ братьяхъ, такъ какъ о другихъ родственницахъ наслѣдодателя законъ ничего не упоминаетъ. Мнѣніе это аргументируется слѣдующимъ образомъ: всякій долженъ получить свою часть въ наслѣдствѣ, кто отъ участія въ этомъ наслѣдствѣ не устраняется закономъ. Но 1135 ст. Зак. Гражд., которою опредѣляется право наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, устраняетъ отъ наслѣдства только сестеръ умершаго, при родныхъ братьяхъ. Слѣдовательно прочія родственницы умершаго, въ томъ числѣ, напримѣръ, и племянницы его, хотя бы онѣ находились и при родныхъ братьяхъ, должны участвовать въ открывшемся наслѣдствѣ.

Для оцѣнки этого мнѣнія повторю законъ вкратцѣ. Въ боковыхъ линіяхъ сестры при родныхъ братьяхъ не имѣютъ права на наслѣдство. Первое, что представляется въ законѣ, это—боковыя линіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ противоположность линіи нисходящей, боковыхъ линій можетъ быть нѣсколько: первая, вторая, третья и т. д. Какую же изъ этихъ линій разумѣетъ законъ, по которой сестры при родныхъ братьяхъ устраняются отъ наслѣдства? Мнѣ кажется, что законъ не разумѣетъ здѣсь ни одной линіи въ особенности,

а разумѣетъ *всѣ вообще боковыя линіи* или любую изъ нихъ, въ какую, въ данномъ случаѣ, идетъ наслѣдство, такъ какъ въ каждой изъ нихъ могутъ находиться сестры при родныхъ братьяхъ. Въ первой боковой это будутъ сестры умершаго при своихъ братьяхъ, во второй—тетки умершаго при своихъ братьяхъ и т. д. Притомъ боковая линія, первая напримѣръ или ближайшая состоитъ не изъ однихъ только братьевъ умершаго и сестеръ его, а заключаетъ въ себѣ и нисходящее отъ нихъ потомство, т. е. племянниковъ умершаго, его племянницъ и т. д. Если это такъ, то можно будетъ сказать, что въ какую бы изъ боковыхъ линій наслѣдство послѣ умершаго ни поступало, ни въ одной изъ нихъ, по прямому смыслу 1135 ст., сестры при родныхъ братьяхъ наслѣдовать не могутъ, и что если въ боковой линіи законъ вообще устраняетъ сестеръ при братьяхъ отъ наслѣдства, то онъ устраняетъ ихъ не въ первыхъ только или ближайшихъ степеняхъ родства съ умершимъ, а устраняетъ ихъ на всемъ протяженіи этой линіи, изъ сколькихъ бы степеней она ни состояла. Послѣдователи разсматриваемаго мнѣнія утверждаютъ, что устраняя сестеръ при родныхъ братьяхъ отъ наслѣдства, законъ разумѣетъ при этомъ исключительно сестеръ умершаго. Но это не болѣе какъ предположеніе, ни на чемъ не основанное. Законъ, конечно, предполагаетъ умершаго. Но кто этотъ умершій относительно наслѣдниковъ: братъ, дядя или племянникъ, законъ умалчиваетъ; съ другой стороны законъ, всѣмъ складомъ рѣчи, ставитъ сестеръ въ связь не съ умершимъ вотчинникомъ, а съ живыми ихъ братьями: сестры при родныхъ братьяхъ не наслѣдуютъ, говоритъ законъ. Допустивши сказанное предположеніе, необходимо допустить и то, что послѣ бездѣтно-умершаго вотчинника наслѣдство никогда не поступаетъ во вторую боковую линію. Но это ужъ слишкомъ смѣло; едва ли кто приметъ такое положеніе. А если необходимо допускать, что наслѣдство можетъ переходить и во вторую боковую линію, тогда нельзя будетъ примѣнять законъ, потому что во второй линіи сестры при братьяхъ доводятся умершему не сестрами, а тетками. Вотъ соображенія, по которымъ я не раздѣляю изложеннаго мнѣнія о правѣ сестеръ на наслѣдство въ боковыхъ линіяхъ, при родныхъ братьяхъ. Впрочемъ мнѣніе это представляется и въ другомъ

видѣ. Признаютъ, что ст. 1135 распространяется не только на сестеръ умершаго, но и на его тетокъ, при родныхъ ихъ братьяхъ; но при этомъ утверждаютъ, что на потомство этихъ братьевъ, напримѣръ, на племянниковъ умершаго съ племянницами дѣйствіе помянутой статьи не распространяется, потому что племянникъ умершаго наслѣдуетъ своему дядѣ не по праву лично ему принадлежащему, а наслѣдуетъ по праву представленія; право же представленія простирается на всѣхъ нисходящихъ умершаго, не различая мущинъ отъ женщинъ, и потому заключаютъ: если племянникъ наслѣдуетъ своему дядѣ по праву представленія, то по тому же самому праву вмѣстѣ съ нимъ должна участвовать въ наслѣдствѣ и родная его сестра, племянница умершаго.

И въ этомъ видѣ, мнѣ кажется, нельзя признать мнѣніе правильнымъ. Право сестры на наслѣдство въ боковой линіи при родномъ братѣ выводится здѣсь исключительно изъ понятія о правѣ представленія. Говоря вообще, право представленія дѣйствительно ведетъ къ наслѣдству, какъ путь къ цѣли; но, по нашимъ законамъ, это бываетъ не всегда. Мнѣ легче объяснить свою мысль на примѣрѣ. Послѣ умершаго остались братъ и сестра, да еще племянникъ съ племянницею отъ другаго прежде умершаго брата. Мы знаемъ, что въ этомъ случаѣ племянникъ не могъ бы наслѣдовать умершему своему дядѣ, потому что на лицо стоитъ ближайшій родственникъ умершаго: оставшійся въ живыхъ его братъ. Но благодаря праву представленія, племянникъ, въ минуту открытія наслѣдства, заступаетъ мѣсто своего отца и дѣлается также близокъ къ умершему, какъ близки къ нему братъ и сестра. Допуская, что право представленія принадлежитъ безразлично мущинамъ и женщинамъ, мы увидимъ, что вмѣстѣ съ племянникомъ, благодаря праву представленія, поднимется степенью выше и сестра его, такъ что и послѣдняя относительно наслѣдодателя будетъ находиться въ одинаковой съ прочими лицами степени родства. А какъ право наслѣдованія опредѣляется вообще близостью родства, будетъ ли это — близость дѣйствительная, зависящая отъ рожденія или близость вымышленная, какая дается правомъ представленія, казалось бы, что всѣ названныя четыре лица были бы въ одинаковомъ правѣ на открывшееся

наслѣдство. А между тѣмъ мы уже напередъ знаемъ, что изъ нихъ сестра умершаго не получитъ наслѣдства, и это потому только, что она находится при братѣ, на этомъ же основаніи не получитъ наслѣдства и племянница умершаго, такъ какъ и она находится тоже при братѣ. Очевидно, что право представленія, да и близость родства вообще не всегда у насъ ведутъ къ наслѣдству. Право представленія служитъ только тому, кого законъ призываетъ къ наслѣдству; а по нашему закону лица женскаго пола призываются къ наслѣдству только при отсутствіи мущинъ; тогда только онѣ, согласно 1126 ст. Зак. Гражд., могутъ воспользоваться и правомъ представленія. Вотъ почему я думаю, что право представленія не можетъ служить для сестеръ при братьяхъ основаніемъ къ праву наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ.

Выше сказано, что разсмотрѣнное мнѣніе новѣйшаго происхожденія. Однако оно имѣетъ послѣдователей и, по свидѣтельству почтеннаго нашего сочлена А. М. Фальковскаго, успѣло уже проникнуть и въ практику новыхъ судебныхъ установленій. Въ самомъ дѣлѣ мнѣніе это какъ бы свидѣтельствуетъ о движеніи общественной мысли. Вѣдь мы— въ прогрессѣ; очень естественно, что и намъ, какъ въ эпоху возрожденія, слышатся иногда эти голоса: умы пробуждаются, науки цвѣтутъ, предразсудки падаютъ, настаетъ часъ, когда и женщина должна быть возстановлена во всѣхъ своихъ естественныхъ правахъ. Все это прекрасно. Слушая подобныя рѣчи, иной сказалъ бы словами извѣстной комедіи:

„извольте продолжать,
„такой же я, какъ вы, ужасный либералъ,
„и оттого куда какъ много въ жизни пострадалъ!"

Постройки въ новомъ стилѣ привлекательны. Но въ домашнемъ быту, гдѣ заключены лучшіе наши интересы, мнѣ по крайней мѣрѣ нравится болѣе старинный пошибъ. У насъ спокон вѣка говорили, что сестра при братѣ не вотчинница. И это было до того общимъ и глубокимъ убѣжденіемъ, что оно цѣликомъ, во всей своей непосредственности, перешло въ положительный законъ, который и нынѣ у насъ дѣйствуетъ.

На основаніи всего сказаннаго я полагаю, что дѣйствіе

ст. 1135 Зак. Гражд. простирается не только на сестеръ наслѣдодателя при родныхъ братьяхъ, но и на всѣхъ вообще сестеръ при ихъ братьяхъ, въ какой бы степени родства онѣ ни состояли съ умершимъ.

А. М. Фальковскій. Вопросъ, поставленный, нами кажется долженъ бы быть понятенъ для всѣхъ насъ, но мы соглашаемся, что редакція, предложенна япочтеннымъ нашимъ сочленомъ Я. И. Любимцевымъ, заслуживаетъ предпочтенія, а потому и должна служить основаніемъ нашихъ преній.

В. Н. Лешковъ. Кажется, что занимающій насъ вопросъ достаточно исчерпанъ высказанными здѣсь соображеніями двухъ нашихъ сочленовъ. Но присоединяясь къ мнѣнію ихъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно древняго и основнаго положенія русскаго наслѣдственнаго права „*сестра при братѣ не вотчинница.*“ Это положеніе ясно выражено въ Русской Правдѣ, повторено въ Судебникѣ и затѣмъ въ Уложеніи, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться изъ приведенныхъ А. М. Фальковскимъ цитатъ. Это воззрѣніе на степень участія женщины въ наслѣдственномъ имуществѣ объясняется вполнѣ значеніемъ ея въ семейномъ и общественномъ быту. Встарину дочь по смерти родителей оставалась въ домѣ ихъ и получала содержаніе. Въ случаѣ замужства братья должны были давать ей приданое. Впослѣдствіи дочери изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія родителей стала выдѣляться указная часть и когда различіе между помѣстьями и вотчинами прекратилось, то дочери предоставлены были указныя части изъ движимаго и недвижимаго имущества родителей. Вообще же женщина при мужчинѣ не пользовалась самостоятельнымъ правомъ наслѣдованія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ отъ него устранялась. Я уже указалъ на причину этого, заключающуюся въ особенностяхъ значенія женщины въ русскомъ семейномъ быту. На мущинѣ постоянно лежитъ обязанность пещись о женщинѣ. Русская семья построена на совершенно другихъ началахъ, нежели какъ это было въ Римѣ, гдѣ, какъ извѣстно, изъ-за отца семейства, paterfamilias, не видно семьи; гдѣ жена главы семейства была въ его власти, sub manu,—дѣти не имѣли предъ нимъ никакихъ правъ, наравнѣ съ рабами. Совершенно другое мы находимъ въ устройствѣ русской семьи, подобно аѳинской, основанной на началѣ

равенства членовъ; откуда произошло что и право наслѣдованія тамъ и здѣсь имѣетъ отличія отъ римскаго. По свидѣтельству Ганса, въ аѳинской семьѣ, со временъ Солона, мужъ не имѣлъ правъ римскаго гражданина на свою жену, которая напротивъ была уравнена съ нимъ; да и не имѣлъ тамъ и отецъ римской власти надъ дѣтьми, которые напротивъ пользовались вполнѣ правомъ судебной защиты даже относительно родителей. Въ такой семьѣ, право наслѣдованія, какъ у насъ, дѣлало различіе между мужскимъ и женскимъ поломъ, давая то преимущество братьямъ предъ сестрами, по которому братья одни наслѣдуютъ, неся за то обязанность выдавать замужъ своихъ сестеръ. Восходящіе родственники не призывались къ наслѣдованію, и наконецъ существовало различіе между наслѣдованіемъ по закону и по завѣщанію. Эти немногія замѣчанія, высказанныя здѣсь мною, имѣютъ цѣлью обратить вниманіе юристовъ на глубокое значеніе принципа семьи въ постановленіяхъ гражданскихъ законовъ о наслѣдственномъ правѣ. Наслѣдованіе не есть установленіе только гражданскаго права; въ области государственнаго—оно также играетъ весьма важную роль. Философская конструкція наслѣдованія должна обнимать всѣ формы его проявленія. Вотъ почему не слѣдуетъ игнорировать старинное наше воззрѣніе на значеніе женщины въ семействѣ и осторожно относиться къ нововведеніямъ, не имѣющимъ подъ собою исторической почвы.

Я. И. Любимцевъ. Не отвергая высказаннаго многоуважаемымъ нашимъ Предсѣдателемъ мнѣнія, я думаю, что конструкція семьи у каждаго народа зависитъ преимущественно отъ его религіозныхъ понятій, а потому эти послѣднія сильное имѣютъ вліяніе на законодательство о наслѣдственномъ правѣ. Считаю нужнымъ обратить вниманіе ваше, Мм. Гг., на сочиненіе Кулянжа, гдѣ объ этомъ можно почерпнуть весьма интересныя данныя.

А. М. Фальковскій. Высказавъ наше мнѣніе по вопросу о правѣ наслѣдованія женщинъ по дѣйствующему закону, намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что и русское наслѣдственное право въ своемъ историческомъ развитіи подвергалось различнымъ измѣненіямъ и нынѣ представляется не тѣмъ, чѣмъ оно было въ древнѣйшія времена.

Право вообще не носитъ на себѣ характера неизмѣнности.— Идеѣ права суждено до безконечности развиваться. Нельзя отрицать, что въ наше время значительно измѣнились понятія о значеніи женщины въ семейномъ и общественномъ быту. Наука о человѣческомъ обществѣ идетъ впередъ и результаты, ею добываемые, не останутся безъ вліянія и на самое право. Семейство рано или поздно, но во всякомъ случаѣ, не будетъ имѣть единственнымъ основаніемъ своимъ идею власти, такъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ первый союзъ людей, служащій краеугольнымъ камнемъ общества и государства, объемлетъ собою всѣ стороны духовной и матеріальной дѣятельности человѣка на землѣ. Религія, нравственные и экономическіе принципы—все это должно быть принято въ соображеніе законодательствомъ въ его постановленіяхъ о семейномъ правѣ. А при такомъ всестороннемъ взглядѣ на значеніе семьи положеніе женщины въ этой послѣдней неминуемо должно возвыситься, а съ этимъ вмѣстѣ, по всей вѣроятности, и законы о правѣ наслѣдованія ею станутъ благопріятнѣе для нея. Явленія дѣйствительной жизни ежедневно свидѣтельствуютъ, что воля гражданъ, выражаемая въ завѣщательныхъ актахъ, стремится къ уравненію наслѣдственныхъ правъ женщинъ и мужчинъ. А если такимъ образомъ устраняется постановленіе закона, то не ясно ли, что и послѣднему когда нибудь придется быть согласованнымъ съ требованіями жизни. Вотъ почему мы не можемъ повторить: „что намъ болѣе нравится старинный пошибъ.“

Д. П. Алферовъ. Порядокъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ былъ опредѣленъ указами 14 марта 1676 (№ 634) и 10 августа 1677. Указами 1714 и 1731 годовъ предписано было дѣлать рѣшенія по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ въ дополненіе, а не въ противность Уложенія. Послѣ 1731 года существовавшія правила были подтверждены рядомъ именныхъ указовъ, данныхъ Правительствующему Сенатуѣ помѣщенныхъ въ цитатахъ къ ст. 1125, 1126, 1135—1137 том. X ч. I. Въ Высочайшей резолюціи на докладъ Сената, 15 марта 1870 года (№ 13428) по дѣлу Жеребятникова прямо выражено: „по Уложенію, послѣ отца сыновья съ потомствомъ суть наслѣдники, а сестры при братьяхъ не вотчинницы; когда же нѣтъ сыновей, то дочери и дѣти ихъ

по вышеписанному же уложенному порядку суть наслѣдники. Послѣ этого очевидно, что по русскому праву женщина при мужчинѣ никогда не пользовалась самостоятельнымъ правомъ наслѣдованія.

А. Ф. Марконетъ.—Намъ кажется, что для точнаго разрѣшенія настоящаго вопроса нѣтъ надобности въ историческомъ изслѣдованіи права наслѣдованія женщинъ по русскому праву. Мы не отрицаемъ, что изъ постановленій Зак. Гражд. о наслѣдственномъ правѣ открывается, что оно признаетъ наслѣдниками главнымъ образомъ родственниковъ мужскаго пола, но мы обращаемъ вниманіе и на то, что наслѣдованіе женщинъ при мужчинахъ, совмѣстно съ ними, допускается въ *указныхъ частяхъ* и затѣмъ, за недостаткомъ наслѣдниковъ мужскаго пола, женщины пользуются *самостоятельнымъ правомъ* наслѣдованія. Что наслѣдованіе по *праву представленія* имѣетъ мѣсто и въ боковыхъ линіяхъ— это очевидно изъ 1136 ст. том. X ч. I, въ которой прямо выражено: „равныя степени дѣлятъ наслѣдство поголовно, а въ степень умершихъ вступаетъ ихъ потомство *и наслѣдуетъ по праву представленія* поколѣнно, хотя бы при томъ въ обоихъ случаяхъ наслѣдники и не носили имени или прозванія умершаго". Порядокъ наслѣдованія по праву представленія, какъ онъ изложенъ въ приведенной здѣсь 1125 ст. том. X ч. I, долженъ имѣть одинаковое примѣненіе и въ наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ, т.-е. что въ этомъ случаѣ сестры при братьяхъ получаютъ *указныя части*. И наконецъ, изъ сопоставленія узаконеній о порядкѣ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ съ узаконеніями о порядкѣ наслѣдованія въ линіи нисходящей и *по праву представленія*—единственный возможный выводъ: что правило, изложенное въ 1135 ст. том. X ч. I, не относится до случая наслѣдованія *по праву представленія*, который долженъ быть одинаковъ какъ для линіи нисходящей, такъ и для боковыхъ.

К. П. Палибинъ. Коль скоро въ законѣ (ст. 1126 том. X ч. I) выражено правило, что лица женскаго пола, въ томъ случаѣ, когда они, *за недостаткомъ мужскаго, призываются къ наслѣдству*, пользуются правомъ представленія такъ же какъ и лица пола мужскаго, то ясно, что это правило имѣетъ общее примѣненіе какъ въ нисходящей, такъ и въ

боковыхъ линіяхъ. Право же на полученіе сестрою при братѣ *указной части* (ст. 1130) можетъ имѣть мѣсто изъ наслѣдства послѣ родителей.—Внѣ этого случая, по разуму закона, сестра при братѣ не наслѣдница и не получаетъ указной части.

А. Ф. Марконетъ. Если право женщинъ при совмѣстномъ наслѣдованіи ихъ съ наслѣдниками мужскаго пола на полученіе *указныхъ частей* и объяснять тѣмъ, что женщины въ этомъ случаѣ не *представляютъ лица наслѣдодателя*, т.-е. не пользуются самостоятельнымъ правомъ наслѣдованія, и братья обязаны только дать имъ на *прожитокъ*, то нѣтъ основанія эту обязанность игнорировать и въ наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ; *относительное положеніе лицъ обоего пола тутъ не измѣняется*, и мы повторяемъ, что братья сестрамъ должны вообще выдѣлять указныя части изъ получаемаго ими наслѣдства.

В. Н. Лешковъ. Что право на полученіе *указной части* можетъ имѣть мѣсто только въ наслѣдованіи въ *нисходящей* линіи и *супруговъ*, это, кажется, подтверждается и узаконеніями о выдѣлѣ и приданомъ (ст. 997 и 1004 том. X ч. I). И такъ какъ выдѣлъ *указныхъ частей* есть прежде всего дѣло *семейное*, кругъ котораго гораздо менѣе объема рода, то и обязанность выдѣла дочерямъ братьями ихъ указныхъ частей только изъ наслѣдственнаго имѣнія *родителей* вполнѣ оправдывается.

А. И. Харламповичъ. Право выдѣла принадлежитъ и *восходящимъ родственникамъ* (ст. 994 том. X ч. I), почему едва-ли возможно толкованіе, что право женщинъ *на указныя части* ограничивается случаями наслѣдованія только послѣ родителей. До Уложенія для обезпеченія содержанія дочерей и вообще близкихъ родственницъ умершаго мужчины обязывались дать имъ содержаніе или при выходѣ въ замужство приличное приданое. Встарину семья не состояла только изъ родителей и ихъ дѣтей; было время, что братья наслѣдодателя исключали въ правѣ наслѣдованія даже дѣтей его. И такъ объяснять разумъ закона только особою конструкціею семьи невозможно. При изданіи Свода Зак. не строго соблюдено историческое начало права. Самое *право представленія*, какъ оно опредѣлено въ сводѣ, касается преемственности лица наслѣдодателя, а не выдѣла *указ-*

ныхъ частей, не составляющихъ, въ сущности, права наслѣдованія, а только извѣстную обязанность мужчинъ при совмѣстномъ наслѣдованіи съ женщинами.

А. М. Фальковскій. Но если женщина при мужчинѣ, по Русскому праву, не пользуется самостоятельнымъ правомъ наслѣдованія и самое право представленія ей дается только за недостаткомъ мужскаго пола, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ боковыхъ линіяхъ сестра при родныхъ братьяхъ и ихъ потомствѣ обоего пола не наслѣдница; и такъ какъ наслѣдованіе по праву представленія, какъ прежде нами объяснено, не составляетъ права наслѣдованія послѣ *представляемаго лица*, то нѣтъ основанія на полученіе сестрами отъ братьевъ *указныхъ частей* изъ наслѣдства, не непосредственно открывшагося послѣ восходящаго родственника, мѣсто котораго *занимаютъ и въ степень его вступаютъ* его дѣти, внуки и т. д.

В. Н. Лешковъ, вкратцѣ резюмировавъ пренія по вопросу, предложилъ бывшимъ въ засѣданіи членамъ Юридич. Общества высказать свое мнѣніе. Большинство 13 противъ 2 нашло, что въ боковыхъ линіяхъ,—по приведеннымъ соображеніямъ сторонниками утвердительнаго отвѣта на вопросъ,—*сестра при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола, не наслѣдница и не получаетъ указной части.*

ОБЪ ОХРАНИТЕЛЬНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Такъ называемое охранительное судопроизводство, говоря вообще и въ особенности первая глава его (1401—1408 Уст. Гражд. Суд.), возникло вслѣдствіе необходимости охраненія имущества, оставшагося послѣ умершаго собственника до явки наслѣдниковъ. Такимъ образомъ еслибы не существовало права наслѣдованія по закону или по завѣщанію, не было бы и необходимости въ учрежденіи охраненія со стороны публичной власти, за исключеніемъ того случая, когда въ право умершаго вступала бы казна, или какое-либо юридическое лицо. Правильно или неправильно, но законодательство наше признало необходимымъ — вмѣшательствомъ публичной власти обезпечить имущество отъ растраты и расхищенія. Замѣчательно, что мѣры охраненія предписываются закономъ не безусловно, а только въ нѣкоторыхъ, указанныхъ въ законѣ случаяхъ. Само собою разумѣется, что случаи эти, обстановка, окружающая трупъ нѣкогда живаго физическаго лица и его имущество, вызывая дѣятельность публичной власти къ охраненію имущества, могутъ не соотвѣтствовать, удовлетворять или неудовлетворять той цѣли, для которой они установлены въ положительномъ законодательствѣ. Словомъ, эти случаи, условія, наконецъ самыя эти мѣры могутъ быть цѣлесообразны, дѣйствительны, или недѣйствительны, могутъ неудовлетворять той потребности, удовлетвореніе которой оправдываетъ ихъ существованіе и миритъ со стѣсненіями и неудобствами, которыми сопровождается ихъ примѣненіе для частныхъ лицъ, а иногда и для самихъ наслѣдниковъ. Средствами охраненія, по опредѣленію закона, признаются вызовъ наслѣдника, опись

оставшагося послѣ умершаго имущества, опечатаніе и сбереженіе онаго до явки наслѣдниковъ. Законъ говоритъ, что всѣ эти дѣйствія совершаются одновременно. Такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ—вопросъ не столь существенный, какъ другой: своевременно ли принимаются мѣры къ охраненію имущества, или въ промежутокъ времени болѣе или менѣе продолжительный. Вызовъ наслѣдниковъ, сдѣланный днемъ, даже недѣлею раньше или позже не принесетъ ущерба имущественнымъ правамъ лицъ, призываемымъ къ наслѣдованію; но опись и опечатаніе должны по нашему мнѣнію производиться мгновенно, конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда принятіе этихъ мѣръ вызывается дѣйствительною въ нихъ необходимостью. Опись и опечатаніе, произведенныя несвоевременно, поздно, обращаются въ пустую, стѣснительную, ни къ чему не идущую формальность. Конечно своевременность, какъ и все въ мірѣ общественныхъ явленій, понятіе относительное, обусловленное окружающею средою, вліяющею на цѣлость или растрату и присвоеніе имущества. Ни статьи Устава Охранительнаго Судопроизводства, ни ст. X т. ч. I-й, на которыя дѣлаются ссылки въ Уставѣ Охранит. Судопр., не опредѣляютъ взаимнаго отношенія этихъ трехъ способовъ охраненія, ихъ зависимости другъ отъ друга. Мы хотимъ этимъ сказать, всѣ ли эти мѣры необходимы въ совокупности, или каждая изъ нихъ имѣетъ самостоятельное отдѣльное значеніе и смыслъ. Можетъ ли напр. быть произведенъ вызовъ наслѣдника безъ описи и опечатанія имущества того лица, отъ котораго можетъ перейти право наслѣдованія, или можно ли производить опись и опечатаніе безъ вызова наслѣдниковъ. Намъ кажется, что вызовъ наслѣдника стоитъ во главѣ всѣхъ мѣръ охраненія, онъ имѣетъ самостоятельное юридическое значеніе и долженъ быть дѣлаемъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бы не представлялось никакой необходимости дѣлать опись, производить опечатаніе имущества. Опись и опечатаніе имѣютъ, по нашему мнѣнію, значеніе подчиненное. Тамъ, гдѣ непредставляется необходимости въ вызовѣ, не можетъ быть и рѣчи объ описи и опечатаніи или отдачѣ имущества на сохраненіе постороннимъ лицамъ.

Такимъ представляется намъ, можетъ быть даже и ошибочно, отношеніе вызова къ прочимъ мѣрамъ охраненія. Но на практикѣ, сколько намъ извѣстно, получаетъ самое широ-

кое примѣненіе примѣчаніе къ ст. 1226 т. X, ч. I. Сомнѣніе, о которомъ говорится въ этомъ примѣчаніи, зависитъ отъ субъективнаго воззрѣнія судьи, притомъ сомнѣваться можно, при извѣстномъ настроеніи, во всемъ. Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ мѣры охраненія принимаются даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нихъ по закону не должно представляться никакой надобности.

Вызовъ наслѣдниковъ дѣлается необходимымъ, когда существуетъ наличность условій, предусмотрѣнныхъ ст. 1239 т. X ч. 1. Эти условія слѣдующія: 1) когда всѣ наслѣдники или нѣкоторые изъ нихъ въ отсутствіи; 2) когда умершій оставилъ по себѣ капиталъ, внесенный въ государственное кредитное установленіе; или же 3) не выкупилъ до смерти своей заложенныхъ и просроченныхъ вещей въ ссудной казнѣ. Разумѣется, что первое условіе стоитъ во главѣ прочихъ и по толкованію Кассац. Департ. Сената получаетъ примѣненіе и въ томъ случаѣ, если существуетъ сомнѣніе въ томъ, всѣ ли наслѣдники на лицо, равно и въ томъ случаѣ, когда имущество умершаго должно поступить въ опекунское управленіе, вслѣдствіе неполной или совершенной неправоспособности его наслѣдниковъ. Что касается двухъ остальныхъ условій, обусловливающихъ необходимость вызова, то существованіе ихъ въ законѣ оправдывается съ одной стороны правомъ наслѣдованія по завѣщанію и во вторыхъ особымъ покровительствомъ закона къ вкладчикамъ капиталовъ въ государственныя кредитныя учрежденія. Для органическаго пониманія этихъ двухъ условій, повидимому чисто случайныхъ, необходимо знакомство съ спеціальными уставами государственныхъ кредитныхъ учрежденій. Странно, что въ виду дополненія къ ст. 2108 т. X ч. I. по продолженію 63 года (п. 4) нахожденіе послѣ умершаго выданной ему сохранной росписки въ принятіи кѣмъ-либо отъ него поклажи, не помѣщено въ числѣ условій, вызывающихъ необходимость вызова пріемщиковъ поклажи въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдниковъ на лицо не будетъ и явка ихъ можетъ замедлиться. Необходимость этого вызова, помимо вызова самихъ наслѣдниковъ, усматривается изъ 5 п. тогоже дополненія къ 2108 ст.

Условія вызывающія охранительныя распоряженія мироваго судьи. Въ законѣ (1402 ст. Уст. Гражд. Суд.) сказано:“ миро-

вой судья дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ или по просьбѣ частныхъ лицъ, или по заявленію полиціи, или же по требованію лицъ прокурорскаго надзора, либо начальства умершаго. Частныя лица имѣютъ право обращаться съ просьбою по сему предмету какъ къ судьѣ участковому, такъ и къ одному изъ живущихъ въ сосѣдствѣ почетныхъ мировыхъ судей.“ Несомнѣнно, что личной инициативы со стороны мироваго судьи не полагается. Онъ не обязанъ собирать справки, не умеръ ли кто въ его участкѣ, не требуется ли сдѣлать распоряженіе объ охранительныхъ мѣрахъ. Слѣдовательно если до него не дойдетъ ни заявленія полиціи, не поступитъ просьба частныхъ лицъ, требованіе прокурорскаго надзора или начальство умершаго—то мировой судья и не отвѣчаетъ ни за принятіе мѣръ къ охраненію, ни за несвоевременность принятія таковыхъ, вызванную несвоевременностью или медленностью заявленія со стороны полиціи. Обыкновенно частныя лица не заинтересованныя, не наслѣдники подаютъ объявленія въ полицію; наслѣдники же дѣйствительные или предполагаемые обращаются съ просьбою къ мировымъ судьямъ.

Опись имущества. Мировой судья не производитъ самъ описи, онъ дѣлаетъ только распоряженіе, поручаетъ одному изъ состоящихъ при съѣздѣ судебныхъ приставовъ производство оной, на основаніи 1 п. ст. 1225 и ст. 1226 т. X ч. I. Закон. Гражд. (см. ст. 1403 Уст. Гражд. Суд.). Такъ какъ ст. 1403 Уст. Гражд. Суд. содержитъ ссылки на 1225 и 1226 ст. т. X ч. 1. и такъ какъ опись находится въ непосредственной зависимости отъ вызова, о которомъ говорилось въ предыдущихъ (1401 и 1402 ст. Уст. Гражд. Суд.), то весьма естественно искать въ ст. 1225 и 1226 т. X ч. I правилъ для производства самой описи; но къ сожалѣнію въ этихъ статьяхъ не содержится правилъ производства самой описи, а говорится о тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость въ производствѣ описи, т. е. повторяются тѣ же правила, которыми обусловливается необходимость вызова. Какимъ же образомъ должна производиться эта опись? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ ст. 1404 Уст. Гражд. Суд. ссылками на ст. 980—999, 1094, 1103—1114 т. е. примѣняются правила объ обращеніи взысканія на движимое имущество, или на недвижимое имѣніе при исполненіи судебныхъ рѣшеній. Нѣтъ ко-

нечно сомнѣнія, что правила эти до извѣстной степени служатъ достаточнымъ указаніемъ какъ производить опись или, правильнѣе говоря, какъ описывать. Но внутреннее различіе между описью, производимою по указанію взыскателя и описью, производимою въ порядкѣ охранительномъ, чувствуется весьма живо. Въ первомъ случаѣ всегда есть заинтересованное лицо, взыскатель или его повѣренный, во второмъ часто не бываетъ лицъ заинтересованныхъ въ охраненіи имущества и роль судебнаго пристава нѣсколько видоизмѣняется. Вотъ почему весьма желательно изданіе органическихъ правилъ объ описи имущества послѣ умершихъ, независимыхъ отъ правилъ, содержащихся въ отдѣлѣ о приведеніи судебныхъ рѣшеній въ исполненіе. Различія той и другой описи опредѣляются различіемъ цѣли, положеніемъ безхозяйнаго имущества до явки наслѣдниковъ, стремленіемъ обезпечить охраненіе наиболѣе существенныхъ правъ и цѣнностей наиболѣе значительныхъ. Вотъ почему подробное описаніе малоцѣнныхъ предметовъ, нерѣдко по своей громоздкости не покрывающихъ издержекъ храненія, мы считаемъ не только излишнимъ, но положительно вреднымъ. Лучше подобные предметы вовсе не включать въ опись, или ограничиваться поверхностнымъ обозначеніемъ ихъ числа и мѣры. Наконецъ описи этого рода за упущенія или злоупотребленія должны подвергать отвѣтственности лицъ, которымъ поручено составленіе оныхъ. Отвѣтственность — немыслимая при исполненіи судебныхъ рѣшеній, гдѣ приставъ подчиняется или направляется указаніями истца, гдѣ каждое его дѣйствіе можетъ быть обжаловано отвѣтчикомъ. Если и существуетъ отвѣтственность судебныхъ приставовъ за дѣйствія по исполненію судебныхъ рѣшеній, то эта отвѣтственность возникаетъ при наличности иныхъ условій и едва ли примѣнима къ отвѣтственности по принятію мѣръ охранительнаго судопроизводства. Во второй части т. X, въ ст. 1943 содержится слѣдующее правило: „Если откроется, что при описи что либо скрыто, утаено или издержано, то виновные подвергаются взысканію утаеннаго или утраченнаго вдвое.“ Для болѣе яснаго представленія этой статьи необходимо познакомиться еще съ двумя статьями того же тома и части: ст. 1925, въ которой говорится: „лица къ составленію описи отряженныя должны наблюдать: 1) чтобы, при производствѣ оной, не было утраты, подмѣна, передачи и утайки; 2) что

бы движимыя имущества были помѣщены въ особомъ хранилищѣ, буде остаются на мѣстѣ, подъ опредѣленнымъ присмотромъ, или же въ ящикахъ и укладкахъ, такъ чтобы при перевозкѣ не могли повредиться.“ Ст. 1939: „чиновники, отряжаемые къ описи, за неисправное составленіе ея по предметамъ, означеннымъ въ ст. 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1882, 1906, 1928, 1929, удаляются отъ должности.“ Мы привели эти статьи закона совсѣмъ не потому, чтобы считали ихъ дѣйствующими и примѣнимыми къ порядку охранительнаго судопроизводства, но единственно изъ желанія указать, что онѣ имѣютъ въ себѣ много такого, что нисколько не устарѣло и можетъ дать хорошій матеріалъ для составленія правилъ охранительнаго порядка. Конечно, эти правила содержатся въ томъ же отдѣлѣ о приведеніи рѣшеній въ исполненіе, но современный прогрессъ въ дѣлѣ законодательства вызываетъ необходимость установленія особыхъ правилъ описи имуществъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства.

Переходя къ слѣдующимъ статьямъ главы первой судопроизводства охранительнаго, встрѣчаемъ ст. 1405, опредѣляющую порядокъ принесенія жалобъ на распоряженія мировыхъ судей съѣзду сихъ послѣднихъ. Срокъ на принесеніе такихъ жалобъ опредѣляется ст. 1406, вліяніе принесенія жалобы на ходъ дѣла опредѣляется ст. 1407, подсудность дѣлъ въ опредѣленіи правъ на наслѣдственное имущество опредѣляется общими правилами (ст. 1408). Цѣль наша была бы достигнута съ указаніемъ на содержаніе послѣдней ст. (1408) главы 1-й судопроизводства охранительнаго, еслибы мы не желали окончить нашу замѣтку двумя замѣчаніями по поводу такъ-называемаго вызова наслѣдниковъ. Въ ст. 1401 сказано между прочимъ, что вызовъ дѣлается по распоряженію мироваго судьи, въ участкѣ коего наслѣдственное имущество находится. Эти слова „въ участкѣ коего и т. д.“ возбуждали недоумѣнія, такъ какъ наслѣдственное имущество можетъ находиться въ участкахъ разныхъ мировыхъ судей. Трудно допустить мысль, чтобы всѣ мировые судьи, въ участкахъ коихъ оказывалось бы имущество умершаго лица, могли вызывать его наслѣдниковъ, тѣмъ болѣе что непосредственное удостовѣреніе въ смерти лица доступно только мировому судьѣ, въ участкѣ котораго жило и умерло то лицо, послѣ котораго осталось наслѣдственное имуще-

ство. Вызовъ по тѣсной связи съ описью имущества, по преимуществу же имущества движимаго, всего удобнѣе можетъ быть произведенъ въ участкѣ того судьи, который ближе къ мѣсту жительства умершаго. Вотъ почему практика по нашему мнѣнію совершенно правильно считаетъ вызовъ необходимымъ по распоряженію того мироваго судьи, въ участкѣ котораго умерло лицо, послѣ котораго является законная необходимость въ принятіи мѣръ охраненія. Впрочемъ правильность этого примѣненія не безусловна, и оправдывается естественнымъ положеніемъ движимаго имущества при особѣ его владѣльца. Могутъ быть весьма осязательныя исключенія изъ этого правила, напримѣръ умерло лицо не въ мѣстѣ своего постояннаго жительства, а напримѣръ, въ гостинницѣ, при проѣздѣ черезъ какой-нибудь городъ и т. п.; вся масса движимаго имущества остается въ мѣстѣ постояннаго мѣстожительства лица,—которому изъ двухъ мировыхъ судей въ этомъ случаѣ дѣлать вызовъ?—тому ли, въ участкѣ котораго скончалось извѣстное лицо, или тому, въ участкѣ котораго оно имѣло постоянное мѣстожительство? Конечно, мѣры охраненія имущества могутъ быть предприняты ближайшимъ мировымъ судьею, и уже по удостовѣренію сего послѣдняго сдѣланъ вызовъ и приняты мѣры къ охраненію со стороны того судьи, въ участкѣ котораго умершій имѣлъ постоянное мѣстожительство. Впрочемъ кѣмъ бы ни былъ произведенъ этотъ вызовъ, цѣль его одинакова; важно лишь то, чтобы таковой былъ дѣйствительно произведенъ. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что цѣль закона о публичномъ припечатаніи вызова—приданіе гласности случаю открывшагося наслѣдства—едвали достигается, потому что сенатскія объявленія, служащія прибавленіемъ къ сенатскимъ вѣдомостямъ, читаются весьма немногими: по нимъ лишь справляются наслѣдники уже прежде извѣстившіеся объ открывшемся для нихъ наслѣдствѣ. Такъ что благая цѣль закона, къ сожалѣнію, обращается въ большинствѣ случаевъ въ одну формальность, соблюденіе которой впрочемъ безусловно необходимо въ нѣкоторымъ случаяхъ.

Вызовъ, какъ юридическое дѣйствіе, производится на основаніи извѣстнаго принятаго заранѣе образца. Приведемъ для примѣра подобный обращикъ, изъ котораго видны существенныя условія этого обряда: Мировой Судья г. Москвы

. . аго участка, на основаніи 1401 ст. Устава Охранительнаго Судопроизводства, вызываетъ наслѣдниковъ умершаго крестьянина . . . . ой губерніи . . . . . . ago уѣзда . . . . . . ой волости, деревни . . . . Егора Тимофеева Связева для предъявленія правъ наслѣдства въ установленный 1241 ст. т. X ч. I Свод. Закон. Гражд. (изд. 1857 г.) срокъ къ оставшемуся послѣ него движимому имуществу, заключающемуся въ капиталѣ и товарѣ на „ руб.

Въ главѣ второй Охранительнаго Судопроизводства содержатся процессуальныя условія, необходимыя при раздѣлѣ имущества, оставшагося послѣ наслѣдодателя. Раздѣлъ наслѣдства одно изъ самыхъ живыхъ, необходимыхъ послѣдствій наслѣдственнаго права. На первомъ планѣ является опредѣленіе подсудности дѣлъ по раздѣлу наслѣдства. По закону эту подсудность опредѣляетъ правило, содержащееся въ 1409 ст. Уст. Охран. Суд.; но по взаимному соглашенію подсудность можетъ быть предоставлена юрисдикціи мироваго судьи участковаго или почетнаго (ст. 1422).

Подсудность. Просьба о раздѣлѣ наслѣдства, состоящаго въ недвижимомъ имѣніи, или же въ движимомъ, на сумму свыше 500 руб., подается въ указанныхъ въ статьѣ 1317 т. X ч. I законовъ гражданскихъ случаяхъ, тому окружному суду, въ вѣдѣніи коего состоитъ дѣлимое имущество. Просьба о раздѣлѣ движимости на сумму не свыше 500 рублей подается участковому мировому судьѣ по мѣсту нахожденія имущества (ст. 1409). Основаніемъ для опредѣленія подсудности, по различію общихъ судебныхъ учрежденій отъ мировыхъ таковыхъ же, принято вопервыхъ — различіе имуществъ движимыхъ отъ недвижимыхъ и вовторыхъ цѣнность наслѣдственнаго имущества выше или ниже принятой закономъ нормы. Впрочемъ сонаслѣдники по взаимному соглашенію имѣютъ право обратиться съ просьбою о раздѣлѣ наслѣдства къ мѣстному участковому или почетному мировому судьѣ, который дѣйствуетъ въ семъ случаѣ во всемъ согласно съ вышеизложенными правилами (ст. 1422).

Такимъ образомъ взаимное соглашеніе сонаслѣдниковъ имѣетъ вліяніе на измѣненіе подсудности, т.-е. дѣлаетъ раздѣлъ, по существу своему подсудный окружному суду, подвѣдомымъ юрисдикціи мироваго судьи. Законъ повидимому

не предвидитъ возможности спора со стороны сонаслѣдниковъ въ отношеніи опредѣленія цѣнности имущества, когда напримѣръ, одному сонаслѣднику будетъ казаться, что унаслѣдованное имущество стоитъ не дороже 500 руб. (движимое), а другому, что оно стоитъ дороже. Мотивами и побужденіями къ подобнымъ спорамъ, возбуждающимъ пререканія, служитъ безъ сомнѣнія зачастую желаніе изъять дѣла изъ подсудности или мироваго судьи или окружнаго суда, смотря по личнымъ побужденіямъ того или другаго сонаслѣдника. Но помимо этого самый текстъ ст. 1409 можетъ по нашему мнѣнію возбуждать сомнѣніе при примѣненіи буквальнаго смысла статьи къ явленіямъ дѣйствительной жизни. Законъ этотъ повидимому игнорируетъ тотъ довольно распространенный фактъ, что послѣ умершаго вотчинника могутъ оставаться недвижимыя имѣнія, подсудныя по своему мѣстонахожденію различнымъ окружнымъ судамъ, и что одинъ изъ наслѣдниковъ можетъ имѣть личный интересъ въ раздѣлѣ наслѣдства въ одномъ окружномъ судѣ, а другой въ другомъ. Здѣсь также, какъ и при опредѣленіи цѣнности имущества движимаго, возможно возбужденіе пререканія между окружными судами, какъ въ первомъ случаѣ пререканіе между мировымъ судьею съ одной стороны и окружнымъ судомъ съ другой. Впрочемъ придерживаясь буквальнаго смысла ст. закона находимъ, что просьба о раздѣлѣ каждаго недвижимаго имѣнія должна предъявляться особо сообразно подсудности, и ниодинъ изъ окружныхъ судовъ не будетъ компетентенъ для производства дѣлъ по раздѣлу имѣнія подсуднаго другому суду. Но такимъ примѣненіемъ уничтожалось бы всякое единство и затруднялся бы самый раздѣлъ. Между тѣмъ въ законѣ не содержится никакихъ нормъ, по которымъ можно было бы опредѣлить, какой окружный судъ въ данномъ случаѣ по преимуществу компетентенъ.

На практикѣ, сколько намъ извѣстно, обыкновенно тотъ судъ признаетъ себя компетентнымъ, въ который прежде поступило прошеніе о раздѣлѣ наслѣдства. Но вѣдь можетъ встрѣтиться и такой случай, что въ одинъ и тотъ же день будутъ поданы прошенія однимъ изъ сонаслѣдниковъ въ Н-й окружный судъ, а другимъ въ М-скій. Само собою разумѣется, что подобный случай возможенъ лишь тогда, когда недвижимыя имѣнія, входящія въ составъ наслѣдства, находятся въ

мѣстностяхъ подсудныхъ разнымъ окружнымъ судамъ. Можетъ безъ сомнѣнія быть и такой случай, что движимое имущество, предметъ наслѣдства подлежащаго раздѣлу, будетъ находиться въ одномъ округѣ, а недвижимыя въ разныхъ другихъ округахъ. Все это указываетъ повидимому на необходимость различныхъ подсудностей по раздѣлу имуществъ, составляющихъ принадлежность наслѣдства, открывшагося послѣ одного лица. Но не будетъ ли это противорѣчить буквальному смыслу ст. 1409, въ которой сказано: „просьба о раздѣлѣ наслѣдства и проч.,“ т.-е. наслѣдство принимается за одно цѣлое. Мы не сомнѣваемся, что практика современемъ выработаетъ прочныя основы для примѣненія ст. 1409, но насколько эти основы будутъ соотвѣтствовать духу закона и намѣренію законодателя—это другой вопросъ, обсужденіе котораго мы считаемъ въ настоящее время преждевременнымъ.

Необходимость раздѣла. Условія, вызывающія вмѣшательство суда въ дѣло о раздѣлѣ наслѣдства, не безусловны. Если раздѣлъ, по причинѣ семейственной вражды и споровъ между сонаслѣдниками, не будетъ ими конченъ полюбовно въ два года, тогда оный производится по законамъ надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ; до окончанія же судебнаго раздѣла налагается на все наслѣдственное имущество запрещеніе и берется оное, смотря по званію умершаго, въ управленіе Дворянской Опеки, или Сиротскаго Суда, отъ коихъ опредѣляются опекуны; а сверхъ того, со всего имущества взимается шесть процентовъ въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія той губерніи, въ которой находится имущество, на счетъ тѣхъ, кои таковому замедленію были причиною (ст. 1317 т. X ч. I). Эта статья закона примѣнялась до введенія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. при дѣйствіи 682 ст. X т. ч. II. Со введеніемъ новаго порядка суда (Уст. Гражд. Суд.) дѣйствіе ея пріурочивается къ 1409 ст. Уст. Охран. Суд., съ которою она по нашему мнѣнію несогласована. Существеннымъ является взаимное отношеніе этихъ двухъ статей закона. Отношеніе между ними должно быть такое же, какъ между причиною и слѣдствіемъ. Только осуществленіе въ дѣйствительности того, что предусмотрѣно 1317 ст. т. X ч. I вызываетъ, оправдываетъ примѣненіе 1409 ст. Уст. Охран. Суд. Такимъ образомъ до

истеченія двухъ лѣтъ отъ подачи просьбы, безъ споровъ наслѣдниковъ между собою, безъ чего, разумѣется, невозможно опредѣлить кто изъ наслѣдниковъ причиною къ замедленію раздѣла (какого: полюбовнаго или судебнаго?), невозможно слѣдовательно и примѣненіе 1409 ст., и неправильна будетъ подача просьбы о раздѣлѣ въ судъ или покрайней мѣрѣ такое прошеніе должно быть признано преждевременнымъ. Но судебная практика едва ли не держится противоположнаго начала, принимая за исходный моментъ по дѣлу просьбы о раздѣлѣ наслѣдства (оно предоставляется сонаслѣдникамъ на основаніи 1317 ст. X. т. ч. I), двухгодичный срокъ отъ подачи таковой просьбы для осуществленія полюбовнаго раздѣла. Судебная практика въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнія руководствуется 1318 ст. X т. ч. I, на которую впрочемъ не дѣлается ссылка въ уставѣ Охранительнаго Судопроизводства. Притомъ такъ какъ подобныя просьбы заявляются нерѣдко спустя много лѣтъ послѣ открытія наслѣдства, да къ тому же въ формѣ исковыхъ требованій въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, то на отвѣтчиковъ возлагается уплата судебныхъ издержекъ и за веденіе дѣла. Обыкновенно признается правымъ первый заявившій суду требованіе о раздѣлѣ, на него ни въ какомъ случаѣ не возлагается уплата судебныхъ издержекъ, виноватъ въ этомъ отношеніи всегда тотъ, кто опоздалъ предупредить противную сторону. Между тѣмъ случается, что предъявившій требованіе о раздѣлѣ не явится въ засѣданіе—должно ли въ такомъ случаѣ суду руководствоваться 358 ст. Уст. Граж. Суд. Необходимость личной явки усматривается изъ содержанія 1413 и 1414 ст. Уст. Охранит. Суд.; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ указанія на послѣдствія неявки сонаслѣдниковъ или одного изъ нихъ, къ засѣданію для выбора лицъ (ст. 1413 и 1414). Самый порядокъ судебнаго раздѣла обусловливается правилами, указанными въ ст. 1410—1419 Уст. Охранит. Суд. По поступленіи просьбы о раздѣлѣ наслѣдства предсѣдатель суда дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ всѣхъ совладѣльцевъ общаго наслѣдственнаго имѣнія по правиламъ, постановленнымъ въ статьѣ 275—304 сего Уст. (ст. 1410). Изъ этого слѣдуетъ, что производство возникаетъ лишь вслѣдствіе принесенія кѣмъ либо изъ сонаслѣдниковъ просьбы о раздѣлѣ. О кредиторахъ кого-либо изъ сонаслѣд-

никовъ не упоминается и потому едва ли кредиторамъ предоставлено право ходатайства о раздѣлѣ имѣнія между сонаслѣдниками, тѣмъ болѣе что специальными узаконеніями предусмотрѣно обращеніе взысканія на одного или нѣсколькихъ владѣльцевъ нераздѣленнаго и нераздѣльнаго имѣнія (ст. 1313 т. X ч. I и 1188—1191 Уст. Гражд. Суд.) Основаніемъ для вызова служитъ прошеніе одного изъ сонаслѣдниковъ, въ этомъ прошеніи должны быть поименованы всѣ сонаслѣдники и указано ихъ мѣстожительство. Производство о раздѣлѣ происходитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ члена докладчика (ст. 1411). Членъ докладчикъ можетъ поручить завѣдываніе ходомъ производства по составленію проекта раздѣла одному изъ живущихъ въ округѣ нотаріусовъ (ст. 1412). Въ этой статьѣ закона мы встрѣчаемъ слова „проектъ раздѣла," выражающія понятіе о раздѣлѣ не вполнѣ осуществившемся. Какъ опредѣлить окончательную форму судебнаго раздѣла? По словамъ профес. В. Н. Никольскаго, (см. „объ основныхъ моментахъ наслѣдованія В. Никольскаго Москва 1871 г. стран. 357)" доказательствомъ судебнаго раздѣла служитъ судебное постановленіе или составленная на основаніи его раздѣльная запись."

Независимо отъ просьбы о передѣлѣ наслѣдства, о которой упоминается въ 1420 Уст. Охран. Суд., возможны также по силѣ 1421 частныя и апелляціонныя жалобы и просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній по дѣламъ о судебномъ раздѣлѣ. Иначе трудно было бы объяснить, какимъ образомъ могла бы приниматься жалоба палатою на опредѣленія окружнаго суда по неуваженному отводу о неподсудности дѣла по раздѣлу тому или другому окружному суду. Въ жалобахъ этого рода не можетъ быть и рѣчи о передѣлѣ, когда самое право суда оспаривается по неподсудности, точно также, какъ жалобы сонаслѣдниковъ, почему либо непризнанныхъ въ этомъ качествѣ и т. п. Трудно было бы согласиться съ мнѣніемъ, что дѣйствія окружаго суда не могутъ быть обжалованы высшей инстанціи иначе какъ въ формѣ просьбы о передѣлѣ, которая какъ извѣстно подается тому же окружному суду и только путемъ обжалованія можетъ дойти до Кассаціоннаго Департамента Сената.

Понятіе о передѣлѣ предполагаетъ предшествующій ему судебный раздѣлъ. О передѣлѣ, по смыслу закона, могутъ

просить только лица, допущенныя въ качествѣ сонаслѣдниковъ къ раздѣлу, наслѣдники же не признанные въ этомъ качествѣ, устраненные отъ раздѣла не могутъ просить о передѣлѣ, но не лишены, безъ сомнѣнія, возможности обжаловать дѣйствія суда по раздѣлу на основаніи 1421 ст. на иномъ основаніи, и согласно 216 ст. Уст. Гражд. Суд. начинаютъ оспаривать раздѣлъ наравнѣ съ другими заинтересованными въ раздѣлѣ лицами въ томъ же окружномъ судѣ, въ которомъ производилось дѣло по раздѣлу наслѣдственнаго имѣнія.

Вообще производство о раздѣлѣ наслѣдствъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства возможно лишь при наличности самаго состава наслѣдственнаго подлежащаго раздѣлу имущества. Если же наслѣдственное имущество было продано нѣкоторыми изъ сонаслѣдниковъ, а другимъ не выдано части изъ вырученной отъ продажи цѣны, то искъ объ истребованіи этой части производится уже не въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства. Подобный случай встрѣчается въ практикѣ Кассаціон. Департ. Сенат. (см. Кассац. рѣш. за 1870 г. марта 19 за № 374). Сыновья и внуки наслѣдодателя продали домъ, доставшійся имъ по наслѣдству и не выдали части, слѣдующей по закону сестрѣ и теткѣ, дочери наслѣдодателя, наслѣдницы по закону. Въ рѣшеніи Кассац. Деп. Сената между прочимъ сказано: „принимая во вниманіе, что предметъ иска Бердниковой къ просителямъ предъявленнаго, заключался въ просьбѣ не о судебномъ раздѣлѣ наслѣдственнаго имѣнія, упоминаемомъ въ приводимомъ просителями 1409—1423 ст. Уст. Гражд. Суд., а о взысканіи съ просителей денегъ, которыя отцомъ Константина и мужемъ Ирины выручены чрезъ продажу наслѣдственнаго дома и изъ которыхъ ничего не было выдано ей Бердниковой; что искъ сей, по суммѣ онаго, относится къ вѣдомству мировыхъ учрежденій . . . . опредѣляетъ: кассаціонную жалобу Моховыхъ . . . . оставить безъ послѣдствій.“

Раздѣлъ полюбовный. Отличіе этого раздѣла отъ судебнаго заключается въ томъ, что онъ остается въ своей силѣ т.-е. не допускаетъ возможности принесенія просьбы о передѣлѣ. Какъ же совершается этотъ раздѣлъ? Профессоръ Никольскій (см. объ основнымъ моментахъ стр. 357) говоритъ: „раздѣлъ полюбовный производится наслѣдниками по взаимному

соглашенію, на основаніи котораго и совершается раздѣльная запись. Если въ числѣ наслѣдственнаго имущества есть недвижимыя имѣнія, то запись должна быть сдѣлана крѣпостнымъ порядкомъ и утверждается старшимъ нотаріусомъ. При этомъ участвующимъ производится допросъ."—Такимъ образомъ окончательная форма полюбовнаго раздѣла, смотря по различію имуществъ, является или въ формѣ домашней или явочной раздѣльной записи, или явочной записи, утвержденной старшимъ нотаріусомъ. Юридическое значеніе этого рода акта опредѣляется между участвующими въ немъ лицами началомъ договорнаго права, поэтому по нашему утвержденіе ея старшимъ нотаріусомъ придаетъ ей лишь большее значеніе въ отношеніи третьихъ лицъ и облегчаетъ способы для осуществленія законнаго укрѣпленія имущества съ правомъ юридическаго распоряженія доставшимся по раздѣлу недвижимымъ имѣніемъ.

Мнѣніе будто актъ раздѣла (недвижимаго имѣнія) въ промежутокъ времени отъ совершенія его у младшаго нотаріуса до утвержденія его старшимъ, для участвующихъ въ немъ лицъ, въ случаѣ спора и несогласія на утвержденіе ея старшимъ нотаріусомъ, можетъ считаться лишь проектомъ раздѣльной записи, съ одной стороны подкрѣпляется требованіемъ допроса (ст. 1343 т. X ч. I); а съ другой опровергается невозможностью временнаго раздѣла, допущеннаго только для жителей Полтавской и Черниговской губ. (стат. 1316 т. X ч. I). Исходомъ подобныхъ споровъ можетъ быть или процессъ—требованіе, основанное на договорномъ соглашеніи, выраженномъ въ раздѣльной записи; или соглашеніе наслѣдниковъ раздѣлиться судебнымъ порядкомъ.

А. Хоткевичъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Помѣщаемый нами отчетъ о двухъ уголовныхъ процессахъ, происходившихъ въ Ярославскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, заслуживаетъ особеннаго вниманія и редакція искренне благодаритъ дѣйствительнаго члена Юридическаго Общества, принявшаго на себя трудъ какъ составленія самаго отчета, такъ и сообщенія его намъ. Дѣло о женѣ унтеръ-офицера Марьѣ Владиміровой Шангиной замѣчательно во многихъ отношеніяхъ — но болѣе всего въ немъ поразятъ читателя пріемы защиты. Кто бы напримѣръ могъ повѣрить, что защитникъ, желая еще многое сказать, рѣшился кончить свою бесѣду, потому что страшная духота, его годы, испытываемое имъ волненіе, судьба невинной женщины за нимъ сидящей, заставили его прекратить неконченную рѣчь. А между тѣмъ все это случилось въ дѣлѣ Шангиной, обвинявшейся въ отравленіи своего мужа. Но провидѣніе и здравый смыслъ присяжныхъ, внимательно отнесшихся къ судебному слѣдствію, спасли подсудимую.—Вердиктъ присяжныхъ оправдывается вполнѣ главными моментами слѣдствія, а именно: отсутствіемъ металлическихъ ядовъ въ изслѣдованныхъ химически чайной чашкѣ и тазѣ и несомнѣнности факта, что отравленіе не могло произойти отъ употребленныхъ Орловымъ, передъ его смертью, въ пищу щей. Не даромъ Министерство Юстиціи возбудило вопросъ о провинціальной адвокатурѣ. Когда же наступитъ счастливый день его разрѣшенія? *Ред.*

Въ Ярославлѣ разсматривался цѣлый рядъ дѣлъ, которыя должны бы были рѣшаться въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, но, за невозможностью составить временное отдѣленіе суда для выѣзда въ этотъ городъ, они слушались въ Ярославлѣ съ первыхъ чиселъ мая почти по конецъ іюня. Всѣхъ Романовскихъ дѣлъ было около 30, болѣе же другихъ замѣчательны два; первое—жено-

убійство и второе—мужеубийство. Возбуждая сильный мѣстный интересъ, они интересовали многихъ и въ Ярославлѣ, нѣкоторые пріѣзжали на пароходѣ въ нашъ городъ, чтобы послушать ихъ. Весьма важный свидѣтель по второму дѣлу явился въ судъ по повѣсткѣ изъ Петербурга, единственно для дачи показаній, такъ какъ, во время смерти мужа подсудимой, онъ служилъ земскимъ врачемъ въ Романовѣ. Все время засѣданія зала была настолько переполнена публикой, что жаръ и духота были нестерпимы и нерѣдко вызывали перерывы засѣданія. Мы рѣшаемся познакомить читателей Юридическаго Вѣстника съ дѣлами, заслуживающими полнаго вниманія по послѣдствіямъ: противоложные толки объ нихъ еще продолжаются. Первое мы изложимъ вкратцѣ, а второе съ большею полнотою.

I.

Дѣло о крестьянинѣ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда деревни Медвѣдева Лаврѣ Нестеровѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ жены своей Натальи Ивановой, разсматривавшееся въ Ярославскомъ Окружномъ Судѣ 20-го мая 1871 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Дѣло это слушалось три раза. Въ первый разъ въ Романовѣ 30 мая 1870 года и отложено по заявленію прокурора о необходимости освидѣтельствовать подсудимаго въ умственныхъ способностяхъ; потомъ было назначено на 26-е января 1871 года и отложено, по заявленію защитника, за неполнымъ числомъ присяжныхъ; наконецъ въ 3-й разъ 20 мая сего года въ Ярославлѣ.

Предсѣдательствовалъ Членъ Суда С. П. Шлыковъ въ составѣ Член. Суда В. В. Половцева и Судебн. Слѣдов. Н. А. Малыхина, при Прокурорѣ М. А. Матвѣевѣ и Секретарѣ П. П. Агриколянскомъ; подсудимаго защищалъ Кандидатъ на судеб. должн. И. Е. Каптыревъ.

Подсудимый былъ въ арестантскомъ платьѣ и все время засѣданія оставался подъ охраной стражи; лице истомленное, худой, видъ имѣетъ болѣзненный и сидитъ, опустивъ голову; говоритъ медленно.

На вопросы предсѣдателя подсудимый отвѣчалъ, что онъ Лавръ Нестеровъ, крестьянинъ деревни Медвѣдева Романовскаго уѣзда, отъ роду имѣетъ 29 лѣтъ, вѣры православной, занимался до взятія подъ стражу кузнечнымъ дѣломъ, для чего уходилъ изъ своей деревни на заработки; копію съ обвинительнаго акта получилъ.

Послѣ выбора присяжныхъ и привода ихъ къ присягѣ, подсудимый сознался въ преступленіи, разсказавъ, что онъ очень лю-

билъ свою жену, она же измѣняла ему; нерѣдко поэтому между ними бывали страшныя сцены. Наконецъ онъ узналъ, что она не только отлучалась изъ дома для связи, но нѣсколько времени съ тою же цѣлью жила въ казармахъ. Она желала жить отдѣльно, онъ все хотѣлъ сдѣлать, лишь бы она была ему вѣрна. Въ ночь на 29 марта 1869 года онъ ночевалъ съ женою въ чуланѣ, они говорили между собою о невѣрности ея, въ 5 часовъ утра онъ проснулся и не помнитъ, кажется, былъ разговоръ о томъ же; жена поперечила ему, тогда онъ схватилъ топоръ, лежавшій тутъ, и зарубилъ её; но заранѣе этого топора онъ не изготовлялъ и какъ онъ попалъ въ чуланъ, не знаетъ. Войдя въ избу, онъ сказалъ своимъ, что зарубилъ жену, тѣ стали выть и дали знать сельскому начальству.

Свидѣтели, вызванные по настоящему дѣлу въ судъ, крестьяне деревни Медвѣдева: 1) Иванъ Константиновъ, 2) Владиміръ Никитинъ, 3) Лукерья Ильина, 4) Анисья Никитина и 5) отставной унтеръ-офицеръ Абрамъ Бутряковъ показали, что жена Лавра Нестерова измѣняла мужу—это всѣмъ извѣстно; топоръ валялся всюду: въ избѣ, сѣняхъ, на дворѣ, но не могутъ свидѣтели удостовѣрить, чтобы онъ бывалъ въ чуланѣ. Свидѣтельницы показали, что жена подсудимаго жила съ ними, ссориться онѣ не могли, потому мужики были въ семьѣ, подсудимый самъ сказалъ имъ, что онъ зарубилъ жену и онѣ подняли тревогу. Свидѣтели не замѣтили въ подсудимомъ волненія или безпокойства, знали, что жена его легкаго поведенія и нѣкоторые говорили ему о томъ. Показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей за разнорѣчіемъ были, по ходатайству сторонъ, прочитаны секретаремъ; изъ акта медицинскаго осмотра видно, что убитая лежала на постели, ей было нанесено нѣсколько безусловно-смертельныхъ ранъ острымъ рѣжущимъ орудіемъ; нельзя сдѣлать заключенія о борьбѣ ея съ убійцею, можетъ быть первый ударъ лишилъ её возможности обороняться.

Прокуроръ обратилъ вниманіе присяжныхъ на важность преступленія, разобралъ свидѣтельскія показанія и указалъ на то, что подсудимый измѣнилъ теперь свое показаніе въ свою пользу. По мнѣнію обвинителя дѣло было такъ: подсудимый съ вечера припасъ топоръ, утромъ проснулся и зарубилъ спящую жену. Вслѣдствіе этого онъ настаивалъ на обвиненіи подсудимаго въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ жены; хотя ее поведеніе вызывало справедливое негодованіе Нестерова, но не давало права убивать жену. Хладнокровіе и обдуманность доказываются во 1-хъ характеромъ подсудимаго, всѣ показали, что онъ мужикъ смирный, а такіе люди не легко воспламеняются; во 2-хъ самъ подсудимый на предварительномъ слѣдствіи ни слова

не намекалъ на ссору и только на судѣ заговорилъ объ ней, потому что ему было выгодно это.

Защитникъ согласился съ обвинителемъ, что настоящее дѣло выходитъ изъ ряда другихъ и потому необходимо отнестись съ особымъ вниманіемъ ко всѣмъ обстоятельствамъ, повидимому незначительнымъ. Съ другой стороны онъ расходится съ Прокуроромъ во взглядѣ на способность къ преступленію; наоборотъ вспыльчивые люди скоро успокоиваются, а натуры, какъ Нестеровъ сосредоточенныя, долго таятъ въ себѣ, когда же мѣра терпѣнія переполнится, достаточно одного неосторожнаго слова, чтобы они мгновенно выполнили самое страшное преступленіе. Отношенія съ женою, удостовѣренныя свидѣтельскими показаніями, не одинъ годъ терзали Нестерова; онъ, испытавъ всѣ средства, видя отпоръ и не умѣя выйти изъ своего положенія, рѣшился разомъ кончить все. Можетъ быть невѣрность происходила отъ болѣзни покойницы, почему не допустить напримѣръ бѣшенства матки, но супруги, какъ люди неразвитые, не могли этого понять, и Нестеровъ порѣшилъ съ женою убійствомъ, вмѣсто помощи врача. Ничто не доказываетъ обдуманности и приготовленія къ убійству, никто не знаетъ, кто принесъ топоръ въ чуланъ,—онъ валялся всюду. Когда проснулись супруги, никто не можетъ сказать, что происходило между ними, они могли ссориться; положеніе трупа также ничего не доказываетъ, она могла браниться, обратившись лицомъ къ стѣнѣ. Нестеровъ, выведенный ея упорствомъ изъ терпѣнія, схватилъ топоръ; когда же она повернулась, то уже было поздно: ударъ былъ нанесенъ. Самое количество и свойство ранъ опровергаетъ обдуманность; изъ медицинскаго акта осмотра легко усмотрѣть, что каждая, отдѣльно взятая рана, безусловно смертельна, слѣдовательно нельзя предположить, чтобы сознательно, безъ нужды, подсудимый началъ уродовать свою жертву. Нестеровъ самъ заявилъ объ убійствѣ роднымъ своимъ, онъ не думалъ скрываться и немедленно добровольно отдался въ руки правосудія; сознанію его можно довѣрять вполнѣ. Итакъ, подсудимаго можно обвинять только въ непредумышленномъ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи. Поведеніе жены даетъ полное право присяжнымъ дать ему снисхожденіе.

Стороны еще разъ обмѣнялись рѣчами. Судъ постановилъ два вопроса:

1) Виновенъ ли крестьянинъ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Понгиловской волости, деревни Медвѣдево, Лавръ Нестеровъ, 27 лѣтъ, въ томъ, что, задумавъ заранѣе лишить жизни жену свою Наталью Иванову, приготовилъ для этой цѣли съ вечера

топоръ и въ ночь на 29 марта 1869 года лишилъ ее жизни, нанеся ей удары топоромъ по головѣ и шеѣ?

2) Если же не виновенъ по первому вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что лишилъ жизни жену свою безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, а въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ не случайно, а зная, что онъ посягаетъ на жизнь ея?

Присяжные на первый вопросъ отвѣчали: „да, виновенъ, но, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія," а второй оставили безъ отвѣта.

Предсѣдателемъ была объявлена слѣдующая резолюція—судъ опредѣлилъ: подсудимаго, крестьянина Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Понгиловской волости, деревни Медвѣдево, Лавра Нестерева, 27 лѣтъ, признаннаго присяжными засѣдателями виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ жены своей, но заслуживающимъ снисхожденія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ съ послѣдствіями по 22 и 25 ст. Улож. о наказ.; при чемъ, принимая во вниманіе, что подсудимый вовлеченъ былъ въ это преступленіе несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ, на основаніи 775 ст. Уст. Угол. Суд. ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи участи подсудимаго до ссылки его на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири.

II.

Дѣло о женѣ унтеръ-офицера Марѣ Владиміровой Шангиной, обвиняемой въ отравленіи перваго своего мужа, разсматривавшееся въ Ярославскомъ Окружномъ Судѣ 26-го мая 1871 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Засѣданіе было открыто въ 12 часовъ дня подъ предсѣдательствомъ Члена Суда Н. А. Гладкова въ составѣ Члена Суда В. В. Половцева и Судебнаго Слѣдователя Н. А. Малыхина, при Прокурорѣ М. А. Матвѣевѣ и Секретарѣ П. П. Агриколянскомъ; подсудимаго защищалъ чиновникъ IX класса П. Ѳ. фонъ-Бергхольцъ.

По объявленіи дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію, предсѣдательствующій отдалъ приказаніе о введеніи въ залъ подсудимой; она, какъ содержащаяся въ заключеніи, все время засѣданія оставалась подъ охраною стражи. Подсудимая росту выше средняго, худая, лице желтое, глаза сѣрые съ жесткимъ выраженіемъ, блондинка, одѣта въ арестантское платье, говоритъ очень бойко, держитъ себя очень развязно и на всѣ вопросы отвѣчаетъ безъ запинки.

Подсудимая на вопросы предсѣдателя объяснила, что ее зо-

вутъ Марьей Владиміровой, фамилія по первомъ мужѣ Орлова, по второмъ Шангина; первый мужъ ея былъ коллежскій регистраторъ, второй—унтеръ-офицеръ, отъ роду ей 29-й годъ, вѣры православной, проживала въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, занимаясь вязаніемъ, а по выходѣ замужъ занималась разными женскими работами въ домѣ своего мужа, до взятія подъ стражу жила въ Ярославлѣ и копію съ обвинительнаго акта получила.

По прочтеніи списка свидѣтелей, вызванныхъ въ судъ по настоящему дѣлу, оказалось, что не явился одинъ только помощникъ провизора Лейцингеръ, который находится въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ судѣ второй экземпляръ повѣстки не полученъ. Судъ, по выслушаніи заключенія прокурора и заявленія защитника, опредѣлилъ: свидѣтеля Лейцингера за неявку штрафу не подвергать и приступить къ судебному слѣдствію, несмотря на его отсутствіе. Наличные свидѣтели, по распоряженію предсѣдательствующаго, были удалены въ особыя комнаты. Изъ числа очередныхъ присяжныхъ засѣдателей не явилось десять человѣкъ, а изъ запасныхъ двое. По выслушаніи заключенія прокурора, судъ рѣшилъ: въ обсужденіе причинъ неявки присяжныхъ не входить за состоявшимся опредѣленіемъ суда по этому предмету въ предшествовавшія засѣданія. Изъ неотведенныхъ были выбалотированы 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ засѣдателя; въ составъ первыхъ вошли 4 чиновника, 4 купца, 2 мѣщанина и 2 крестьянина, а запасными были 1 чиновникъ и 1 крестьянинъ. Присяжные, по принятіи присяги, избрали старшиною губернскаго секретаря К. И. Кедрова; предсѣдательствующій объяснилъ имъ ихъ права и обязанности.

Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: „1867 года 7-го октября Романово-Борисоглѣбскій земскій врачъ Држевецкій заявилъ полиціи, что наканунѣ, т.-е. 6 числа, онъ былъ приглашенъ въ квартиру чиновника Авенира Николаева Орлова для поданія ему медицинскихъ пособій. При посѣщеніи Орлова, онъ, Држевецкій, нашелъ его въ крайне болѣзненномъ состояніи: лице больнаго и губы были синія, у него былъ сильный внутренній жаръ, вслѣдствіе котораго онъ чувствовалъ постоянно жажду и потреблялъ значительное количество воды, которая тотчасъ же извергалась рвотою. Животъ больнаго былъ вздутъ газами и при постукиваніи въ него кишки издавали металлическій звонъ. При этомъ Орловъ объяснилъ ему, Држевецкому, что заболѣлъ онъ 4 октября, вечеромъ, послѣ того какъ выпилъ чайную чашку водки и съѣлъ нѣсколько ложекъ щей; что тотчасъ же послѣ этого съ нимъ сдѣлалась рвота, которая продолжалась всю ночь, а затѣмъ утромъ припадки рвоты уменьшились и взамѣнъ ихъ послѣдо-

валъ поносъ, продолжавшійся во все время. Онъ, Дрҗевецкій, составилъ соотвѣтствующій болѣзни рецептъ; но больной, принявъ прописанное лекарство только одинъ разъ, часовъ въ 6 вечера въ тотъ день умеръ. Въ виду описанныхъ явленій болѣзни Орлова, онъ, Дрҗевецкій, полагаетъ, что смерть Орлову послѣдовала отъ отравленія.

10-го октября, въ присутствіи врача Дрҗевецкаго, городовой врачъ Цвѣтаевъ произвелъ наружный и внутренній судебно-медицинскій осмотръ трупа Орлова, послѣ чего врачи заключили, что смерть Орлову послѣдовала отъ воспаленія кишекъ, которое, нужно предположить, произошло отъ отравленія.

По химическому изслѣдованію внутренностей Орлова, въ нихъ оказался мышьякъ.

То вещество, которое извергалъ Орловъ (рвотой и поносомъ), не было сохранено, а слѣдовательно и не было подвергнуто изслѣдованію. Въ чайной же чашкѣ, изъ которой пилъ Орловъ водку и въ тазу, въ который рвало Орлова, металлическихъ ядовъ не найдено.

Бутылка, въ которой была принесена вечеромъ 4 октября водка, отъ которой Орловъ заболѣлъ, осталась неразысканной и жена покойнаго Марья Владимірова при дознаніи отозвалась, что бутылку эту она отдала какой-то неизвѣстной женщинѣ—сидѣлицѣ какого-то питейнаго дома.

Подозрѣніе въ отравленіи Орлова пало на жену его Марью Владимірову, по слѣдующимъ основаніямъ:

Марья Владимірова жила въ городѣ Романовѣ, на квартирѣ въ домѣ мѣщанки Анны Круговихиной, одна съ малолѣтней дочерью, а мужъ ея съ марта мѣсяца (а можетъ быть и ранѣе), служилъ въ г. Рыбинскѣ; пріѣхалъ онъ въ Романовъ въ послѣднихъ числахъ сентября здоровымъ; октября 4 онъ былъ здоровъ и заболѣлъ лишь вечеромъ этого числа, выпивъ чашку водки и съѣвъ нѣсколько ложекъ щей; такъ какъ эти же щи 6 октября ѣла малолѣтняя дочь ихъ и болѣзненнымъ припадкамъ не подвергалась, то, слѣдовательно, причиной болѣзни Авенира Орлова была выпитая имъ чашка водки.

Врачъ Дрҗевецкій удостовѣряетъ, что покойный Орловъ ему говорилъ, что водка эта была принесена ему, Орлову, его женой.

Тотъ же врачъ удостовѣряетъ, что сама Марья Владимірова говорила ему, при посѣщеніи имъ больнаго, что вино, которое вечеромъ 4 октября выпилъ ея мужъ, принесла она, Владимірова, изъ какого-то ближайшаго кабака.

Марья же Владимірова отвергаетъ это обстоятельство, объясняя, что она водки мужу не приносила и доктору объ этомъ

не говорила, что мужъ ея, возвратясь домой вечеромъ 4 числа, принесъ съ собой бутылку съ водкой.

Мужъ сестры Орлова, священникъ Борголышкинскій показалъ, что утромъ 6 числа онъ попросилъ Марью Владимірову сходить за докторомъ. Это порученіе Владимірова исполнила съ видимымъ нежеланіемъ: такъ, прежде чѣмъ идти за докторомъ, она занялась какъ будто дѣломъ по хозяйству и это ея занятіе заключалось въ перестановкѣ нѣкоторыхъ вещей съ одного мѣста на другое безъ всякой разумной цѣли, нѣсколько разъ выходила въ сѣни и снова возвращалась въ комнату, такъ что онъ, свидѣтель, и больной Орловъ вынуждены были требовать настоятельно, чтобы она немедленно отправилась; послѣ чего Владимірова ушла, но чрезъ нѣсколько времени возвратилась и объявила, что она ходила въ больницу за докторомъ Држивецкимъ, но его не застала, такъ какъ онъ прямо изъ больницы уѣхалъ въ уѣздъ, а между тѣмъ Држивецкій находился въ городѣ и нѣсколько часовъ спустя былъ приглашенъ матерью больнаго Орлова Анною Михайловою Орловой. При этомъ Борголышкинскій присовокупляетъ, что когда Владимірова ушла изъ квартиры за докторомъ, то Авениръ Орловъ, разсказывая о своей болѣзни, выразилъ: „не поподчивала ли она (Владимірова) меня чѣмъ нибудь.“

Въ ½ 2 часа Држивецкій былъ у больнаго и прописалъ рецептъ, который, для изготовленія лекарства, былъ отнесенъ въ аптеку.

Затѣмъ, мать покойнаго, вдова священника Анна Михайлова Орлова показала, что когда Владимірова была послана въ аптеку за лекарствомъ, то, проходивъ часа два, возвратилась безъ лекарства, оправдываясь тѣмъ, что забыла взять съ собой денегъ. На вопросъ же свидѣтельницы о томъ—гдѣ она провела все это время,—объяснила, что провожала свою родственницу, отправлявшуюся на пароходѣ въ Ярославль. Послѣ чего она, Анна Орлова, уже сама сходила за лекарствомъ.

Также подозрительно поведеніе Владиміровой и послѣ смерти ея мужа:

Священникъ Костинъ, который исповѣдывалъ и пріобщалъ покойнаго, показываетъ, что на другой день послѣ смерти мужа, Владимірова приходила къ нему, Костину, и просила его сходить къ исправнику и доктору и похлопотать о томъ, чтобы отмѣнить вскрытіе трупа ея мужа; но когда Костинъ, заподозривъ съ своей стороны Владимірову въ отравленіи мужа, отказался содѣйствовать въ этомъ и совѣтовалъ ей обратиться къ родственникамъ мужа, то Владимірова возразила ему противъ родственниковъ, говоря, что они на глаза ее не принима-

ютъ и при этомъ выразилась: „что они сослать что ли хотятъ меня! у меня малое дитя, безжалостные."

Врачъ Дрожевецкій показалъ, что Марья Владимірова, послѣ смерти мужа, обращалась также и къ нему и усиленно просила не вскрывать трупа умершаго мужа, объясняя ему, что мужъ ея передъ смертью причащался и никого не подозрѣвалъ въ отравленіи себя, и что Владимірова между прочимъ говорила ему, Дрожевецкому, при этомъ, что мужъ ея очень рѣдко бывалъ дома, вездѣ пилъ водку и можетъ быть гдѣ нибудь принялъ чего нибудь вреднаго.

Родственникамъ же покойнаго говорила Владимірова, что мужъ ея передъ смертью просилъ не вскрывать его.

Обвиняемая показаніе родственниковъ и врача совсѣмъ отвергаетъ, а противъ показанія Костина говоритъ, что она приходила къ нему, но просила только выдать ей свидѣтельство, что мужъ ея предъ смертью исповѣдывался и пріобщался.

Въ ходатайствахъ своихъ о невскрытіи трупа мужа, Владимірова не могла руководствоваться чувствомъ любви и уваженія къ покойному, какъ то будетъ видно ниже сего.

Пономарь приходской церкви Ушаковъ, читавшій псалтырь надъ трупомъ Орлова, показываетъ, что во время его чтеній, Владимірова тихо, шепотомъ, разговаривала съ какой то женщиной въ сѣняхъ; причемъ онъ слышалъ, какъ неизвѣстная сказала Владиміровой: „тебя сошлютъ на каторгу."

Хозяйка дома, Круговихина, показала, что она разговора не слыхала, но удостовѣряетъ, что въ указанное время къ Владиміровой приходила жена брата Владиміровой и онѣ въ сѣняхъ тихонько о чемъ то разговаривали.

Священникъ Вознесенскій показалъ, что ему какъ то послѣ смерти Орлова говорилъ (умершій ранѣе допроса) старикъ мѣщанинъ Щукинъ, что онъ, Щукинъ, слышалъ, что Владимірова до смерти мужа искала по лавкамъ мышьяку.

На допросѣ у судебнаго слѣдователя Марья Владимірова относительно исчезновенія бутылки, изъ которой мужъ ея вечеромъ 4 октября пилъ водку, объяснила, что въ первое утро болѣзни мужа, т. е. 5 октября, она пошла въ сарай за дровами и когда возвращалась назадъ, то встрѣтила на крыльцѣ какую-то женщину; войдя въ комнату, она, Владимірова, замѣтила, что стоявшей до того на столѣ бутылки уже не было; на вопросъ ея о бутылкѣ, мужъ отвѣчалъ, что ее взяла сидѣльчиха кабака, но кто эта сидѣльчиха и откуда она, обвиняемая, не знаетъ. Бутылки она хватилась потому, что она была ей необходима для того, чтобы сливать въ нее клюквенный морсъ, который ей совѣтовали приготовить для мужа его родные, когда она ходи-

ла извѣстить ихъ о его болѣзни. Далѣе, на вопросъ слѣдователя о томъ, когда именно она ходила въ сарай за дровами: прежде ли извѣщенія родныхъ о болѣзни мужа или послѣ того, обвиняемая сказала сначала, что раньше, т.-е. тогда, когда она не имѣла еще порученія отъ родныхъ о приготовленіи клюковнаго морса и такимъ образомъ не могла нуждаться въ бутылкѣ по той причинѣ, которую она выставила. Когда Владиміровой было прочитано ея показаніе, она заявила слѣдователю, что она находится въ разстроенномъ состояніи и не помнитъ, что говоритъ, а потому и не можетъ подписать протокола своего показанія.

Въ своемъ показаніи Марья Владимірова въ оправданіе свое, между прочимъ, объясняетъ, что она любила своего мужа до крайности, „дышала въ него,“ и потому не могла рѣшиться на отравленіе его. Но это ея объясненіе совершенно опровергается обстоятельствами, раскрытыми предварительнымъ слѣдствіемъ. Какъ родственники, такъ и посторонніе лица удостовѣряютъ, что Владимірова жила съ своимъ мужемъ очень дурно, что между ними происходили постоянныя ссоры и драки, что мужъ ея былъ характера смирнаго, но что она, Владимірова, зла, постоянно со всѣми ругалась и даже дралась и имѣла любовниковъ, каковымъ въ послѣднее время былъ сторожъ Земской Управы, унтеръ-офицеръ Өедоровъ.

Когда мужъ умеръ, но не былъ еще похороненъ, Владиміровой постоянно не было дома и сторожъ Мироваго Съѣзда, рядовой Скрыпкинъ удостовѣряетъ, что Марья Владимірова на первую или на вторую ночь, послѣ смерти своего мужа, ночевала у своего любовника Өедорова, на одной съ нимъ кровати.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я обвиняю содержащуюся подъ стражей, вдову Коллежскаго Регистратора, нынѣ жену отставнаго унтеръ-офицера, Марью Владимірову (по первому мужу Орлову, а по второму Шангину) въ умышленномъ лишеніи жизни своего перваго мужа посредствомъ отравленія мышьякомъ, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1451 стат. Уложенія, за что она, Шангина, и подлежитъ суду Ярославскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Актъ составленъ 17-го ноября 1870 года въ Ярославѣ прокуроромъ Окружнаго Суда В. Завадскимъ, утвержденъ опредѣленіемъ Уголовнаго Департамента Московской Судебной Палаты 5-го января 1871 года.

На вопросъ предсѣдателя о виновности въ данномъ преступленіи подсудимая отвѣчала: „никакъ нѣтъ-съ, не виновата-съ.“

Защитникъ. „Прошу позволить разсказать подсудимой объ обстоятельствахъ смерти перваго ея мужа.

Прокуроръ. „По точному смыслу 680 и 683 ст. Уст. Уг. Суд. и согласно съ рѣшеніями кассаціоннаго департамента, подсудимые не допрашиваются, если не сознаются; поэтому Марьѣ Владиміровой не должно предлагать дальнѣйшихъ вопросовъ.“

Предсѣдатель, обращаясь къ защитнику: „Ваше ходатайство не можетъ быть уважено, ибо обвиняемая не созналась.“

Защитникъ. „Я покорнѣйше прошу судъ спросить мою кліентку, не какъ подсудимую, а какъ свидѣтельницу смерти Авенира Николаева Орлова.“

Предсѣдатель. „Она обвиняется въ отравленіи Орлова и потому свидѣтельницей по этому дѣлу быть не можетъ; обстоятельства же смерти Орлова будутъ выяснены на судебномъ слѣдствіи.“

Относительно порядка спроса свидѣтелей прокуроръ заявилъ, что онъ всѣхъ допускаетъ къ присягѣ, ежели защита не предъявитъ отвода.

Защитникъ просилъ предложить вопросъ мѣщанкѣ Круговихиной, которая была приведена подъ стражей, ибо содержится въ тюрьмѣ за другое дѣло,—не судилась ли она съ Марьей Владиміровой? На вопросы предсѣдателя Круговихина объяснила, что Шангина обвиняла предъ мировымъ судьей ее въ кражѣ денегъ; дѣло это началось во время смерти перваго мужа Владиміровой, чѣмъ кончилось это дѣло Круговихина не знаетъ. Защитникъ прибавилъ, что онъ также и его кліентка не знаютъ—кончилось ли это дѣло?

Прокуроръ. Такъ какъ, по словамъ Круговихиной, дѣло началось у мироваго судьи болѣе 3 лѣтъ тому назадъ, то я полагаю, что оно должно уже кончиться; дѣло это не можетъ быть названо тяжбой, о которой говорится въ 707 ст. Уст. Уг. Суд. и потому не составляетъ основательной причины отвода. Впрочемъ для меня совершенно безразлично будетъ ли Круговихина спрошена подъ присягой или безъ оной.

Защитникъ. „Я не могу согласиться съ г. прокуроромъ относительно свойства дѣла; если законъ указываетъ на гражданскую тяжбу, какъ на причину, то еще болѣе имѣетъ значенія уголовный искъ; настоящее же дѣло соединено съ возвратомъ денегъ, слѣдовательно имѣетъ особый интересъ и потому я отвожу Круговихину отъ присяги, затѣмъ еще отвожу священниковъ и родственниковъ покойнаго Орлова.“

Предсѣдатель. „Священники не отводятся, ибо ихъ къ присягѣ не приводятъ, а спрашиваютъ по священству, сана же ихъ снять нельзя.“

Судъ опредѣлилъ: свидѣтельницу Орлову на основаніи 2 п. 707 ст., пономаря Ушакова по 3 п. 707 ст. и мѣщанку Круговн-

хину по 4 п. 707 и 710 ст. Уст. Уг. Суд. спросить безъ присяги, священниковъ Борголышкинскаго, Костина и Вознесенскаго по священству, а остальныхъ свидѣтелей и экспертовъ привести къ присягѣ.

Священникъ, приводившій къ присягѣ заявилъ, что одна изъ свидѣтельницъ, хотя приняла присягу, но не приложилась къ св. Кресту и Евангелію, такъ какъ, по особому положенію своему, сдѣлать этого не можетъ. Судъ, по спросѣ сторонъ, опредѣлилъ не считать встрѣтившееся обстоятельство препятствіемъ къ продолженію судебнаго засѣданія.

Предсѣдатель предложилъ сторонамъ—не найдутъ ли онѣ возможнымъ, чтобы эксперты присутствовали въ залѣ судебнаго засѣданія во все время производства судебнаго слѣдствія? Прокуроръ призналъ это необходимымъ, а защитникъ настаивалъ на удаленіи экспертовъ, потому что они должны давать заключенія о силѣ, употребленіи и дѣйствіи яда единственно по даннымъ науки, не основываясь на обстоятельствахъ дѣла, и ему извѣстны случаи, когда эксперты были удаляемы изъ залы на время судебнаго слѣдствія. Прокуроръ возразилъ, что, при рѣшеніи дѣлъ въ Кассаціонномъ Департаментѣ Сената, возникалъ вопросъ о правѣ экспертовъ дѣлать свидѣтелямъ вопросы, изъ чего видно, что Сенатъ не воспрещаетъ присутствіе экспертовъ на судебномъ слѣдствіи. Защитникъ замѣтилъ, что, по разъясненію Сената, суду принадлежитъ право признать необходимымъ присутствіе экспертовъ при судебномъ слѣдствіи или удалить изъ залы, съ своей же стороны онъ находитъ полезнымъ, чтобы эксперты основывались только на данныхъ науки, и во всякомъ случаѣ проситъ допросить ихъ порознь. Судъ опредѣлилъ: имѣя въ виду необходимость для экспертовъ давать экспертизу по выслушаніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, пригласить ихъ присутствовать при судебномъ слѣдствіи.

Послѣ пятиминутнаго перерыва начался спросъ свидѣтелей.

1-й свидѣтель докторъ А. И. Држевецкій. „Осенью 1867 года я былъ приглашенъ какою-то женщиною, кажется женою его, къ больному; у него были мать, жена и еще кто-то. Орлова я нашелъ съ признаками холернаго больнаго, онъ сказалъ мнѣ ясно, что 3-го дня былъ здоровъ; выпивъ стаканъ вина и съѣвъ немного щей, почувствовалъ боли, началась сильная рвота, потомъ поносъ. Такъ какъ холеры въ то время не было, то я самъ въ себѣ заподозрилъ, что было отравленіе острымъ ядомъ; поэтому я предложилъ нѣсколько вопросовъ матери, она сказала, что это очень подозрительная вещь, ибо отношенія Орлова съ женою нехороши. Вскорѣ послѣ моего ухода Орловъ умеръ; я приготовилъ, узнавъ о смерти его, заявленіе въ полицію о вскрытіи.

На другой день пришла ко мнѣ подсудимая и усиленно просила не вскрывать ея мужа, даже предлагала мнѣ деньги; говорила, что Орловъ пилъ водку во многихъ мѣстахъ и, какъ я помню, даже сказала: „неужели же я буду виновата?" Я заявилъ полиціи, вскрывалъ трупъ вмѣстѣ съ врачемъ Цвѣтаевымъ, внутренности были очень подозрительны, но безъ химическаго изслѣдованія трудно было опредѣлить: данъ ли былъ мышьякъ или сулема, поэтому ихъ запечатали и отослали во Врачебную Управу.

Предсѣдатель. „Были ли вами прописываемы лекарства и давали ли ихъ больному?"

Г. Дрожевецкій. „Да, успокоительныя, кажется, безъ меня дали ему разъ."

Прокуроръ. „Кто приглашалъ васъ къ больному Орлову?—На предварительномъ слѣдствіи вы показали, что мать, а теперь говорите—жена?"

Свидѣтель. „Не припомню, кажется мать."

Прокуроръ. „Кого вы спрашивали о причинахъ болѣзни Орлова."

Свидѣтель. „Окружающихъ, теперь не припомню, кого именно."

Прокуроръ. „Вы положительно утверждаете, что Орловъ до щей и водки былъ здоровъ?"

Свидѣтель. „Да. При вскрытіи трупа не было найдено другихъ признаковъ, раздраженіе желудочно-кишечнаго канала было слабо, ядъ уже дѣйствовалъ на нервную систему."

Защитникъ. „Прошу показаніе свидѣтеля Дрожевецкаго записать въ протоколъ, такъ какъ замѣтно разнорѣчіе съ прежнимъ показаніемъ, напримѣръ..."

Предсѣдатель. „Не сопоставляйте показаній свидѣтеля и не дѣлайте выводовъ, вы можете указать на это въ своей рѣчи."

Защитникъ. „Г. прокуроръ позволяетъ себѣ предлагать вопросы, содержащіе отвѣты на нихъ, такъ, свидѣтель говорилъ, что его приглашала къ больному жена его, а послѣ напоминанія г. прокурора сказалъ, что приходила мать Орлова. Замѣчая противорѣчія, вновь прошу записать показаніе доктора Дрожевецкаго въ протоколъ."

Прокуроръ. „Я не требую записки въ протоколъ, ибо это дѣлается только для преслѣдованія, а обвинитель не считаетъ нужнымъ; существо же свидѣтельскихъ показаній въ судебномъ засѣданіи съ присяжными не прописывается."

Защитникъ. „Я имѣю несомнѣнное право дѣлать заявленія и просить внесенія ихъ въ протоколъ, а какъ будетъ угодно суду, такъ они и исполнятся."

Предсѣдатель. Къ секретарю: „запишите заявленіе защитника."

Свидѣтель Дрожевецкій на вопросы защитника отвѣчалъ: „Рецепта не помню, далъ успокоительныя капли и совѣтовалъ при-

нять мѣры для согрѣванія тѣла, была еще возможность возвратить къ жизни, я имѣлъ цѣлью возбудить жизненную реакцію."

Защитникъ. „Не помните ли вы, кто шелъ съ вами отъ больнаго?"

Свидѣтель. „Хорошо помню, что шла мать больнаго."

Защитникъ. „Странно, что такъ хорошо запомнили."

Свидѣтель, перебивая: „Нѣтъ не странно, г. защитникъ, потому что одни обстоятельства изглаживаются изъ памяти скорѣе, другія запоминаются тверже; нерѣдко, человѣкъ забываетъ важное обстоятельство, а помнитъ хорошо мелочи."

Защитникъ. „Женщина, которая исчезла изъ вашей памяти, звавшая васъ къ больному Орлову, застала васъ дома?"

Свидѣтель. „Да, застала." На дальнѣйшіе вопросы защиты свидѣтель отвѣчалъ: „это могло быть по возвращеніи моемъ изъ больницы, впрочемъ былъ ли я точно въ этотъ день въ больницѣ, утверждать не могу. Къ больному я пришелъ послѣ обѣда, подъ вечеръ, было еще свѣтло. Окружающихъ не помню; были мать, жена, постороннихъ лицъ не могу припомнить. Съ больнымъ уже не было ни рвоты, ни поноса, замѣчалъ припадки, какъ у холернаго больнаго. Вѣроятно, я сказалъ окружающимъ чтобы послѣ пришли за мною, теперь не помню. Вечеромъ въ тотъ день Марью Владимірову не встрѣчалъ, по крайней мѣрѣ не помню; на другой же день она приходила ко мнѣ. Не помню осматривалъ ли чашку, откуда ѣлъ щи Орловъ, не могу также сказать—бралъ ли я ее, только остатковъ пищи и изверженій не осталось. Ранѣе Орлова не видалъ, узналъ о смерти его отъ городоваго врача Цвѣтаева, который тоже былъ приглашенъ. Антидотовъ не прописывалъ, потому что ихъ даютъ немедленно, а тутъ уже много прошло времени. Холерный ядъ весьма похожъ на мышьяковый ядъ, но они далеко не тождественны; холерныхъ капель я не прописывалъ, въ то время нигдѣ не было случаевъ холеры. Заключеніе далъ вмѣстѣ съ врачемъ Цвѣтаевымъ, что нужно предполагать, что смерть произошла отъ металлическихъ ядовъ, только необходимо химическое изслѣдованіе. Выводъ сдѣлали не по полицейскому дознанію, а прямо по явленіямъ предсмертнымъ и найденнымъ въ трупѣ. Больной не говорилъ прямо объ отравленіи, а положительно сказалъ, что до принятія водки и щей былъ здоровъ."

Прокуроръ. „Такъ какъ свидѣтель отзывается забывчивостію отъ весьма важныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе этого разнорѣчитъ съ прежнимъ показаніемъ, то, на основаніи 627 ст. Уст. Угол. Суд. и рѣшеній Кассаціоннаго Департамента Сената прошу прочесть показаніе, данное докторомъ Држевецкимъ на предварительномъ слѣдствіи.

Защитникъ. „Не только ничего не имѣю противъ заявленія г. Прокурора, а скажу, чѣмъ болѣе будутъ читать, тѣмъ лучше."

Членъ суда Половцевъ. „Хорошо ли вы помнили обстоятельства дѣла, когда показывали судебному слѣдователю?"

Г. Дрэкевецкій. „Да, тогда помнилъ, потому что немного прошло времени."

Членъ суда Малыхинъ. „Сколько подсудимая предлагала вамъ денегъ?"

Г. Дрэкевецкій. „Не знаю, они были завернуты въ бумажку."

Защитникъ. „Марья Владимірова просила васъ усиленно невскрывать?"

Свидѣтель. „Да, съ одной стороны просила не вскрывать, а съ другой стороны еще сказала: „неужели же я буду виновата."

Защитникъ. „Не объяснила ли она вамъ причины, почему не желаетъ вскрытія?"

Свидѣтель. „Трудно помнить всѣ слова черезъ 4 года, не могу теперь сказать."

Судъ опредѣлилъ: усматривая разнорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтеля Држевецкаго и принимая во вниманіе запамятованіе многихъ важныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе заявленія прокурора и невозраженія защитника, на основаніи 627 ст. Уст. Уг. Суд., и руководствуясь рѣшеніемъ Кассаціоннаго Департамента Сената за 1869 годъ № 831-й, прочесть показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Затѣмъ секретарь прочелъ слѣдующее:

1868 года іюля 3 дня судебнымъ слѣдователемъ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда 1 участка Хабаровымъ, по дѣлу о Коллежскомъ Регистраторѣ Авенирѣ Николаевѣ Орловѣ, умершемъ отъ отравленія, былъ спрошенъ безъ присяги Романово-Борисоглѣбскій земскій врачъ Надворный Совѣтникъ Александръ Игнатьевичъ Држевецкій, который на предложенные вопросы отвѣчалъ.

1) Сколько вамъ лѣтъ отъ роду, какого вы вѣроисповѣданія и не были ли подъ судомъ?

Мнѣ тридцать одинъ, вѣры я римско-католической и подъ судомъ не бывалъ.

2) Кто именно васъ пригласилъ къ больному Коллежскому Регистратору Авениру Николаеву Орлову и рано ли вы были къ нему приглашены?

Къ больному Авениру Орлову меня пригласила мать его, которая пришла ко мнѣ на квартиру въ часъ по полудни, а я пошелъ къ больному черезъ $1/2$ часа по приглашеніи.

3) Какъ вамъ объяснялъ Авениръ Орловъ свою болѣзнь и какое вы вывели заключеніе вообще объ его болѣзни, то-есть чему приписали ея причину?

Авениръ Орловъ объяснилъ мнѣ, что онъ заболѣлъ рвотою сейчасъ по принятіи чашки вина и нѣсколькихъ ложечекъ щей. Болѣзнь его представляла явленіе сильнаго раздраженія желудочно-кишечнаго канала, потому я заподозрѣлъ, что болѣзнь произошла отъ отравленія; но окружающимъ больнаго и ему объ этомъ своемъ подозрѣніи тогда не говорилъ, потому что предполагалъ, что и другія причины, напримѣръ простуда или дурная пища, могли причинить эту болѣзнь.

4) Какія лекарства вами были прописаны противъ болѣзни Орлова, то-есть не были ли эти лекарства прямо противуядныя?

Я въ квартирѣ Орлова еще не былъ убѣжденъ, что болѣзнь произошла отъ яду, подозрѣнія не изъявлялъ, чтобы не обидѣть окружающихъ и нельзя было составить яснаго убѣжденія, потому что извергнутое рвотою и поносомъ было убрано. Поэтому я давалъ не противоядіе, а лекарство противъ раздраженія кишечнаго канала; да противоядія и давать не слѣдовало бы черезъ $1\frac{1}{2}$ сутокъ послѣ принятія яду, ибо оно дается только вскорѣ послѣ пріема яду.

5) Не видѣли ли вы тогда въ квартирѣ Орлова бутылку съ водкой и чашку, изъ которыхъ Орловъ выпивалъ передъ болѣзнью, и если видѣли, то не замѣтили ли въ нихъ остатковъ мышьяка?

Бутылки и чашки я не видѣлъ, спрашивалъ — не осталось ли то вино, которое онъ пилъ? но получилъ отвѣтъ отрицательный. Кого я спрашивалъ, не помню, тутъ были мать больнаго, жена его и хозяйка квартиры.

6) Не объясняли ли вамъ окружающіе Орлова, куда дѣвались бутылка и чашка, изъ которыхъ пилъ водку Орловъ?

Не помню какой мнѣ они дали отвѣтъ на вопросы мои въ этомъ родѣ.

7) Не говорилъ ли вамъ самъ Орловъ про это, а также не говорилъ ли онъ вамъ откуда и кѣмъ было принесено вино, которое онъ пилъ передъ болѣзнью и не объяснялъ ли онъ вамъ причины, по которой онъ тогда пилъ вино?

Мнѣ помнится, что Орловъ мнѣ говорилъ, что вино и щи принесла ему жена. Причины, по которой онъ пилъ вино, не объяснялъ; говорилъ, что у жены бралъ. О томъ, куда дѣвалась чашка и бутылка изъ подъ вина—самъ Орловъ ничего не говорилъ.

8. Не объяснялъ ли вамъ Орловъ, откуда принесено къ нему вино и по его желанію или нѣтъ было принесено ему тогда вино женою его; не объяснялъ ли онъ вамъ относительно того, что подносила ли ему водку жена его раньше этого времени?

Отъ самого Орлова въ этомъ отношеніи я не помню никакихъ объясненій.

9. Не говорила ли вамъ жена Орлова — Марья Владимірова, что водка для Орлова была принесена ею самой, откуда она ее принесла и по какому случаю, то-есть по просьбѣ Орлова или безъ просьбы?

Жена Орлова говорила, что она вино принесла сама изъ какого-то ближняго кабака, по просьбѣ же или не по просьбѣ мужа, того, кажется, не говорила.

10. Не заявлялъ ли вамъ Орловъ какого-либо подозрѣнія относительно отравленія его ядомъ, а также не говорилъ ли онъ чего нибудь про вкусъ водки и щей, которыя пилъ и ѣлъ во время ужина и про свое здоровье до ужина?

Орловъ мнѣ говорилъ ясно и положительно, что онъ былъ здоровъ до ужина и захворалъ сейчасъ же по принятіи водки и щей, но подозрѣнія объ отравленіи онъ не заявлялъ. На вопросъ мой не замѣтилъ ли онъ особеннаго вкуса въ водкѣ или въ щахъ онъ отвѣтилъ, что не замѣтилъ.

11. Чему именно болѣе Орловъ приписывалъ свою болѣзнь, водкѣ или щамъ?

И водкѣ, и щамъ одинаково.

12. Не извѣстно ли вамъ что-нибудь про отношенія, которыя были между Орловымъ и его женою?

По дорогѣ отъ больнаго въ аптеку я шелъ съ матерью Орлова. Я спрашивалъ ее, нѣтъ ли подозрѣнія въ отравленіи Орлова? Мать сказала, что онъ дурно живетъ съ женою и что можетъ быть жена подала ему яду. Послѣ того я слышалъ отъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ не упомню, что Орлова жила дурно съ мужемъ.

13. Въ чемъ именно заключалась дурная жизнь жены Орлова въ отношеніи къ мужу, то-есть какъ вамъ объясняли эти лица, отъ которыхъ вы слышали вообще про ея дурную жизнь?

Говорили вообще, что она женщина дурнаго поведенія и что имѣла любовную связь съ разными лицами, кромѣ мужа; между прочимъ съ какимъ то солдатомъ изъ земской управы.

14. Прежде чѣмъ вы были приглашены къ больному Орлову его матерью, не приглашала ли васъ къ нему сама Орлова Марья Владимірова; не были ли вы до приглашенія къ больному въ тотъ день въ больницѣ и не собирались ли вы отсюда прямо въ уѣздъ; не были ли для васъ прямо къ больницѣ поданы тогда лошади, чтобы ѣхать вамъ въ уѣздъ?

До приглашенія матери Орлова никто меня туда не приглашалъ. Въ больницѣ въ тотъ день вѣроятно былъ и вѣроятно утромъ до приглашенія. Но ѣздилъ ли въ тотъ день въ уѣздъ или нѣтъ — не помню; а также не помню — подавались ли мнѣ тогда въ больницу какія-нибудь лошади.

15. Послѣ того какъ Орловъ умеръ, не приходила ли къ вамъ жена его Марья Владимірова просить, чтобы не было произведено надъ нимъ судебно-медицинскаго вскрытія; если приходила, то неизвѣстно ли вамъ, что ее къ тому побудило и не объясняла ли чего-нибудь въ этотъ разъ про причину его смерти?

На другой день утромъ Орлова приходила ко мнѣ и просила усиленно, чтобы трупъ ея мужа не вскрывался. Но какая причина ее къ тому побудила, я не знаю, можетъ быть боязнь, можетъ быть нежеланіе, чтобы трупъ мужа былъ вскрываемъ. Она говорила, что мужъ ея причащался передъ смертью, не подозрѣвалъ никого въ причиненіи ему отравленія. Она, между прочимъ, тогда говорила мнѣ, что мужъ ея очень рѣдко бывалъ дома и можетъ быть гдѣ-нибудь принялъ чего-нибудь вреднаго.

16. Все ли показано вами справедливо и готовы ли вы подтвердить подъ присягой на судѣ?

Все показано мною справедливо и могу подтвердить присягою.

Предсѣдатель. Припомнили ли вы теперь?

Г. Држевецкій. Прежде хорошо помнилъ, но слѣдствіе долго продолжалось, теперь нѣкоторыхъ выраженій не могу припомнить.

Прокуроръ. Но вы положительно утверждаете прочитанное?

Свидѣтель. Да, что утвердительно, положительно, а гдѣ сказано: мнѣ помнится, то не могу подтвердить съ точностью.

Защитникъ. Считаю долгомъ обратить вниманіе на то, что заявленіе свидѣтеля противорѣчитъ г. прокурору; сейчасъ было сказано, что свидѣтель не можетъ положительно подтвердить всего прочитаннаго, а лишь нѣкоторыя обстоятельства.

Прокуроръ. Свидѣтель отвѣчалъ мнѣ весьма опредѣлительно, его слова не должны возбуждать сомнѣнія. Онъ сказалъ, что положительно подтверждаетъ все, о чемъ говорилъ слѣдователю утвердительно, а онъ о всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какъ сейчасъ было видно, говорилъ утвердительно, такъ напримѣръ за нимъ приходила мать, а не жена Орлова.

Подсудимая на спросъ предсѣдателя. Не все справедливо, такъ будто не я приходила. Ши видѣли г. Налетовъ и домовая хозяйка. Я сама хватилась бутылки, только ея не было, мужъ отдалъ какой то женщинѣ. Онъ дома не ужиналъ, водку съ собою принесъ, пришелъ выпивши, пилъ холодную воду изъ колодца, болѣе ведра выпилъ. Сама пригласила г. Држевецкаго часовъ въ 12, еще снимала пальто съ него, сначала онъ заходилъ къ домовой хозяйкѣ; прописалъ холерныя капли, приказалъ поставить самоваръ. Мужнины родные на меня постоянно нападали, считали низкимъ для себя, что мужъ мой женился на мнѣ.

Однажды въ Свѣтло-Христово Воскресенье меня исколотили и платье разорвали.

Предсѣдатель. Объ отношеніяхъ къ роднымъ вашего мужа вы можете разсказать послѣ, а говорите противъ показанія свидѣтеля Држевецкаго.

Подсудимая. На другой день къ нему приходили 3 женщины: двѣ золовки и мать, все кланялись, чтобы призналъ отравленіе.

Свидѣтель Држевецкій на вопросъ объ этомъ защитника — сколько мнѣ помнится, не приходили.

2-я свидѣтельница Анна Михайлова Орлова, вдова священника, мать Авенира Орлова. Потрудитесь мнѣ мое показаніе дать, тогда я разскажу. Когда же ей замѣтили, что этого сдѣлать нельзя и что она должна показывать изустно, что помнитъ, тогда она начала такъ: приходила жена, сказала, что мужъ боленъ очень; мы предлагали доктора. Сдѣлали 2½ бутылки клюковнаго морса, я сама ходила за докторомъ и отцемъ Александромъ. Сына спрашивалъ докторъ, что онъ кушалъ; онъ говорилъ: поѣлъ щей и, сверхъ обыкновенія, жена поднесла водки. Жена ходила за лекарствомъ, пришла поздно въ 4 часа пополудни, говорила будто сестру провожала на пароходъ; я сама уже ходила за лекарствомъ. Когда пришли г. Цвѣтаевъ и мой зять, то сынъ имъ говорилъ: „помогите, помогите, мнѣ, гг., не хочется помирать."

Свидѣтельница на вопросы прокурора отвѣчала: Докторъ велѣлъ нагрѣвать бутылки и приставлять къ ногамъ, она ушла со двора—печь не была истоплена. Я пришла въ 9-мъ часу послѣ ранней обѣдни, печь была не топлена и за дровами Владимірова не ходила. Бутылокъ для морса не достало, хозяйка дала. Со двора Владимірова ушла въ 12 часовъ, а пришла въ 4 часа, сынъ былъ очень труденъ, мнѣ показалось это страннымъ, потому что мужъ просилъ принести скорѣй лекарства. Она говорила, что мужъ просилъ, чтобы его не вскрывать, но при мнѣ онъ этого не говорилъ. Я никакого не заявляла подозрѣнія. Она сварливая женщина, съ мужемъ бранилась, онъ жилъ въ Рыбинскѣ последнее время, а она въ Романовѣ. Она часто уходила со двора и оставляла безъ призору двухлѣтнюю свою дочь, хозяйка и дѣвочка присматривали. Сынъ ничего не говорилъ, кто принесъ водку, только сказалъ, что сверхъ обыкновенія, поднесла мнѣ жена водки; онъ не говорилъ, что самъ онъ купилъ водку. О пальто его потому говорили, что будто онъ принесъ бутылку съ водкой; въ этотъ день былъ у моего зятя, онъ обѣдалъ, потомъ пошелъ домой и спалъ до 7 часовъ вечера. Денегъ у сына въ то время не было, онъ хотѣлъ меня видѣть въ тотъ день

вечеромъ, я была въ Ярославлѣ, а жена не пустила, уговорила его напиться чаю.

Защитникъ. Вашъ сынъ чиновникъ, пріятно вамъ было, что онъ женился на дворовой дѣвкѣ?

Свидѣтельница. Нѣтъ, я этого не желала, но послѣ принимала и, какъ она сдѣлалась дочерью, любила, не рознила отъ дѣтей.

Защитникъ. Отъ кого узнали вы о болѣзни сына и кто вамъ именно сказалъ?

Свидѣтельница. Она въ домѣ зятя объявила и меня отыскала въ церкви.

Защитникъ. Почему вы немедленно не обратились къ врачу?

Свидѣтельница. Сынъ самъ доктора не пожелалъ, а просилъ Николая Николаевича, потому онъ зятя любилъ и уважалъ, хотѣлъ съ нимъ посовѣтываться.

Защитникъ. Вашъ зять былъ очень хорошъ съ вашимъ сыномъ, онъ зналъ о его болѣзни и не пошелъ въ тотъ день?

Свидѣтельница. Да, зять мой зналъ о болѣзни, но, по дѣламъ, не могъ быть въ тотъ день, а на другой день былъ въ 6 часовъ утра, я же была въ тотъ день послѣ ранней обѣдни. Далѣе еще она показала: къ доктору ходила я прямо изъ дому; зять ходилъ самъ въ больницу, помню это хорошо, потому что онъ мнѣ говорилъ объ этомъ. Сынъ посылалъ жену, она сказала, что г. Држевецкій съ утра уѣхалъ въ уѣздъ. Докторъ прописалъ лекарство, я сама пошла въ аптеку, сказали, что черезъ часъ будетъ готово, поэтому пошла домой, оттуда прямо къ сыну и сейчасъ же послала Марью Владимірову за лекарствомъ, а она пришла въ 4 часа пополудни.

Защитникъ. Если докторъ былъ у васъ послѣ обѣда, какъ онъ показалъ, передъ вечеромъ, да вы пошли въ аптеку, потомъ домой, послѣ къ сыну, то что же удивительнаго, когда Марья Владимірова, выйдя изъ дому въ 4 часу, вернулась домой въ 4 часа.

Свидѣтельница Орлова. Нѣтъ, докторъ былъ въ 11 часовъ.

Г. Држевецкій при переспросѣ показалъ, что, сколько ему помнится, онъ былъ послѣ 2 часовъ дня у Орлова, но утвердительно теперь, за давностію, сказать не можетъ.

Свидѣтельница Анна Орлова. Потомъ я пошла съ докторомъ Држевецкимъ и говорила, что не напоенъ ли сынъ какою дрянью? щей сынъ съѣлъ ложки 2 или 5 не болѣе, другихъ разговоровъ я съ докторомъ не имѣла. Подозрѣніе возымѣла на невѣстку на томъ основаніи, что она сварливая женщина, другихъ основаній не было. Еще она безчувственно относилась къ своей дочери.

Защитникъ. Вы, какъ нѣжная бабушка, внучку взяли къ себѣ по смерти сына?

Свидѣтельница Орлова обиженнымъ тономъ: я сама сирота, дочь схоронила, живу у вдоваго зятя изъ милости, христа ради, куда мнѣ ее взять, вотъ оно что. Затѣмъ она продолжала: о замужствѣ Владимировой не знаю, только слышала также о заключеніи въ острогъ. Что касается до внучки, то не знала, что она въ острогѣ, но все таки не имѣю средствъ взять къ себѣ. О безчувственности Владимировой сужу по разсказамъ домовой хозяйки.

Защитникъ. Слѣдовательно вы судите по слухамъ, я вижу часто внучку вашу и еще другаго очень чистаго ребенка, значитъ ваша невѣстка заботливая мать.

На слѣдующіе вопросы защитника *свидѣтельница Орлова* показала, что ея не было дома, когда заболѣлъ сынъ, онъ былъ у ея зятя, обѣдалъ и ушелъ часовъ въ 12 дня. Покойный сынъ, нерѣдко жаловался, что жена его дурно вела себя, раскаявался что женился на ней и навѣрно онъ не сталъ бы обманывать мать, говоря неправду. Я очень любила сына, но къ нему ходила рѣдко, потому что мужъ передъ кончиною былъ 3 года нездоровъ. Къ г. Дрвевецкому съ дочерями послѣ смерти сына не ходила, а приходила одна просить, нельзя ли оставить и не вскрывать тѣла сына, потому въ нашемъ сословіи не принято, этого никогда не случалось. Солдата Ѳедорова знаю не много, не знаю на комъ онъ женатъ, но слышала, будто женился онъ на сестрѣ Марьи Владимировой. Относительно времени, когда впервые была допрошена слѣдователемъ, сколько времени продолжается дѣло и когда именно Марья Владимирова подверглась заключенію, свидѣтельница отозвалась запамятованіемъ и незнаніемъ.

Прокуроръ заявилъ, что подобныя свѣдѣнія легко добыть изъ дѣла и нѣтъ особенной надобности затруднять свидѣтелей подобными вопросами.

Подсудимая на показаніе Орловой замѣтила: нѣкоторыя слова матери нахожу несправедливыми. Я съ мужемъ жила хорошо, любила его такъ, что дышала на него. Родные насъ разстраивали, они говорили: зачѣмъ взялъ халуйку, не своего сословія, лучше тебѣ наложницу имѣть, чѣмъ жену. У покойнаго мужа было много невѣстъ, но изъ за родныхъ не шли за него. Вѣнчалъ насъ отецъ Николай, а послѣ онъ же говаривалъ: я васъ развѣнчаю. Я не отъ нужды шла замужъ, а полюбила его. Я и въ пяльцы шила, мыла, гладила, все работала, жила у господъ хорошихъ; меня звали въ Петербургъ, давали жалованья 12 руб., въ мѣсяцъ, не хотѣли отдавать за мужъ. Мужъ меня любилъ, но всѣ родственники его насъ разлучали. Мать долго отговарила его и послѣ изъ-за меня рѣдко ходила къ намъ. Когда онъ

приходилъ къ зятю Николаю Николаевичу, тотъ запиралъ ворота и не пускалъ меня; однажды я прихожу, мужъ смотритъ изъ окна, я говорю: кругомъ заперто, скажи, чтобы отперли; а онъ говоритъ: нѣтъ Маша, не отопрутъ, полѣзай въ окно. Я залилась слезами: ужели я не мужняя жена, или ты мнѣ не мужъ, народъ ходитъ, а я полѣзу въ окно, какъ любовница. Въ другой разъ избили. Притѣсняли меня они меня всячески и послѣ смерти упрашивали доктора Држивецкаго, чтобы показать отравленіе и обвинить меня.

Прокуроръ. Настоящее дѣло слишкомъ серьезно и потому для сторонъ не должно быть никакихъ сомнѣній, между тѣмъ защитникъ задалъ мнѣ загадку своими вопросами о сестрѣ подсудимой. Вслѣдствіе этого, покорнѣйше прошу г. предсѣдателя предложить подсудимой нѣсколько вопросовъ.

Подсудимая на вопросы, предложенные предсѣдателемъ, по желанію обвинителя, отвѣчала: сестру мою зовутъ Авдотьей Владиміровой, замужемъ она за унтеръ-офицеромъ Ѳедоровымъ, прежде была за другимъ, вышла замужъ вдовой. Первый ея мужъ умеръ послѣ моего мужа; проживаетъ она въ г. Пошехоньѣ.

Защитникъ заявилъ предсѣдательствующему желаніе получить отъ суда справку о ходѣ предварительнаго слѣдствія; на вопросъ предсѣдателя, на основаніи какого закона онъ проситъ, защитникъ замѣтилъ, что онъ основывается на заключеніи г. прокурора. На это предсѣдатель возразилъ, что ежели нѣтъ закона, то ходатайство не можетъ быть уважено. Прокуроръ высказалъ, что защитникъ его не понялъ, онъ вовсе не говорилъ о письменныхъ справкахъ, въ законѣ ясно и опредѣлительно выражено, что́ можетъ быть прочитано на судебномъ слѣдствіи. Продолжительность предварительнаго слѣдствія гг. присяжные могутъ усмотрѣть изъ обвинительнаго акта и всего судебнаго слѣдствія, ибо неоднократно повторялось, что Авениръ Николаевъ Орловъ умеръ 1867 года 7 декабря, слѣдовательно нѣтъ необходимости затруднять свидѣтельницу вопросами о времени и добиваться точнаго опредѣленія; самъ же защитникъ долженъ былъ узнать это изъ предварительнаго изученія дѣла, что́ не запрещается закономъ.

Защитникъ предъявилъ свидѣтельство, выданное подсудимой изъ Романово-Борисоглѣбскаго Полицейскаго Управленія и просилъ судъ дозволить ему прочитать это свидѣтельство. Прокуроръ, по разсмотрѣніи свидѣтельства, не возражалъ противъ прочета, только замѣтилъ, что оно лишь удостовѣряетъ личность подсудимой. Защитникъ сказалъ, что онъ хочетъ доказать этимъ свидѣтельствомъ, что полиціи было извѣстно объ отлучкѣ подсудимой, не по ея винѣ слѣдствіе долго не начиналось и что она

4*

самовольно не скрывалась отъ суда. Затѣмъ, согласно съ опредѣленіемъ суда, прочелъ самое свидѣтельство.

3-й свидѣтель священникъ Николай Николаевичъ Борголышкинскій. (Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ покойнаго Орлова). Когда заболѣлъ Орловъ, то не помню отъ кого узналъ; первое время меня что то задержало, на другой день, то есть въ день смерти пришолъ утромъ, онъ совѣтовался со мною. Я послалъ Марью Владимірову за докторомъ, она скоро пришла домой и сказала, что докторъ уѣхалъ въ уѣздъ; я самъ ходилъ въ больницу, мнѣ сказали, что докторъ въ городѣ. Передъ вечеромъ теща сказала мнѣ, что шуринъ очень труденъ, я пошолъ съ докторомъ Цвѣтаевымъ, онъ не узналъ насъ, сказалъ два слова и началась агонія. Первоначально мысль объ отравленіи родилась у доктора, дознаніе производилъ г. Налетовъ, я ничего особеннаго ему не сказалъ. Жили они не хорошо, шуринъ былъ вѣтренъ, а она желчнаго характера, у нихъ часто бывали ссоры. *На вопросъ прокурора свидѣтель показалъ.* Видѣлъ нерѣдко драки, начало все же было со стороны жены. Покойный шуринъ женился, не указавъ рѣзкой побудительной причины; думаю — по вѣтренности просто. Я ничего не имѣлъ противъ того, что Владимірова вошла въ семейство. Иногда его запирали, чтобы не могъ видѣться съ женою, дабы не было ссоръ и дракъ. Мы всѣ старались ихъ сблизить, я не знаю ни одного случая, чтобы кто желалъ поселить раздоръ. Послѣднее время Орловъ жилъ въ Рыбинскѣ, а жена въ Романовѣ, но бывала и въ Рыбинскѣ. Когда пріѣхалъ, то поселился у жены, но у меня бывалъ часто; наканунѣ теща уѣзжала въ Ярославль, онъ у меня часто обѣдывалъ и наканунѣ болѣзни тоже, только обѣщалъ придти введечеру и не пришелъ. Денегъ у него въ тотъ день положительно не было, утромъ издержалъ послѣдній гривенникъ; были ли дома не знаю, но при немъ рѣшительно не было. Говорилъ, что не поподчивали ли меня, между прочимъ сказалъ, хорошо помню, *не поподчивала ли меня жена*? Когда посылали ее за докторомъ, то она медлила, что-то все копалась и мнѣ это показалось подозрительнымъ, мужъ долженъ былъ уже браниться, чтобы она пошла скорѣй. Послѣ смерти она и меня просила, чтобы постараться отклонить вскрытіе, говорила, будто мужъ ее просилъ объ этомъ, но мнѣ онъ ничего не говорилъ; просила ходатайствовать о невскрытіи. Слышалъ отъ пономаря, что она ходила за водкой. Доходили до меня слухи, будто она была невѣрна ему; съ дочерью она обращалась вообще небрежно. Я служу у Воскресенія, а Покровъ составляетъ другой приходъ.

На вопросы защитника священникъ Борголышкинскій отвѣчалъ такъ: самъ я не подозрѣвалъ отравленія. Въ словахъ шу-

рина мысль была ясно выражена: не поподчивала ли меня чѣмъ нибудь жена? Но, видя ихъ частыя ссоры и взаимныя угрозы, я не обратилъ вниманія на эти слова, такъ онъ прежде, незадолго передъ симъ, сказалъ: „я просто убью тебя." Вѣтренность шурина, по моему, заключалась въ томъ, что былъ онъ человѣкъ способный, всѣ были довольны его службой и могъ бы получать хорошее жалованье, но отличался непостоянствомъ; нѣсколько разъ мѣнялъ мѣста службы, къ дѣлу относился невнимательно, манкировалъ, былъ небреженъ, иногда по этой причинѣ ему отказывали. Пилъ водку, но не былъ пьяницей и страсти къ вину не имѣлъ, а любилъ играть, даже страсть имѣлъ къ картамъ и проигрывалъ. Кажется я встрѣтился съ докторомъ Цвѣтаевымъ, навѣрное бы пригласилъ, но теперь хорошо не помню, какъ это было, только мы пришли вмѣстѣ, онъ насъ не узналъ, былъ моментъ сознанія, вскрикнулъ: „Господа, помогите, мнѣ не хочется помирать." Заявилъ 7 числа въ октябрѣ докторъ Држивецкій, а говорила ли съ нимъ матушка, не знаю. Орлову я иногда къ себѣ не пускалъ, или его запирали, чтобы не ссорились. Бывало, прибѣжитъ онъ раздраженный, кричитъ, а тутъ она прибѣжитъ и хотятъ драться, то во избѣжаніе драки запрешь его или не пустишь жену, а когда успокоятся, опять обойдутся. Смерть Орлова послѣдовала въ 1867 году, а къ судебному слѣдователю я былъ призванъ много времени спустя, не помню когда именно. Вскрывали на 4-й день, жена была на свободѣ, не знаю, когда ее заключили, доходили слухи, что вышла замужъ въ Ярославлѣ, кажется, узналъ объ этомъ съ полгода.

На вопросы Члена Суда Половцева: Вѣнчалъ я, родные не соглашались, долго отговаривали и я также. Въ церкви никто изъ родныхъ не былъ, потому что у насъ это не принято. На другой же день они пришли къ намъ и тесть—покойникъ принялъ ихъ очень ласково, провели весь вечеръ и потомъ нерѣдко бывали. Изъ аптеки къ нимъ ходьбы не болѣе получаса. Въ октябрѣ печи въ Романовѣ всегда топятся, когда была печь не затоплена, это меня нѣсколько удивило, потому не въ порядкѣ, но отнесъ къ болѣзни и безпокойству. Жили они не богато и случалось имъ вещи закладывать.

На вопросъ защитника. Въ день свадьбы родные не были въ церкви по общепринятому обычаю, въ квартирѣ у нихъ въ тотъ день тоже никто изъ родныхъ не былъ.

На вопросъ прокурора. Не знаю была ли у нихъ до брака связь, только они уже до свадьбы жили на одной квартирѣ, никакого торжества и пиру не было, а на другой день были у насъ.

Подсудимая противъ показанія возразила: я сама просила и

мужа и ихъ, чтобы послали за докторомъ; въ больницѣ мнѣ сказали, что онъ въ уѣздѣ, я на квартиру ходила. Всѣ родные были противъ брака, послѣ все разстраивали мужа, онъ не долго жилъ въ Рыбинскѣ. Я и къ исправнику ходила, онъ пріѣзжалъ, что зачѣмъ бракъ разлучаютъ; я даже на колѣнкахъ просила, чтобы насъ они не разлучали. Отецъ Николай не пускалъ меня, когда бывалъ у него мужъ, и даже говорилъ: я васъ развѣнчаю.

4-й свидѣтель священникъ Александръ Костинъ. Орловы были моими духовными дѣтьми, покойный былъ мною напутствованъ и я выдалъ въ томъ свидѣтельство женѣ его.

На вопросъ прокурора: Марья Владимірова просила меня сходить къ исправнику и доктору, чтобы не вскрывали ея мужа, но я не ходилъ. Говорила еще, что мать сердита и родные не довольны. „Сослать что ли они меня хотятъ,“ такъ сказала. Волненія я не замѣтилъ, была равнодушна, говорила, что слезъ нѣтъ.

На вопросъ защитника. Просила походатайствовать о невскрытіи, а не за нее.

Подсудимая не возражала, только сказала, что она просила свидѣтельства объ напутствіи

5-й свидѣтель полицейскій надзиратель г. Налетовъ. Я производилъ дознаніе по настоящему дѣлу вслѣдствіе заявленія г. Дрржевецкаго. Обвиняемая говорила, что щей, водки и изверженій не осталось, водку принесъ мужъ въ бѣлой бутылочкѣ и выпилъ, на мой вопросъ: гдѣ бутылочка? отвѣчала, что приходила женщина; какая? кабатчица; когда же предложилъ ей показать всѣхъ кабатчицъ, то сказала, что она не можетъ признать. Чашку и тазъ я взялъ.

Прокуроръ заявилъ суду о прочтеніи составленнаго г. Налетовымъ акта 7-го октября 1867 г. Защитникъ отозвался, что онъ ничего не имѣетъ противъ прочтенія этого акта, но если въ немъ находятся объясненія спрошенныхъ лицъ, то ихъ, на основаніи кассаціонныхъ рѣшеній Сената, читать не слѣдуетъ. Прокуроръ возразилъ, что въ основаніе своего заявленія онъ ссылается на № 178-й рѣшенія (Кассаціоннаго Департамента Сената за 1868 годъ), гдѣ прямо сказано, что протоколы осмотровъ и обысковъ читаются со всѣми находящимися въ нихъ показаніями. Защитникъ обратилъ вниманіе суда на то, что приведенное рѣшеніе Сената относится къ актамъ предварительнаго слѣдствія, а не дознанія.

Судъ опредѣлилъ, согласно съ заявленіемъ г. прокурора, прочесть актъ осмотра, произведеннаго г. Налетовымъ, исключая показанія обвиняемой.

Затѣмъ секретарь прочелъ слѣдующее: „1867 года октября 7

дня надзирателемъ 2-й части г. Романово-Борисоглѣбска при нижеподписавшихся понятыхъ, произведенъ былъ осмотръ тѣлу умершаго коллежскаго регистратора Авенира Николаева Орлова. По осмотру оказалось: тѣло лежитъ въ холодной горенкѣ, на столѣ, на спинѣ въ протянутомъ положеніи, руки сложены на груди, глаза и ротъ закрыты, губы синія, уши и шея тоже; оконечности пальцевъ черныя на рукахъ, а на ногахъ цвѣта нормальнаго, знаковъ на тѣлѣ никакихъ нѣтъ; одѣтъ умершій въ бѣлую рубашку и таковыя же подштаники. По окончаніи осмотра тѣла съ тѣми же понятыми было приступлено къ осмотру пола около того мѣста, гдѣ лежалъ больной, но на немъ ничего теперь не видно, такъ какъ весь полъ утоптанъ; потомъ въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ женою Орлова съ цѣлью не найдется ли чего либо изъ ядовитыхъ сильно дѣйствующихъ медикаментовъ, но въ нихъ ничего не найдено, исключая запачканныхъ кровью подштаниковъ, въ которыхъ былъ больной Орловъ. Г-жа Орлова представила тазъ, въ который испражнялся и блевалъ мужъ ея, чайную чашку, изъ которой пилъ больной, чашка эта безъ ручки."

Подсудимая. Дѣйствительно бутылочку взяла какая то женщина, когда я возвращалась съ дровами, она встрѣтилась со мною на крыльцѣ; мужъ сказалъ мнѣ, что онъ отдалъ ей бутылку. Г. Налетовъ все осматривали и вещи разныя отобрали.

6-й свидѣтель пономарь Покровской церкви Ушаковъ, дядя Авенира Орлова показалъ, что въ октябрѣ 1867 года не задолго до смерти Орлова, числа не упомнить, случилось ему быть въ питейномъ домѣ у сидѣльчихи Анфисы; при немъ пришла Круговихина, которую онъ до того не зналъ и въ домѣ которой жили Орловы, какъ онъ послѣ узналъ, съ бѣлой бутылочкой и спросила косушку водки. Анфиса налила ей водки, а кто то изъ постороннихъ спросилъ: для кого это, Круговихина отвѣчала, будто для Марьи Владиміровой. Когда я читалъ псалтырь надъ покойнымъ племянникомъ, то слышалъ въ сѣняхъ шопотъ Марьи Владиміровой съ неизвѣстною женщиною, которая сказала: „тебя сошлютъ на каторгу," а прочаго разобрать не могъ. У племянника бывалъ рѣдко, но слышалъ, что съ женою онъ жилъ не хорошо.

Подсудимая отозвалась, что Круговихину за водкой не посылала и въ сѣняхъ никакого разговора не имѣла.

7-й свидѣтель священникъ Евгеній Вознесенскій показалъ, что ему говорилъ старикъ мѣщанинъ Щукинъ, нынѣ умершій, будто онъ слышалъ, какъ Марья Владимірова искала по лавкамъ мышьяку.

Подсудимая возразила, что она не имѣла нужды въ мышьякѣ и ни у кого не спрашивала.

8-я свидѣтельница мѣщанка Анна Михайлова Круговихина показала, что она за водкой для Марьи Владимировой не ходила, разговора въ сѣняхъ не слыхала, первую ночь по смерти мужа Владимірова провела дома.

По опредѣленію суда, вслѣдствіе заявленія прокурора и невозраженія защитника, секретарь прочелъ дополнительное показаніе Круговихиной, данное ею на предварительномъ слѣдствіи. „1868 года сентября 15 судебнымъ слѣдователемъ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда 1 участка Хабаровымъ по дѣлу объ отравленіи Коллежскаго Регистратора Авенира Орлова была спрашиваема безъ присяги Романово-Борисоглѣбская мѣщанка вдова Анна Михайлова Круговихина, которая, въ дополненіе къ прежнему показанію, показала: дѣйствительно въ тотъ самый день, какъ я вмѣстѣ съ причетникомъ Покровской церкви Михаиломъ Ушаковымъ и полицейскимъ солдатомъ осматривала чуланъ Марьи Владиміровой, приходила жена ея роднаго брата, который портной и въ то время жилъ въ домѣ мѣщанина Шеринкова, но, какъ ее зовутъ, равно какъ зовутъ и ея мужа, я не знаю. Владимірова въ тотъ разъ и ушла вмѣстѣ съ нею, куда именно, я не знаю, оставивъ чуланъ свой не запертымъ. До времени прихода къ ней снохи ея, она Владимірова дѣйствительно была въ моей комнатѣ, такъ какъ когда умеръ ея мужъ, она постоянно находилась въ моей комнатѣ. Сноху ея я тогда замѣтила, но въ комнату она ко мнѣ не входила, а только вызвала въ сѣни Марью Владимірову. Въ сѣняхъ она дѣйствительно о чемъ то тихонько разговаривала, но о чемъ именно я не слыхала, и не слышала, чтобы снохa Марьи Владиміровой говорила: „убрала ли?“ Говорила ли она эти слова уже не знаю. Эта сноха въ настоящее время живетъ на той сторонѣ, то есть въ Борисоглѣбскѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, но у кого именно не знаю. Все это я могу подтвердить въ случаѣ надобности подъ присягою и показываю справедливо, присовокупляя, что я не знаю, за чѣмъ именно приходила тогда къ Владиміровой ея сноха.“

Послѣ полутора-часоваго антракта засѣданіе возобновилось въ 6 часовъ 20 минутъ пополудни и былъ продолжаемъ допросъ слѣдующихъ свидѣтелей.

9-й свидѣтель провизоръ Эмилій Ивановичъ Мейтенъ, содержащій единственную въ Романовѣ аптеку, показалъ, что Марья Владимірова къ нему въ аптеку за мышьякомъ не приходила, что у нихъ по правиламъ мышьякъ и другія ядовитыя вещества отпускаются лишь по докторскимъ рецептамъ. Сестра подсуди-

мой жила у свидѣтеля въ услуженіи, а подсудимую онъ не знаетъ, слышалъ, что съ мужемъ жила дурно.

Подсудимая не возражала.

10-й свидѣтель Коллежскій Регистраторъ Николай Андреевичъ Преображенскій, 11-й свидѣтель полицейскій рядовой Михаилъ Бранфиловъ и 12-й отставной рядовой Иванъ Кузьминъ Ивановъ показали о разныхъ второстепенныхъ подробностяхъ дѣла и объ отношеніяхъ между Орловыми. Противъ нихъ подсудимая возразила, что она жила съ мужемъ хорошо.

13-я свидѣтельница мѣщанка Ѳеоктиста Васильева Романова. Орловы занимали у меня квартиру, Марья Владимірова мало дома находилась и дочь оставалась одна; уйдетъ бывало утромъ, а придетъ вечеромъ; дочь же подъ замкомъ. Я выговаривала неоднократно ей. Отъ квартиры потому имъ отказала, что самой понадобилась комната.

Подсудимая. Я отлучалась на базаръ или въ церковь; знакомства у меня не было и ходить было некуда.

14-я свидѣтельница мѣщанка Агнея Григорьева Карнаева. Жили Орловы у меня мѣсяца два или три, все ссорились, я сирота, потому и сослала. Сами они ссорились, родные не мирили. Солдатъ Ѳедоровъ раза три приходилъ, однажды при Авенирѣ Николаевичѣ самоваръ ему грѣли, Марья Владиміровна говорила — вещи у него въ закладѣ. Не могу припомнить изъ за чего ссоры происходили, онъ упрекалъ ее, а она не уступала. Я тоже говорила, чтобы Ѳедоровъ не ходилъ, потому — мое дѣло сиротское.

Подсудимая. Дѣйствительно Ѳедоровъ приходилъ, у насъ были денежныя дѣла и мужъ угощалъ его, жили мы согласно, ссорились рѣдко.

15-я свидѣтельница мѣщанка Анфиса Дмитріева Сонкова. Я сидѣла въ питейномъ домѣ, приходилъ надзиратель спрашивать: не брала ли Марья Владимірова водку? Вѣрно помню, что не брала. Ходила Марья Владимірова рѣдко, чтобы выпить на 3 к., а такъ не брала. Съ своей посудой рѣдко приходятъ, а все берутъ съ посудой водку; у меня посуда вся настоящая казенная клейменая; бѣлыхъ же бутылокъ я не держу. Въ другихъ кабакахъ наливаютъ въ бѣлыя бутылки наливки, а я наливокъ не продаю, только одна очищенная бѣлая у меня. На этой улицѣ одинъ мой кабакъ, а другіе больше на другой улицѣ. Круговихину знаю, но за водкой она не приходила ко мнѣ. Орлова выпивала иногда, а на домъ никогда не покупывала себѣ водки.

Свидѣтель Ушаковъ при переспросѣ сказалъ, что при немъ къ свидѣтельницѣ приходила женщина за водкой для Марьи Владиміровой. Свидѣтельница Сонкова осталась при своемъ показаніи.

Подсудимая не возражала.

16-й свидѣтель отставной рядовой Григорій Ивановъ Скрипкинъ. Ѳедоровъ служилъ вмѣстѣ со мною въ Управѣ, онъ захаживалъ къ Орлову, когда же Орловъ жизнь окончилъ, то жена его ночевала на одной кровати съ Ѳедоровымъ. Не могу удостовѣрить ночевала ли прежде и съ какихъ поръ она захаживала. Мировой Съѣздъ открылся въ октябрѣ 1866 года, чуть ли не съ открытія Ѳедоровъ говорилъ мнѣ, что Орловы ему должны, разсчитывался съ ними.

Прокуроръ заявилъ о разнорѣчіи свидѣтеля съ показаніемъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи и потому просилъ судъ, по окончаніи спроса свидѣтелей, о прочтеніи этого показанія.

Защитникъ на заявленіе замѣтилъ, что чѣмъ болѣе разъясняютъ дѣло для присяжныхъ, тѣмъ лучше и имѣя въ виду, что законъ велитъ предоставлять подсудимому всѣ средства оправданія, онъ съ своей стороны покорнѣйше проситъ судъ допросить теперь же находящихся въ публикѣ сестру подсудимой и ея втораго мужа о томъ, что дѣйствительно ли еще другая сестра вышла замужъ за Ѳедорова. На предложеніе предсѣдателя указать законъ, на которомъ онъ основываетъ свое требованіе, защитникъ отвѣчалъ, что случаи вызова свидѣтелей изъ публики во время судебнаго засѣданія повторялись въ новой практикѣ неоднократно и между прочимъ недавно въ извѣстномъ рязанскомъ процессѣ Кострубо-Карицкаго, Дмитріевой и друг. Прокуроръ въ своемъ заключеніи высказалъ, что сенатскими кассаціонными рѣшеніями разъяснено, что спросъ всякого свидѣтеля не можетъ быть ограниченъ извѣстнымъ кругомъ вопросовъ, а долженъ касаться всѣхъ обстоятельствъ дѣла, извѣстныхъ ему. Съ другой стороны законъ точно опредѣлилъ порядокъ вызова и спроса свидѣтелей, требуя удаленія ихъ изъ залы засѣданія передъ началомъ дѣла, а такъ какъ свидѣтели, о спросѣ коихъ ходатайствуетъ защитникъ, были все время въ публикѣ и слышали все судебное слѣдствіе, то онъ находитъ невозможнымъ спросъ такихъ свидѣтелей.

Судъ, принимая во вниманіе законъ, опредѣляющій порядокъ спроса свидѣтелей, неуказаніе защитникомъ законныхъ основаній и что свидѣтели, о допросѣ коихъ онъ проситъ, въ противность закону, были въ залѣ судебнаго засѣданія и слышали все судебное слѣдствіе, опредѣлилъ защитнику въ его ходатайствѣ отказать. Что касается до показанія свидѣтеля Скрипкина, то, вслѣдствіе согласія сторонъ, по опредѣленію суда оно было прочитано секретаремъ.

„1868 года іюля 13-го дня, судебнымъ слѣдователемъ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда 1-го участка Хабаровымъ по дѣлу о

коллежскомъ регистраторѣ Авен. Ник. Орловѣ былъ спрашиваемъ безъ присяги сторожъ Романово-Борисоглѣбскаго съѣзда мировыхъ судей отставной рядовой Григорій Ивановъ Скрипкинъ, который показалъ: отъ роду мнѣ 49 лѣтъ, неграмотный, вѣры православной, подъ судомъ былъ въ нынѣшнемъ году по дѣлу о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, за что, по рѣшенію мироваго судьи 1-го участка, находился подъ арестомъ 7 дней; кромѣ же этого раза подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ. Жену умершаго коллежскаго регистратора Авен. Ник. Орлова я знаю, такъ какъ видалъ ее у бывшаго служителя Романово-Борисоглѣбской земской управы унтеръ-офицера Өедорова, имя его забылъ, который проживалъ со мною въ одной комнатѣ, такъ какъ съѣздъ мировыхъ судей помѣщается въ одномъ зданіи съ Романово-Борисоглѣбской земской управой. Зачѣмъ именно Владимірова ходила къ Өедорову, я не знаю навѣрно, но только она ходила къ нему часто и по днямъ, и по вечерамъ, а иногда и ночевала у него. Ночевала она у него какъ при жизни своего мужа, такъ одинъ разъ ночевала уже и послѣ того, какъ умеръ ея мужъ; а именно послѣ смерти своего мужа она, Владимірова, приходила къ нему ночевать на первую или вторую ночь по смерти его. Когда же Владимірова ночевала у Өедорова, то спала вмѣстѣ съ нимъ на одной постели. Ходила она къ Өедорову съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь служителемъ при съѣздѣ мировыхъ судей, а нахожусь я служителемъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ открылся только мировой съѣздъ, то-есть съ декабря мѣсяца 1866 года. Ходила ли же она къ нему до этого времени, я не знаю. Впрочемъ Владимірову я видѣлъ, что она лежала на одной постели съ Өедоровымъ, только одинъ разъ, а именно въ тотъ самый разъ, какъ она ночевала у него на первый или на другой день послѣ смерти мужа своего. Раньше же, я не знаю, спала ли она вмѣстѣ на одной постели съ Өедоровымъ, но только всегда, какъ она ночевала у него, Өедоровъ спалъ въ одной съ нею комнатѣ, а я спалъ въ другой. Часто и Өедоровъ уходилъ самъ на квартиру Владиміровой собственно ночевать къ ней, о чемъ сказывалъ мнѣ онъ самъ. Вслѣдствіе того, что къ Өедорову ходила Владимірова, ему, Өедорову. отказано и отъ службы въ управѣ; а именно отказано ему было въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ. Онъ въ настоящее время живетъ гдѣ то за Ярославлемъ у какого то помѣщика, но у кого именно не знаю. Около села Горинскаго у него есть родная сестра, но не знаю, какъ зовутъ ее и въ какой деревнѣ она живетъ. Отъ чего именно умеръ Авениръ Орловъ я не знаю и не слыхалъ. Все это я показалъ справедливо и готовъ подтвердить подъ присягою въ случаѣ надобности.“

17-я свидѣтельница Прасковья Андреева Чистякова, вызванная защитой, показала, что она была во время смерти Орлова въ Петербургѣ и потому ничего не знаетъ о дѣлѣ. Лѣтъ 6 тому назадъ, за три года до смерти Орлова, свидѣтельница жила вмѣстѣ съ Орловыми. Не помню хорошенько сколько времени, кажется мѣсяцъ, еще по первоначалу дѣтей у нихъ не было, ссоръ между ними не помню. Еще я жила у Орлова отца.

Подсудимая. Не могла она не знать, какъ мы хорошо жили, двери у насъ были одни.

Прокуроръ заявилъ суду о необходимости прочесть судебно-врачебный осмотръ и два увѣдомленія слѣдователю врачебнаго отдѣленія; защитникъ согласился съ прокуроромъ и также просилъ о прочетѣ двухъ увѣдомленій, а потому судъ опредѣлилъ уважить ходатайство сторонъ. Послѣ десятиминутнаго отдыха секретаремъ были прочитаны слѣдующіе документы.

Судебно-врачебный осмотръ надъ трупомъ коллежскаго регистратора Авенира Николаевича Орлова произведенъ городовымъ врачемъ Цвѣтаевымъ въ присутствіи земскаго врача Држевецкаго 9 октября 1867 года по отношенію Романово-Борисоглѣбскаго надзирателя 2-й части г. Налетова, отъ 7 октября сего же года за № 923-мъ съ присутствіемъ его, г. судебнаго слѣдователя Хабарова и понятыхъ мѣщанъ.

Изъ предварительныхъ полицейскихъ свѣдѣній видно: коллежскій регистраторъ Авениръ Орловъ 3 октября вечеромъ, будучи предварительно здоровъ, выпилъ чашку водки и поѣлъ немного щей; вскорѣ послѣ этой пищи съ нимъ случилась часто повторяющаяся рвота и поносъ, затѣмъ судороги въ икрахъ, охлажденіе тѣла и смерть на 3-й день болѣзни, то-есть 6-го октября вечеромъ. Приглашенные къ больному 6-го октября въ 2 часа пополудни врачъ Држевецкій и въ 5 часовъ вечера врачъ Цвѣтаевъ по начальнымъ явленіямъ болѣзни Орлова заподозрѣли, что причиною болѣзни было отравленіе, о чемъ и сообщили полицейскому управленію.

Наружный осмотръ. 1) Трупъ находился въ часовнѣ при больницѣ; на скамейкѣ, приготовленной для вскрытія, въ гробу; 2) гдѣ оное и произведено; 3) въ 12 часовъ дня; 4) при пасмурной и холодной погодѣ; 5) одѣтъ въ бѣлую рубашку, бѣлые подштаники, нитяные носки и кожаные башмаки; на шеѣ крестъ на шелковой тесемкѣ; 6) лежитъ на спинѣ съ протянутыми ногами и сложенными на груди руками; 7) мущина; 8) 25 лѣтъ отъ роду; 9) роста средняго; 10) тѣлосложенія хорошаго; 11) соразмѣрность частей правильная; 12) кожа на передней части тѣла нормальная, на задней блѣдно-синеватая, на лицѣ, шеѣ и надъ ключицами тоже синеватая. 13) Трупъ былъ значительно окоченѣ-

лый и не издавалъ запаха. 14) Очертанiе головы правильное, 15) волосы на головѣ темнорусые, курчавые; 16) лице чистое, синевато; 17) глаза закрыты вѣками, сѣрые; 18) уши синебагровыя; 19) наружныя слуховыя отверстiя чисты; 20) носъ синеватый. 21) Губы синiя покрыты запекшеюся слизью; 22) въ полости рта на слизистой оболочкѣ воспалительнаго явленiя не замѣчено; 23) языкъ за зубами покрытъ желтоватымъ налетомъ. 24) Шея синеватая; 25) грудь нормальнаго цвѣта выпукла; 26) подмышки нормальны; 27) животъ вытянутъ. 28) На пахахъ около мошонки была мелкая пупырчатая красная сыпь; 29) на мошенкѣ были засохшiя темнобурыя струпья, около отверстiя сѣмеиспускательнаго канала была капля засохшей гноевидной слизи. 30) Спина блѣдно-сине-багровая, 31) заднiй проходъ закрытъ, 32) конечности окоченѣвшiя, пальцы рукъ подъ ногтями темносинiя. 33) Уродливостей и болѣзненныхъ измѣненiй тѣла нѣтъ; 34) поврежденiй на поверхности тѣла тоже не оказалось.

Внутреннiй осмотръ I. *Полость головная.* 35) Въ черепныхъ покровахъ кровяныхъ подтековъ не было, 36) надчерепная кожа умѣренно полнокровна, 37) соединена съ черепомъ нормально. 38) Черепныя кости тонки, нигдѣ не повреждены, 39) твердая мозговая оболочка нормальна, 40) въ пазухахъ ея было немного темной густой крови. 41) Въ паутинной оболочкѣ не было сывороточной жидкости, мягкая оболочка утолщена, тускла, переполнена кровью въ своихъ сосудахъ. 42) Существо мозга плотное, гиперемировано, при разрѣзѣ выступали красныя точки, вслѣдствiе полнокровiя, 43) желудочки мозга почти не содержали сывороточной жидкости, 44) остальныя части, 45) мозжечекъ и 46) продолговатый мозгъ были тоже гиперемированы. II. *Органы шеи.* 47) Яремныя и подключичныя вены были сильно переполнены темною густою кровью вишневаго цвѣта, которая отъ соединенiя съ воздухомъ свѣтлѣла. 48) Глотка и начало пищепрiемника имѣли слизистую оболочку сплошнаго розоваго цвѣта. 49) Гортань и дыхательное горло имѣли слизистую оболочку красную, припухшую, покрытую слизью. III. *Полость грудная.* 50. Оба мѣшка плевры были пусты; 51) легкiя во всей своей массѣ и преимущественно въ заднихъ частяхъ были переполнены густою кровью темносиневатаго цвѣта. 52) Околосердечная сумка содержитъ немного кровянистой сыворотки, 53) сосуды около сердца были рыхлые, имѣли темные кровяные сгустки, 54) сердце увеличено въ объемѣ, нѣсколько ожирѣвшее, содержало въ обѣихъ своихъ половинахъ одинаковое небольшое количество густой темной крови. IV. *Полость брюшная.* 55) Въ брюшной полости было немного сывороточной жидкости, 56) сальникъ гиперемированъ. 57) Желудокъ при входѣ и выходѣ былъ пере-

вязанъ въ двухъ мѣстахъ шнурками, послѣ того вырѣзанъ между перевязками и вскрытъ надъ чистымъ глинянымъ тазомъ. Слизистая оболочка желудка оказалась утолщенною, переполненною кровью въ своихъ сосудахъ. На днѣ желудка слизистая оболочка имѣла сплошной красный цвѣтъ и мелкія темныя подтечныя пятна. Желудокъ былъ положенъ въ чистую стеклянную банку. 58) Въ желудкѣ содержалось около 8 унцевъ бурой жидкости съ мелкими пищевыми комочками, жидкость эта слита въ отдѣльную чистую стеклянную банку. 59) Двѣнадцати-перстная и тощая кишки имѣли слизистую оболочку красноватую припухшую покрытою слизью. Краснота эта въ особенности была сильно выражена на кишечныхъ складкахъ. Подвздошная кишка имѣла слизистую оболочку припухшую, синевато-краснаго цвѣта, со многими мелкими кровяными подтеками съ особенною припухлостію плевровыхъ железъ. 60) Толстыя кишки имѣли слизистую оболочку припухшую красноватую, покрытую густою желтоватою слизью. Тонкія и толстыя кишки, послѣ промытія, положены въ одну общую банку съ желудкомъ. 61) Содержимое кишками, собранное въ отдѣльную чистую стеклянную банку, представляло буроватую жидкость съ мелкими пищевыми комочками. 62) Брыжейка гиперемирована 63) Печень нормальнаго объема, хрупка, свѣтло-желтоватаго цвѣта, въ сосудахъ своихъ наполнена кровью темно-вишневаго цвѣта, 64) желчный пузырь содержалъ жидкую темную желчь; печень вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ положены въ отдѣльную чистую стеклянную банку, 65) селезенка нѣсколько увеличена въ объемѣ и пропитана темною кровью, 66) поджелудочная желѣза гиперемирована; 67) почки увеличены въ объемѣ, гиперемированы и въ лоханкахъ ихъ содержится густая, желтая, гноевидная слизь. 68) мочевой пузырь сжатъ, имѣлъ слизистую оболочку, красносиневатую, покрытую большимъ количествомъ густой гноевидной слизи. 69) Слизистая оболочка мочеиспускательнаго канала имѣла красноватый цвѣтъ и были покрыта слизью. V. *Позвоночный столбъ*: 70) не вскрывался на основаніи правилъ врачебнаго устава, такъ какъ 71) уклоненій отъ естественности и поврежденій на поверхности не оказалось. Содержимое желудка, помѣщенное въ отдѣльной банкѣ, покрыто пузыремъ и бумагой и припечатано печатями судебнаго слѣдователя г. Хабарова, городоваго врача г. Цвѣтаева и земскаго врача г. Држевецкаго. Банка помѣчена за № 1-мъ. Содержимое кишекъ также укупорено и опечатано въ отдѣльной банкѣ за № 2-мъ. Желудокъ и кишки также укупорены и опечатаны въ отдѣльной банкѣ за № 3-мъ; вода, полученная черезъ ополаскиваніе желудка и кишекъ, собрана въ отдѣльную чистую банку, также укупорена и опечатана за

№ 4-мъ, печень за № 5-мъ, почки за № 6-мъ. Всѣ шесть банокъ переданы судебному слѣдователю Хабарову для препровожденія въ Ярославское врачебное отдѣленіе для химическаго изслѣдованія.

Принимая во вниманіе явленія, изложенныя въ §§ 57 59 и 60 слѣдуетъ заключить, что смерть Авенира Орлова произошла отъ воспаденія кишекъ, которо, енадо предполагать, произошло отъ отравленія металлическимъ или растительнымъ веществомъ. Окончательное рѣшеніе вѣрности этого предположенія ожидается отъ химическаго изслѣдованія веществъ, переданныхъ г. судебному слѣдователю Хабарову.

Что осмотръ сей составленъ по сущей справедливости и совѣсти, по правиламъ судебной медицины, по долгу службы и присяги, въ томъ удостовѣряю моимъ подписомъ съ приложеніемъ казенной печати. Слѣдуютъ далѣе подписи присутствовавшихъ."

Первое отношеніе врачебнаго отдѣленія Ярославскаго губернскаго управленія, отъ 11-го апрѣля за № 451-мъ, г. судебному слѣдователю 1-го участка Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда.

„Представленныя вами при отношеніи отъ 10-го октября 1867 года, за № 1938-мъ, внутренности коллежскаго регистратора Авенира Орлова, чайная чашка, глиняный тазъ и новинные его штаны 13-го того же октября за № 1323-мъ были препровождены для изслѣдованія провизору Ярославской вольной аптеки Шнейдеру, который, представя протоколъ изслѣдованія съ припечатанными къ нему осадками, объяснилъ: „испытавъ чистоту употребленныхъ кислотъ, согласно предписанію медицинскаго департамента отъ 30-го августа 1856 года за № 8080-мъ приступлено было къ медицинскому изслѣдованію вышеупомянутыхъ веществъ, по каковому изслѣдованію внутренностей въ нихъ оказался мышьякъ, въ чайной же чашкѣ, тазу и подштаникахъ не оказалось никакихъ металлическихъ ядовъ, равно и опредѣлить какаго именно содержанія была пища въ желудкѣ Орлова невозможно, потому что пища переварена." Протоколъ сего изслѣдованія съ осадками 13-го ноября 1867 года за № 1466-мъ былъ представленъ въ медицинскій департаментъ на утвержденіе, который, по разсмотрѣніи 31-го минувшаго января за № 739-мъ увѣдомилъ врачебное отдѣленіе, что изслѣдованіе подвергнуто было повѣркѣ и департаментъ нашелъ, что оно произведено удовлетворительно и что осадокъ содержалъ мышьякъ. По разсмотрѣніи вышеизложеннаго и копіи съ судебно-врачебнаго осмотра надъ трупомъ Орлова, врачебное отдѣленіе нашло, что означенный осмотръ произведенъ правильно и что смерть Орлову послѣдовала отъ отравленія мышьякомъ. Свѣдѣній же о

количесвтѣ осадка и того, что Орловъ принималъ когда-либо лекарства въ виду врачебнаго отдѣленія не имѣлось и не имѣется.

Второе отношеніе врачебнаго отдѣленія Ярославскаго Губберскаго Правленія отъ 7 іюля 1868 года, за № 719-мъ, судебному слѣдователю 1 участка Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда.

„Вслѣдствіе отношенія отъ 26 минувшаго апрѣля, за № 714, врачебное отдѣленіе имѣетъ честь увѣдомить: 1) что количество мышьяка, добытаго при изслѣдованіи внутренностей Коллежскаго Регистратора Авенира Орлова, составило около четырехъ гранъ; 2) что хотя воспріимчивость къ дѣйствію мышьяка у разныхъ людей, особенно вслѣдствіе привычки, можетъ быть весьма различная, однакожъ въ настоящемъ случаѣ можно положительно сказать, что найденное посредствомъ химическаго анализа количество мышьяка обыкновенно бываетъ достаточно для отравленія; и 3) что самое слѣдственное дѣло не даетъ никакого повода предполагать, чтобы добытый мышьякъ, зависѣлъ отъ назначеннаго покойному Орлову и принятаго имъ внутрь лекарства.“

Подписалъ Губернскій Врачебный Инспекторъ Кохъ.

Противъ прочитанныхъ актовъ подсудимая никакихъ возраженій не дѣлала.

Защитникъ заявилъ о разнорѣчіи отношеній врачебнаго отдѣленія о количествѣ мышьяка, ибо въ первомъ сказано, что „о количествѣ осадка и принятыхъ Орловымъ лекарствахъ свѣдѣній въ виду врачебнаго отдѣленія не имѣется,“ а во второмъ положительно указано, что добыто 4 грана мышьяка. Вслѣдствіе этого онъ просилъ судъ разъяснить это обстоятельство. Предсѣдатель отвѣчалъ, что судъ не обязанъ разъяснять техническіе вопросы. Тогда защитникъ просилъ г. прокурора исполнить его просьбу, когда же предсѣдатель спросилъ его о законѣ, которымъ онъ руководствуется, то защитникъ сказалъ, что онъ въ безвыходномъ положеніи и не знаетъ, къ кому слѣдуетъ обратиться за такими разъясненіями; судъ указалъ ему на экспертовъ. Послѣ этого начался спросъ вызванныхъ экспертовъ.

1-й экспертъ городской врачъ Виноградовъ показалъ, что, соображая всѣ обстоятельства дѣла и осмотры, разныя патологическія явленія и химическое изслѣдованіе, можно положительно сказать: смерть въ данномъ случаѣ послѣдовала отъ отравленія.

На вопросы прокурора экспертъ отвѣчалъ, что мышьякъ удоборастворимъ въ хлѣбномъ винѣ, если по изслѣдованіи оказалось 4 грана, то значитъ пріемъ мышьяка былъ великъ, ибо много извергнуто больнымъ. Явленія болѣзненныя въ данномъ

случаѣ произошли отъ отравленія и отъ другихъ болѣзней они не могутъ быть.

На вопросы защитника экспертъ сказалъ, что опуханіе лякекъ, полнокровіе мозга, воспалительное состояніе желудочно-кишечнаго канала и утолщеніе желудочныхъ стѣнокъ ясно показываютъ отравленіе. Трудно объяснить иначе гармонію всѣхъ патологическихъ явленій, отъ другихъ болѣзней они не могли произойти.

Защитникъ. „Покорнѣйше прошу судъ записать въ протоколъ показаніе г. эксперта."

Предсѣдатель. „Укажите статью закона, на которой вы основываете ваше требованіе."

Защитникъ перелистываетъ Судебные Уставы и старается отыскать статью.

Прокуроръ: „Сколько бы г. защитникъ ни трудился надъ отысканіемъ желанной статьи, но онъ не найдетъ ее въ Судебныхъ Уставахъ, единственная статья 838 Уст. Уг. Суд. относится къ данному случаю и я позволю себѣ прочесть ее: „По дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ протоколѣ судебнаго засѣданія не прописываются показанія и объясненія, относящіяся не къ порядку производства, а къ самому существу дѣла." На основаніи этой статьи я полагалъ бы, что показанія эксперта Виноградова, какъ относящіяся къ существу дѣла, ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ запискѣ въ протоколъ."

Защитникъ. „Я не могу согласиться съ г. прокуроромъ, есть, статья, допускающая такую записку, но я не могу вдругъ ее указать, мнѣ нужно найти ее."

Предсѣдатель. „Судъ не стѣсняетъ васъ временемъ, вы можете искать ее."

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, защитникъ отказался указать статью и потому судъ опредѣлилъ отказать ему въ его ходадайствѣ на основаніи 838 ст. Уст. Угол. Суд.

Экспертъ Виноградовъ на дальнѣйшіе вопросы защиты повторилъ, что совокупное проявленіе всѣхъ болѣзненныхъ явленій у Орлова немыслимо въ такое короткое время при другихъ болѣзняхъ и прямо указываетъ на отравленіе. Относительно же разности въ отношеніяхъ врачебнаго отдѣленія экспертъ совѣтывалъ защитнику спросить это отдѣленіе.

На вопросы Члена Суда Половцева экспертъ отвѣчалъ, что мышьяку можетъ быть большое количество растворено въ водкѣ, при чемъ водка не мутнѣетъ, даже вкуса не мѣняетъ. Въ водкѣ находится сивушное масло, которое не позволяетъ водкѣ измѣнять вкусъ отъ примѣси мышьяка.

2-й экспертъ уѣздный врачъ Клодницкій. Изъ всего на судѣ прочитаннаго, всѣхъ научныхъ указаній можно заключить, что смерть Авенира Орлова послѣдовала отъ отравленія. На вопросъ прокурора—отравленіе было острое, а не хроническое посредствомъ всасыванія. На вопросы защитника—воспалительное состояніе слизистой оболочки желудка, кровоизліяніе въ мозгу, сильная рвота, поносъ и химическое изслѣдованіе о присутствіи мышьяка, все вмѣстѣ взятое убѣждаетъ въ отравленіи. Эти явленія въ отдѣльности бываютъ при разныхъ болѣзняхъ, но совмѣстное ихъ обнаруженіе доказываетъ отравленіе, специфическимъ еще указаніемъ служатъ черныя пятна на слизистой оболочкѣ желудка. Вообще это могло быть только отъ холеры или отравленія; такъ какъ не было эпидеміи, то я точно также, при внезапномъ и столь сильномъ заболѣваніи молодаго и здороваго человѣка, предположилъ бы острое отравленіе. Напримѣръ при воспаленіи желудка и кишекъ могъ быть поносъ, но не столь сильная и продолжительная рвота. Переспрошенный докторъ Дрѳжевецкій показалъ, что рвота была сильная и продолжительная.

На замѣчаніе защитника о разнорѣчіи отношеній врачебнаго отдѣленія экспертъ возразилъ, что онъ не находитъ его, вслѣдствіе этого они еще разъ были прочитаны секретаремъ по приказанію предсѣдателя. По прочетѣ отношеній г. Клодницкій сказалъ, что самое лучшее за разъясненіемъ обратиться къ аптекарю, производившему анализъ или во врачебное отдѣленіе. Можетъ быть сперва не требовалось положительно количества, а потомъ затребовали. На вопросъ Члена Суда Половцева: изслѣдованія бываютъ двухъ родовъ — качественныя и количественныя. При покойномъ директорѣ департамента мы всегда такъ дѣлали, сперва качественный анализъ, а потомъ количественный. На вопросы защитника: при этомъ покойномъ директорѣ департамента мы дѣлали такія изслѣдованія надъ животными для научныхъ цѣлей.

Подсудимая ничего не возражала противъ экспертовъ и не добавляла ничего въ свое оправданіе предъ окончаніемъ судебнаго слѣдствія. Предсѣдательствующій съ согласія сторонъ отпустилъ свидѣтелей и объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ; большая часть вызванныхъ въ судъ лицъ заявили желаніе получить вознагражденіе; заключительныя по дѣлу пренія начались чрезъ 15 минутъ.

Обвинительная рѣчь. Гг. Присяжные. Разсмотрѣнію вашему подлежитъ серьезное дѣло объ отравленіи женою мужа. Начну съ обстоятельствъ дѣла. Въ октябрѣ 1867 года внезапно заболѣлъ и умеръ мужъ подсудимой. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе трехъ лѣтъ, вы вспомните, что свидѣтели не могли такъ гово-

рить, какъ они показывали на предварительномъ слѣдствіи, прежде они говорили положительно, теперь многія важныя обстоятельства запамятовали, большинство ссылалось на время, протекшее со дня смерти Орлова до настоящаго дня, поэтому показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей были здѣсь прочитаны, послѣднія не могутъ быть подвержены сомнѣнію. Вы сейчасъ слышали показанія матери умершаго, зятя его отца Николая и доктора Држевецкаго, всѣ они согласно удостовѣряютъ, что Орловъ былъ совершенно здоровъ и заболѣлъ, выпивъ за полчаса до болѣзни водки и съѣвъ нѣсколько ложекъ щей. Незначительное разнорѣчіе между свидѣтелями не измѣняетъ существа дѣла и не можетъ быть истолковано въ пользу подсудимой. Мать и зять удостовѣряютъ, что покойный говорилъ матери, что онъ боленъ отъ водки, поднесенной женою. Когда былъ приглашенъ г. Држевецкій, умершій говорилъ тоже; это подтверждаютъ мать, зять и докторъ. Марья Владимірова, при жизни мужа, не возражаетъ; а по смерти начала говорить, что она не подносила и будто водку онъ принесъ самъ откуда-то. Если признать, что смерть послѣдовала отъ водки, то это отрицаніе не только голословно и не имѣетъ значенія, но еще пріобрѣтаетъ силу улики противъ подсудимой. Причина смерти не можетъ подлежать сомнѣнію. Свидѣтельскія показанія удостовѣряютъ, что умершій пріѣхалъ изъ Рыбинска не задолго до смерти, въ Романовѣ онъ проводилъ время у родныхъ, а вечеромъ возвращался къ женѣ. Въ день отравленія Орловъ былъ у родственниковъ, возвратился здоровымъ, проспалъ болѣе обыкновеннаго, какъ онъ самъ разсказывалъ матери; никуда не ходилъ и нигдѣ не могъ пить; показаніе подсудимой совершенно голословно и легко опровергается. Родственники вовсе не кровожадны, не по ихъ заявленію началось настоящее дѣло. Ни жена покойнаго, ни онъ самъ не говорили, что онъ могъ пить и ѣсть въ этотъ день гдѣ-либо ядовитое; у родственниковъ онъ не могъ принять отравы, ибо, вернувшись домой, пилъ съ женой чай и до ужина былъ здоровъ. Щи видѣла домовая хозяйка и на другой день ѣла малолѣтняя дочь, слѣдовательно въ нихъ отравы не было. Отсюда приходимъ къ убѣжденію, что водка съ мышьякомъ была единственною причиною смерти Орлова. Другой отравы нельзя предположить, потому что не зачѣмъ было бы запираться подсудимой. Но во 1-хъ она отрицаетъ поднесеніе мужу водки, между тѣмъ какъ не возражала на слова покойнаго, произнесенныя при ней, что подтверждается не только родственниками, но докторомъ Држевецкимъ, человѣкомъ постороннимъ. Во 2-хъ обвиняемая ссылается на то, что самъ покойный принесъ водку, но данныя убѣждаютъ насъ въ противоположномъ. Отецъ Николай удосто-

вѣряетъ, что онъ ему говорилъ, какъ истратилъ послѣдній гривенникъ, хотя не знаетъ свидѣтель: были ли деньги дома, но положительно утверждаетъ, что при себѣ не имѣлъ. Слѣдовательно въ день отравленія Орловъ не имѣлъ съ собой денегъ, въ Романовѣ онъ не жилъ постоянно и потому, какъ пріѣзжему, ему бы не повѣрили въ долгъ. Жена говоритъ, что могъ взять водки подъ залогъ пальто, но это пальто оказалось въ домѣ, оно было взято отцомъ Николаемъ, значитъ заложено не было.

Кромѣ косвенныхъ уликъ есть еще прямыя. Пономарь Ушаковъ видѣлъ, какъ хозяйка дома для Марьи Владиміровой купила водку, налила въ бѣлую бутылку и унесла. Подсудимая отрицаетъ это, Круговихина тоже, но послѣдняя не представляется достовѣрною свидѣтельницей, она находится въ близкихъ отношеніяхъ къ подсудимой. Такъ, вы слышали присяжное показаніе, что подсудимая въ день смерти ночевала у друга Өедорова, а Круговихина смѣло утверждаетъ, что дома; защитникъ отвелъ ее отъ присяги, не надѣясь на достовѣрность ея показаній. Еслибы Владимірова не сознавала уликъ, то не скрывала бы бутылку; мы имѣемъ положительныя данныя, что подсудимая сама скрыла ее. Обратите вниманіе на странный разсказъ исчезновенія бутылки; когда полицейскій надзиратель потребовалъ ее, подсудимая говоритъ: я отдала неизвѣстной женщинѣ, какой-то кабатчицѣ; на предложеніе надзирателя представить ей всѣхъ кабатчицъ, она отказалась признать въ лицо эту женщину; теперь уже показываетъ иначе: мужъ отдалъ бутылку. Будто бы на другой день подсудимая, возвращаясь съ дровами, встрѣтила на крыльцѣ какую-то женщину съ бѣлой бутылкой. Но это ложно, во 1-хъ Владимірова за дровами не ходила, мать говоритъ, что печь не была топлена; когда докторъ приказалъ отогрѣвать больного, то печь также не была затоплена, подсудимая пошла за лекарствомъ и не оставила ключей отъ дровъ; во 2-хъ мать Орлова была съ самаго утра у него и при ней ни одной посторонней женщины не было. Почему Марья Владимірова не слыхала разговора о бутылкѣ, когда всѣ говорили о болѣзни, указывали на водку, какъ на причину, и хватилась ея лишь для морса? Но морсъ уже готовый былъ принесенъ въ бутылкахъ матерью покойнаго. Можно сдѣлать одинъ выводъ, что бутылка была брошена, какъ и изверженія, цѣль же очевидна, чтобы скрыть слѣды преступленія; очевидно, что она понимала значеніе водки и бѣлой бутылки. Другое весьма важное обстоятельство, составляющее самую сильную улику, это послѣдующія дѣйствія подсудимой, которыя показываютъ туже цѣль. Когда мужъ промучился рвотою всю ночь, то пошла къ роднымъ; мать предпринимала разныя домашнія средства, за

докторомъ не посылали; когда предлагали, то желалъ видѣть отца Николая. На другой день, посовѣтовавшись съ зятемъ, Орловъ посылаетъ жену за докторомъ, но она видимо медлитъ, когда же на нее закричалъ, то пошла въ земскую больницу и сказала, что уѣхалъ въ уѣздъ, будто лошади поданы къ больницѣ; но отцу Николаю сказали, что докторъ въ городѣ и въ уѣздъ не ѣздилъ, онъ послалъ свою тещу за нимъ. Докторъ прописалъ лекарство, велѣлъ согрѣть больного, но подсудимая не принимаетъ никакихъ мѣръ; мать пошла за лекарствомъ, вернувшись, послала ее, но она ходитъ нѣсколько часовъ и говоритъ, что провожала сестру на пароходъ. Вотъ все, чтобы дать время подѣйствовать яду и сдѣлать недѣйствительною помощь. Неужели же женщина, любящая мужа, дышавшая на него, стала бы медлить или провожать сестру, когда онъ отчаянно боленъ? Если все это случайности, если она ничего не знала объ отравленіи, то какъ объяснить далѣе ея поведеніе? Послѣ смерти мужа, она мечется цѣлое утро, чтобы не вскрывали тѣла, когда еще родственники ничего не заявляли, то къ доктору, то къ священнику, то къ роднымъ. Ежели она бы любила мужа, то это можно объяснить естественнымъ предразсудкомъ въ обществѣ. Если бы близкій намъ человѣкъ умеръ неестественною смертью, то мы сами хлопотали бы о вскрытіи, но она, по неразвитости, могла просить, чтобы не рѣзали любимаго человѣка. Но она мягкаго поведенія, слухи доходятъ до родныхъ, а здѣсь подтверждено это фактами. Свидѣтели говорили о связи съ унтеръ-офицеромъ Ѳедоровымъ, подсудимая говоритъ, что съ нимъ были денежныя дѣла; но сторожъ Земской Управы подъ присягой показалъ, что она ходила къ Ѳедорову не только днемъ, но и ночью, ночуя въ одной комнатѣ. Время для денежныхъ сдѣлокъ, какъ видимъ, выбрано не совсѣмъ удобное, я не думаю, чтобы Марья Владиміровa была настолько занята, что только ночью могла вести переговоры объ деньгахъ. Женщина, пламенно любящая мужа, въ день его смерти отправляется ночевать къ Ѳедорову; не уйдутъ даже отъ человѣка не столь любимаго, никто не рѣшится бросить трупъ близкаго человѣка такъ скоро. Не то мы видимъ здѣсь, у Марьи Владиміровой нѣтъ никакихъ попеченій о мужѣ, всѣ хлопоты сосредоточены только на томъ, чтобы не нашли яда и скрыть всѣ слѣды преступленія. Пономарь Ушаковъ показалъ, что, когда онъ читалъ псалтырь, приходила какая-то женщина, по утвержденію Круговихиной сноха подсудимой, она разговаривала тихонько въ сѣняхъ и до ушей свидѣтелей долетѣли только многознаменательныя слова: „убрала ли?“ и „сошлютъ на каторгу.“ Эти слова понятны только въ устахъ преступныхъ и незачѣмъ бы-

ло произносить ихъ невинному. Свидѣтель Ушаковъ находился въ далекихъ отношеніяхъ къ Орлову, онъ даже не зналъ хорошо квартиры ихъ, слѣдовательно его нельзя заподозрить въ пристрастіи, невозможно сомнѣваться въ справедливости его показанія. Опасеніе каторги впрочемъ у подсудимой высказывается неоднократно, такъ священнику Костину она сказала, что родные взъѣлись на нее, *хотятъ сослать*; врачу Држивецкому она тоже говорила, что они сослать, что ли, хотятъ.

Если признать несомнѣнно доказаннымъ, что Авениръ Орловъ умеръ отъ водки и взять при этомъ въ расчетъ хлопоты Марьи Владиміровой, странное ея поведеніе все время, отпирательство отъ водки, скрытіе бутылки съ остатками водки, медленность въ приглашеніи доктора и принесенія лекарства, нетопленную печь и наконецъ обратить вниманіе на то, что она въ ночь послѣ смерти рѣшилась бросить трупъ любимаго человѣка и ушла къ своему возлюбленному, то невозможно усомниться въ виновности Марьи Владиміровой. Всѣ отзывы подсудимой неправдоподобны и падаютъ сами собой. Такъ она говоритъ, что она женщина несчастная и будто бы всѣ родные имѣютъ злобу, но вы слышали, что отецъ Николай вѣнчалъ, отецъ и мать мужа ласкали ее. Впрочемъ мы имѣемъ показанія совершенно постороннихъ людей, уличающія подсудимую въ виновности. Всѣ эти данныя, нисколько не уменьшая отвѣтственности, усиливаютъ обвиненіе.

Защитительная рѣчь. Гг. присяжные. Г. предсѣдатель въ началѣ засѣданія уже обратилъ ваше вниманіе на важность настоящаго дѣла; вниманіемъ вы удостоили уже судебное слѣдствіе отъ начала до конца. Я съ своей стороны скажу только нѣсколько словъ о значеніи его; всѣ законодательства и лучшіе умы прямо говорятъ, что чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ болѣе нужно осторожности, тѣмъ безспорнѣе должны быть доказательства. Обвинительная власть выразила мысль, что вы оцѣните всѣ доказательства, но обвиненіе выставляетъ одни обвиняющія доказательства, хотя законъ говоритъ, что обвинитель не долженъ представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, но г. прокуроръ не сказалъ ни слова въ пользу моей кліентки. Вмѣсто неопровержимыхъ, непререкаемыхъ доказательствъ обвиненіе выставляетъ лишь однѣ догадки. Моя рѣчь будетъ состоять изъ трехъ частей: 1-я часть будетъ состоять изъ изложенія самаго факта, я разскажу, что предшествовало, какъ совершился фактъ и какія его послѣдствія; во 2-й части разберу quasi — доказательства, а въ сущности тонкія, тончайшія улики и наконецъ въ 3-й послѣдней части представлю всѣ доказательства къ оправданію подсудимой.

Начну съ факта. Вы слышали, что подсудимая была бѣдной дѣвкой; не буду оспаривать и подтверждать, можетъ быть, имѣла связь съ первымъ мужемъ, но она была увлечена чистымъ чувствомъ, которое было освящено бракомъ. Для родныхъ Орлова, людей достаточныхъ высшаго сословія, не нравилось, что ихъ родственникъ—чиновникъ женится на дѣвкѣ. Кто изъ васъ, гг. присяжные, не знаетъ, что значитъ сдѣлаться изъ простой дѣвки чиновницей, это—завѣтная, задушевная мечта всѣхъ горничныхъ. (Въ публикѣ смѣхъ). Родные отговаривали, но, какъ бы то ни было, Марья Владимірова стала женой чиновника, сдѣлалась ея благородіемъ. Можетъ быть, по слабости характера, мужъ началъ вести жизнь забулдыжную, она говорила, что нужно вести жизнь благородную, вотъ первая причина ссоры; потомъ мужъ заподозрилъ жену, другаго рода поводъ къ ссорѣ, но спросите себя по совѣсти могутъ ли подобныя ссоры вызвать такое страшное преступленіе. Въ супружествѣ, каждый изъ насъ понимаетъ, нерѣдко случаются ссоры, бываютъ даже случаи, что рукамъ волю дашь; только у людей съ характеромъ сильнымъ, экзальтированнымъ можно предположить страшное дѣйствіе измѣны; думаю, что слишкомъ много чести для моей кліентки будетъ причисленіе ея къ этой категоріи. Мало ли у насъ женъ невѣрныхъ, а мужей еще больше, но часто ли бываютъ у насъ мужеубійства и женоубійства? Въ жизни первая невѣрность сильно возмущаетъ и нерѣдко между супругами разыгрывается страшная сцена, потомъ уже она не производитъ такого впечатлѣнія, послѣ свыкаются и живутъ невѣрные супруги пресчастливо. (Публика смѣется). Должно предположить, что моя кліентка обладаетъ страшнымъ характеромъ и имѣетъ огромную волю; но возможно ли, хотя одну минуту, предположить, что Марья Владимірова, достигнувъ апогея счастья, начнетъ сама разрушать его, чтобы погрязнуть въ первобытное состояніе? Это невѣроятно: человѣкъ отъ счастія не ищетъ счастія. Если же допустить, что она отравила мужа, чтобы выйти замужъ за любовника, то послѣдствія безспорныя опровергаютъ такое предположеніе. Марья Владимірова овдовѣла осенью 1867 года, сестра ея чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышла за мужъ за Өедорова, а она, спустя много времени вышла за унтеръ-офицера Шангина, служащаго въ сиротскомъ домѣ, на котораго никто не указывалъ, какъ на ея любовника.

Теперь перейду въ разсмотрѣнію сильныхъ доказательствъ, представленныхъ прокурорскою властью. Припомню слова г. прокурора—если вполнѣ доказано, что Орловъ умеръ отъ водки, если вполнѣ доказано, что въ водкѣ былъ ядъ, ежели вполнѣ доказано, что Марья Владимірова пріобрѣла эту водку и подне-

сла ее мужу; если все это вполнѣ доказано, то, правда, вамъ ничего не остается, какъ произнести обвинительный приговоръ. Но въ томъ то и дѣло, что все это совершенно не доказано. Отравленія мышьякомъ я опровергать не буду, хотя два замѣчательныя сообщенія врачебнаго отдѣленія судебному слѣдователю въ апрѣлѣ и іюнѣ 1868 г., тогда какъ смерть Орлова послѣдовала въ октябрѣ 1867 года, разнорѣчатъ между собою. Я совершенно согласенъ, что отравленіе доказано, тутъ мы имѣемъ и показанія экспертовъ, и вскрытіе и химическій анализъ. Но весь вопросъ сводится къ тому, доказано ли, что Орловъ отравленъ водкой, поднесенной въ чашкѣ съ мышьякомъ женой? Припомните, сами родные говорили, что Орловъ былъ поведенія непостояннаго, любилъ карты, билліардъ, ночи не ночевалъ у жены, словомъ велъ жизнь забулдыжную. Высказавъ предположеніе, что ядъ именно былъ въ чашкѣ съ водкой, можно допустить и другое предположеніе, что Орловъ имѣлъ другую любовь и ядъ поднесли ему изъ ревности. Припомните, что онъ ушелъ отъ отца Николая часовъ въ 12 дня, домой пришелъ вечеромъ и сѣлъ ужинать, на судѣ не было разъяснено, гдѣ онъ былъ съ 12 часовъ до вечера. Мать Орлова говоритъ, что она слышала отъ сына, это свидѣтельство по слуху, что онъ немедленно пришелъ домой и спалъ до вечера; притомъ Орловъ могъ имѣть причины скрыть отъ матери, кахъ онъ провелъ это время. Можно сдѣлать тьму предположеній, кто виновникъ отравы; такъ, онъ игралъ въ карты, могъ попасть въ компанію негодяевъ, обыгравшихъ его и угостившихъ мышьякомъ; могъ быть у любовницы, которая изъ ревности поднесла ему отраву, наконецъ могъ самъ принять отраву, запутавшись въ безпорядочной жизни. Прокуроръ говоритъ, что Орловъ заболѣлъ, выпивъ чашку вина, но это указываетъ только время, когда почувствовалъ себя дурно, а не на отраву въ чашкѣ, мышьякъ могъ быть принятъ ранѣе. Объ отравѣ не было рѣчи, говорятъ, будто Орловъ при женѣ сказалъ — не поподчивала ли она, я съ чистою совѣстью скажу, что не помню такого свидѣтельскаго показанія. Жены въ это время не было, а отецъ Николай показалъ, что онъ, зная ихъ ссоры и укоры, не обратилъ вниманія на эти слова, значитъ они были произнесены не серьезно; слѣдовательно Орловъ прямо не обвинялъ свою жену въ отравленіи. Обвиненіе, какъ видите, черезъ-чуръ шатко, чашка была представлена и въ ней никакихъ слѣдовъ мышьяка не найдено; считаютъ сильною уликой сокрытіе бутылки, но не было необходимости прятать ее, стоило только выполоскать, вымыть и ничего бы не нашли; за уборку изверженій никто не можетъ осудить, ибо ихъ нигдѣ не берегутъ. Вопросъ, кто принесъ вино, не самъ ли

Орловъ?—я считаю неразрѣшеннымъ и крайне сомнительнымъ. Г. прокуроръ вполнѣ довѣряетъ Ушакову, но онъ самъ усмотрѣлъ противорѣчіе въ его показаніяхъ; затѣмъ его слова опровергаетъ Круговихина, г. прокуроръ говоритъ, что я отвелъ ее отъ присяги, но также я не допустилъ къ присягѣ и Ушакова. Круговихина была во враждѣ съ моей кліенткой, самая злая вражда бываетъ изъ-за денегъ, я не надѣялся на ея безпристрастіе, но, какъ помните, она не дала показанія противъ подсудимой. Да къ чему намъ останавливаться на показаніяхъ сомнительныхъ, когда мы имѣемъ несомнѣнное показаніе подъ присягою Анфисы Дмитріевой; неужели г. прокуроръ позволитъ себѣ заподозрить эту свидѣтельницу. Анфиса Дмитріева положительно удостовѣряетъ, что Марья Владимірова сама не приходила и никого къ ней съ бѣлой бутылкой за водкой не присылала. Остались мельчайшія, тончайшія, даже не смѣю сказать, улики, на которыхъ не стоитъ останавливаться и утомлять ваше вниманіе. Такъ, съ Ѳедоровымъ Орловы имѣли денежныя дѣла, мужъ принималъ его и онъ женился на ея сестрѣ, поэтому связь съ нимъ не доказана. Марья Владимірова умоляла о невскрытіи, но тоже дѣлала и мать, которая на этомъ только основаніи не рѣшилась обвинять въ отравленіи. Кому изъ васъ неизвѣстно, что для человѣка мало развитаго страшно подумать, какъ будутъ пластать, рѣзать близкаго ему.

Гг. присяжные засѣдатели, многое еще желалъ бы я сказать, но кончу свою бесѣду съ вами; страшная духота, мои годы и наконецъ волненіе, испытываемое мною, потому что за мною сидитъ невинная женщина, судьба которой вручена вамъ; все это заставляетъ меня прекратить неконченную рѣчь; но я вполнѣ надѣюсь на ваше благоразуміе и увѣренъ, что вы не вынесете несправедливаго, то-есть обвинительнаго приговора.

Стороны еще разъ обмѣнялись рѣчами; обвинитель сказалъ, что защитникъ не сдержалъ своего слова и вовсе не представилъ подробнаго разбора доказательствъ, обвиняющихъ подсудимую, а также ничего не выставилъ въ оправданіе своей кліентки. Совершенно безплодно было со стороны защиты распространяться о томъ, какъ высоко цѣнила Марья Владимірова званіе чиновницы; если дѣйствительно она была счастлива, сдѣлавшись ея благородіемъ, то она не вышла бы замужъ за унтеръофицера, не имѣющаго права именоваться благородіемъ. Тоже самое можно сказать о супружеской невѣрности, все это не относится къ дѣлу и если было желаніе вызвать смѣхъ въ публики, то цѣль вполнѣ достигнута. Г. прокуроръ сказалъ, что онъ никогда не слыхалъ и вѣроятно не услышитъ такихъ предположеній, чтобы игроки, обыгравъ своего партнера, вздумали отрав-

лять его, другія предположенія также ни на чемъ не основаны, такъ, здѣсь никто не говорилъ, чтобы Орловъ имѣлъ въ Романовѣ любовницу. Повторивъ доводы въ пользу обвиненія, прокуроръ обратилъ вниманіе присяжныхъ на показанія безпристрастнаго свидѣтеля Држивецкаго, человѣка совершенно посторонняго и въ заключеніе сказалъ, что доказательства обвиненія остались также сильны и ничѣмъ не опровергнуты.

Защитникъ въ отвѣтной рѣчи замѣтилъ, что онъ много слышалъ обвиненій, но въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ слышитъ, что тонкія улики называются сильными доказательствами. Марья Владимірова несомнѣнно дорожила своимъ благороднымъ званіемъ и бракъ съ Шангинымъ ничего не доказываетъ, ибо вышла за него изъ крайности: кушать хотѣла. Онъ еще разъ обратился къ показаніямъ и сказалъ, что даже прокуроръ не рѣшился назвать подсудимую безчеловѣчною, такъ факты противорѣчатъ свидѣтелямъ. Поэтому защитникъ вполнѣ убѣжденъ, что обвиненіе ничѣмъ не доказано, самъ законъ велитъ сомнѣніе толковать въ пользу обвиняемыхъ; вслѣдствіе этого онъ увѣренъ, что присяжные оправдаютъ его кліентку.

Послѣ перерыва засѣданія на 15 минутъ, судъ предположилъ поставить одинъ вопросъ для рѣшенія присяжныхъ:

„Виновна ли подсудимая, вдова Коллежскаго Регистратора, а нынѣ унтеръ-офицерская жена Марья Владимірова, по первомъ мужѣ Орлова, а по второмъ Шангина, 25 лѣтъ, въ томъ, что 4 октября 1867 года, съ цѣлью лишить жизни перваго мужа своего Авенира Николаева Орлова, подмѣшала пріобрѣтеннаго ею для сего мышьяку въ водку, принесенную для Орлова, который, выпивъ этой водки, подвергся рвотѣ, поносу, судорогамъ и затѣмъ, 6 того же октября, умеръ отъ отравленія?“

Стороны не возражали, посему предсѣдательствующій сказалъ присяжнымъ заключительную рѣчь и вручилъ старшинѣ присяжныхъ вопросный листъ.

Послѣ получасоваго совѣщанія старшина прочелъ отвѣтъ: Нѣтъ, не виновна.

Въ 3 часа пополуночи предсѣдательствующій прочелъ слѣдующую резолюцію: „1871 года мая 26 дня Ярославскій Окружный Судъ по уголовному отдѣленію въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Члена Суда Н. А. Гладкова, въ составѣ Членовъ Суда В. В. Половцева и судебнаго слѣдователя Н. А. Малыхина, при прокурорѣ М. А. Матвѣевѣ и секретарѣ П. П. Агриколянскомъ, выслушавъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дѣло о вдовѣ Коллежскаго Регистратора, а нынѣ женѣ унтеръ-офицера Марьи Шангиной, обвиняемой въ отравленіи перваго своего мужа, опредѣлилъ: подсу

димую, вдову Коллежскаго Регистратора, а нынѣ унтеръ-офицерскую жену, Марью Владимірову, по первомъ мужѣ Орлову, а по второмъ Шангину, 25 лѣтъ, признать по суду оправданною. Судебныя издержки по дѣлу принять насчетъ казны."

Публика оставалась въ залѣ до самаго конца судебнаго засѣданія, слушая все дѣло съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, подсудимая выслушала приговоръ совершенно безстрастно и спокойно. Днемъ объявленія приговора въ окончательной формѣ было назначено 7 іюня.

II.

Рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда. Братья единокровные наслѣдодателя въ благопріобрѣтенномъ его имѣніи не наслѣдуютъ, когда послѣ него остались родные братья, или сестры, или ихъ потомство. (*Том. X. Ч. I ст. 1140*).

1871 года апрѣля 29 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ Членовъ: П. А. Дружинина и С. С. Перфильева, слушалъ дѣло о признаніи за женою Губернскаго Секретаря Екатериною Петровною Демидовою права собственности къ оставшемуся послѣ полковника Михаила Петровича Демидова благопріобрѣтенному имѣнію, оспариваемому женою капитана Любовью Павловною Гераковою. Обстоятельства дѣла: Повѣренный дѣвицы Екатерины Петровны Демидовой и Анны Петровны Стойковичъ, урожденной Демидовой, кандидатъ правъ Михаилъ Петровичъ Архиповъ, въ исковомъ прошеніи, поданномъ въ Московскій Окружный Судъ 17 августа 1870 г., объяснилъ, что послѣ бездѣтно умершаго Михаила Петровича Демидова осталось: 1) родовое имѣніе послѣ отца, 2) родовое имѣніе послѣ матери и 3) благопріобрѣтенное имущество. Изъ наслѣдниковъ Демидова предъявили свои права, — къ родовому отцовскому—единокровный братъ Всеволодъ Демидовъ и дочь другого единокровнаго брата Павла, Любовь Павловна, по мужѣ Геракова; къ имѣнію родовому материнскому единокровная сестра Михаила Демидова, дѣвица Екатерина Петровна Демидова и Анна Петровна, по мужѣ Стойковичъ; они-же предъявили права на все благопріобрѣтенное имущество; также предъявила права свои на благопріобрѣтенное имущество вдова умершаго въ законной части; противъ правъ Демидовой и Стойковичъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ Демидова предъявила споръ Любовь Павловна Геракова; посему Окружный Судъ, утвердивъ наслѣдниковъ въ безспор-

ныхъ частяхъ, нашелъ, что права Демидовой и Стойковичъ съ одной стороны и Любови Гераковой съ другой, по отношенію къ благопріобрѣтенному имуществу Михаила Демидова, не иначе могутъ быть опредѣлены, какъ въ исковомъ порядкѣ, посему прекратилъ производство въ порядкѣ охранительномъ. Чтобы яснѣе опредѣлить права своихъ довѣрительницъ, Архиповъ приложилъ родословную лицъ, соприкасающихся по связи родства къ умершему вотчиннику. Изъ родословной этой видно, что довѣрительницы его суть сестры умершаго единокровныя и единоутробныя; отецъ же Гераковой былъ братъ умершаго не родной, а единокровный; кромѣ Павла есть еще единокровный братъ Всеволодъ. По 1140 ст. X. Ч. I. Зак. Гр. братья единокровные въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ наслѣдуютъ только въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго не осталось родныхъ братьевъ, а потому, объявивъ цѣну спорному имуществу въ 96811 р. сер., Архиповъ просилъ Окружный Судъ, на основаніи 1137, 1138 и 1140 ст. X т. I Ч. Зак. Гр. постановить опредѣленіе о предоставленіи означеннаго имущества его довѣрительницамъ, возложивъ судебныя издержки и за веденіе дѣла на Геракову. При прошеніи представлена роспись имущества. На это Геракова чрезъ повѣренныхъ своихъ возразила: во 1-хъ, что согласно 3 п. 371 ст. Уст. Гр. она представляетъ отводъ противъ цѣны иска, такъ какъ она и въ охранительномъ порядкѣ предъявляла свои права не ко всему оставшемуся благопріобрѣтенному имуществу, а за исключеніемъ частей, слѣдующихъ вдовѣ покойнаго и другой брату Всеволоду, и просила о признаніи за нею права въ $^3/_8$; такимъ образомъ сумма иска должна составлять 21,679 р. $12^1/_2$ к. Затѣмъ разсматривая подробно 1140 ст. X т. ч. I. Зак. Гр. и сославшись на законъ 6 мая 1817 г. по дѣлу Бурцевыхъ и на рѣшеніе Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Бабковыхъ, 1868 г. № 25, повѣреный Гераковой доказывалъ, что отецъ его довѣрительницы долженъ быть признанъ роднымъ братомъ умершаго Михаила Демидова, а слѣдовательно по силѣ 1123 и 1135 ст. X т. ч. I Зак. Гр. Екатерина Демидова и Анна Стойковичъ не имѣютъ права наслѣдованія, такъ какъ въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдницы; а потому повѣренный Гераковой просилъ объ уменьшеніи иска до суммы 21,679 р. $12^1/_2$ к., объ оставленіи безъ уваженія ходатайствъ Демидовой и Стойковичъ и объ утвержденіи Гераковой въ правахъ наслѣдства въ $^3/_8$ частяхъ всего благопріобрѣтеннаго имущества, оставшагося послѣ Михаила Демидова. Разъясненія повѣреннымъ Гераковой законовъ заключаются въ слѣдующемъ: „По закону (ст. 1112 т. X ч. I) родъ или родство кровное есть связь всѣхъ членовъ, отъ общаго родоначальника происходящихъ. Близость родства опредѣляется

степенями, то есть связью рожденія одного лица отъ другаго (ст. 1114 и 1115). Въ виду изложеннаго не подлежитъ сомнѣнію, что отецъ Гераковой, какъ родной сынъ своего отца, состоитъ съ нимъ (своимъ отцомъ) въ первой степени кровнаго родства и поэтому въ имѣніи, которое должно идти въ родъ его отца, онъ состоитъ ближайшимъ наслѣдникомъ (наравнѣ съ другими родными въ той же степени). Равнымъ образомъ и истицы суть родныя дочери своего отца, и какъ таковыя принадлежатъ къ его роду, т.-е. къ роду Демидовыхъ. Очевидно затѣмъ, что, по общему закону, Геракова, какъ принадлежащая къ роду отца, имѣетъ полное право на наслѣдство, и такъ какъ наслѣдство открылось въ боковой линіи, то она, какъ представительница брата умершаго вотчинника, должна исключать собою наслѣдственное право истицъ, которыя вовсе не могутъ наслѣдовать (ст. 1111, 1123 и 1135 т. X ч. I). Такимъ образомъ единственнымъ основаніемъ иска Стойковичъ и Демидовой представляется то исключеніе изъ этого общаго закона, которое усматривается ихъ повѣреннымъ въ ст. 1140 т. X ч. I. Относительно этой статьи необходимо прежде всего замѣтить, что въ исковомъ прошеніи Архипова она не только невѣрно истолкована, но даже невѣрно изложена. Ибо: 1) въ этой статьѣ даже не упоминается о какихъ либо преимуществахъ родныхъ братьевъ и сестеръ не только предъ единокровными братьями, но и предъ другими родственниками—такъ какъ даже слово „преимущество" не встрѣчается въ 1140 ст. т. X ч. I.; 2) эта статья закона даже не устанавливаетъ какихъ либо другихъ правъ родныхъ братьевъ и сестеръ, на томъ основаніи, что она установляетъ правила именно на случай неимѣнія въ живыхъ, на случай несуществованія родныхъ братьевъ и сестеръ. По общимъ же началамъ права — гражданское лицо не существующее не можетъ пріобрѣтать какія-либо права. Такимъ образомъ въ исковомъ прошеніи не соблюденъ одинъ изъ главнѣйшихъ основныхъ законовъ не только Имперіи, но и науки права, по которой законы толкуются буквально, не распространяя ихъ смысла. Истинный же смыслъ ст. 1140 т. X ч. I. заключается въ томъ, что въ ней установляются извѣстные законы о наслѣдованіи на тотъ случай, если нѣтъ въ живыхъ родного брата или сестры. Поэтому находящіеся въ живыхъ братья или сестры не могутъ основывать своихъ правъ на этой статьѣ, а слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ то общее правило, о которомъ изложено выше и по которому истицы не имѣютъ права на наслѣдованіе въ настоящемъ случаѣ. Правильность изложеннаго вывода вполнѣ явствуетъ изъ соображенія ст. 1140 съ ст. 1138 т. X ч. I. Въ этой узаконено: „имѣніе, самимъ бездѣтнымъ вла-

дѣльцемъ пріобрѣтенное, поступаетъ въ родъ отца, за исключеніемъ случая, въ ст. 1140 означеннаго." Изъ логическаго толкованія этой статьи оказывается: 1) что въ ней вообще устанавливается правило наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ бездѣтно - умершаго владѣльца; 2) что правило это состоитъ именно въ томъ, что такое имущество переходитъ въ родъ отца и 3) что изъ этого правила имѣется лишь одно исключеніе въ ст. 1140. Имѣя въ виду, что изъ правила о переходѣ имущества въ родъ отца можетъ быть только одно исключеніе: переходъ въ родъ матери, то очевидно, что 1140 ст. можетъ лишь установлять правила о переходѣ благопріобрѣтеннаго имущества въ родъ матери. Очевидно затѣмъ,что подобное исключеніе не можетъ служить въ пользу истицъ, ибо онѣ суть родныя дочери своего отца, и какъ таковыя должны принадлежать къ его роду. Поэтому, если желаютъ воспользоваться исключеніемъ, изложеннымъ въ ст. 1140, то онѣ должны доказать, что онѣ не дочери Петра Аммосовича Демидова. Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что ст. 1140 устанавливаетъ какое то привило въ пользу рода матери. И это правило вполнѣ явствуетъ изъ буквальнаго содержанія этого закона, установляющаго, что въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ живыхъ родныхъ братьевъ и сестеръ, то права единоутробныхъ братьевъ и сестеръ расширяются тѣмъ, что они предпочитаются всѣмъ прочимъ родственникамъ и наслѣдуютъ наравнѣ съ единокровными въ благопріобрѣтенномъ имуствѣ. Очевидно, что только подобный случай можетъ быть разрѣшаемъ на основаніи этого закона,—но такого случая въ настоящемъ дѣлѣ не имѣется. Правильность такого толкованія подтверждается самой исторіей происхожденія ст. 1140, и именно цитатами, указанными въ ея текстѣ. Во главѣ этихъ цитатъ помѣщенъ законъ 6 мая 1817 г. (№ 26867), послѣдовавшій въ разрѣшеніе дѣла о наслѣдствѣ Бурцевыхъ. По этому дѣлу законъ призналъ, что линія родства происходитъ не отъ матери, а отъ отца, посему и дѣти, рожденныя отъ разныхъ матерей, но отъ одного отца, почитаются между собой не иначе какъ родными, поелику они одного и того же рода. Почему повелѣно было благопріобрѣтенное имущество умершаго Бурцева раздѣлить между родными его братьями и третьимъ единокровнымъ братомъ поровну, какъ между равными наслѣдниками. Такимъ образомъ, начиная съ уложенія дѣти одного отца всегда считались родными братьями, распространеніе же правъ братьевъ единоутробныхъ послѣдовало по указу 1818 г. ноября 25 (№ 27579), вовсе невходившему въ разрѣшеніе взаимныхъ правъ братьевъ родныхъ и единокровныхъ, но по вопросу о томъ: кто имѣетъ преимущественное право на наслѣдованіе въ благопріобрѣтен-

номъ имуществѣ послѣ вотчинника, неимѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ: братъ ли единоутробный, или двоюродный дядя по отцѣ. Тогда—то, по большинству голосовъ, состоялось мнѣніе о томъ, что единоутробный братъ долженъ быть предпочтенъ дядѣ, и мнѣніе Государственнаго Совѣта по этому дѣлу и вошло въ текстъ ст. 1140. Такимъ образомъ и по сравнительному и по историческому толкованію ст. 1140 необходимо признать, что статья эта не можетъ быть примѣнена къ настоящему дѣлу, разрѣшеніе котораго затѣмъ должно послѣдовать по общему правилу, изложенному въ ст. 1138. Впрочемъ по упомянутому вопросу состоялось уже кассаціонное толкованіе Правительствующаго Сената въ рѣшеніи въ 1868 г. по дѣлу Бабковыхъ. (№ 25), гдѣ Правительствующимъ Сенатомъ подробно разъясненъ вопросъ о взаимныхъ наслѣдственныхъ отношеніяхъ родныхъ и единокровныхъ братьевъ, при чемъ Правительствующій Сенатъ положительно разъяснилъ, что въ правахъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ законъ не устанавливаетъ никакого различія между наслѣдниками происходящими отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей — различія невозможнаго при существованіи закона, опредѣляющаго близость линій боковыхъ происхожденіемъ отъ общаго родоначальника. Посему Правительствующій Сенатъ постановилъ правиломъ, что дѣти, происходящія отъ одного отца, хотя бы и отъ разныхъ браковъ, и по закону, и по естественному порядку, есть родные. По всѣмъ симъ изъясненіямъ оказывается: 1) что по ст. 1138 т. X Ч. I. въ боковыхъ линіяхъ имущество благопріобрѣтенное переходитъ въ родъ отца владѣльца. т.-е. въ настоящемъ дѣлѣ въ родъ Петра Аммосовича Демидова; 2) что Геракова, какъ дочь роднаго сына Петра Демидова, имѣетъ, по праву представленія, ближайшія наслѣдственныя права въ его родѣ; 3) что на основаніи 1123 и 1135 ст. X т. Ч. I въ боковыхъ линіяхъ, при имѣніи на лицо родныхъ братьевъ или ихъ представителей, сестры не могутъ имѣть права на наслѣдство и что слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ такихъ наслѣдственныхъ правъ не имѣютъ истицы Стойковичъ и Демидова и 4) что въ виду наслѣдственныхъ правъ вдовы покойнаго и другого роднаго брата умершаго владѣльца, довѣрительница его имѣетъ право на $^3/_8$ части всего благопріобрѣтеннаго имущества умершаго ея дяди Михаила Петровича Демидова. Въ опроверженіе сего возраженія Архиповъ объяснилъ, что назначеніе цифры иска въ 21671 р. $12^1/_2$ к. зависитъ отъ Гераковой, что ссылка на рѣшеніе по дѣлу Бурцевыхъ не можетъ служить основаніемъ къ разрѣшенію настоящаго дѣла, такъ какъ, во первыхъ, это есть рѣшеніе сепаратное, а во вторыхъ оно было постановлено въ 1817 г., т.-е. до существованія закона, который бы разграничивалъ права братьевъ единокров-

ныхъ и единоутробныхъ отъ родныхъ братьевъ и сестеръ; также не заслуживаетъ уваженія ссылка повѣреннаго Гераковой на рѣшеніе Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по дѣлу Бабковыхъ, такъ какъ въ этомъ рѣшеніи Правительствующій Сенатъ призналъ равными дѣтей единокровныхъ и родныхъ братьевъ только въ родовомъ имѣніи послѣ отца. Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, Окружный Судъ находитъ, что обѣ тяжущіяся стороны основываютъ права свои на 1140 ст. X т. ч. I. Зак. Гр. Статья эта говоритъ: „Братья единоутробные и единокровные, въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имущества послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и не имѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, предпочитаются прочимъ его родственникамъ. Таковое наслѣдство поступаетъ къ нимъ въ одинаковомъ порядкѣ, какъ отъ пріобрѣтателей мужескаго пола, такъ и женскаго; и поелику единоутробные и единокровные признаются въ семъ случаѣ въ равныхъ правахъ на наслѣдство: то тамъ, гдѣ есть наслѣдники тѣ и другіе, имѣніе дѣлится между ними какъ бы между родными братьями. Когда братьевъ единоутробныхъ и единокровныхъ не осталось, то право, въ сей статьѣ опредѣленное, переходитъ въ той же силѣ къ сестрамъ единоутробнымъ и единокровнымъ съ ихъ потомствомъ.“ Г. Архиповъ, повѣренный истицъ, говоритъ, что братья единокровные и единоутробные наслѣдуютъ въ благопріобрѣтенномъ имѣніи владѣльца, умершаго бездѣтнымъ, только тогда, когда не осталось родныхъ братьевъ и сестеръ, которые исключаютъ всѣхъ прочитъ родственниковъ и такъ какъ послѣ умершаго бездѣтнымъ Демидова остались родные, т.-е. полнородныя его сестры Екатерина Демидова и Анна Стойковичъ, то онѣ исключаютъ единокровнаго его брата Всеволода Демидова и дочь другаго единокровнаго же брата Павла, Любовь Геракову, которыя должны исключительно наслѣдовать въ благопріобрѣтенномъ его имѣніи. Напротивъ того, повѣренный Гераковой объясняетъ: 1) что по закону и по теоріи права законы толкуются буквально, не распространяя ихъ смысла, особенно тѣ, которые составляютъ изъятіе изъ общаго правила, подобное ст. 1140; 2) что статья эта устанавливаетъ порядокъ наслѣдованія для единокровныхъ и единоутробныхъ, когда нѣтъ въ живыхъ родныхъ братьевъ и сестеръ, а когда они есть, очевидно должны быть примѣняемы правила, въ общихъ статьяхъ о наслѣдствѣ изложенныя; 3) что такъ какъ по 1138 ст. X т. ч. I. благопріобрѣтенное имѣніе бездѣтнаго владѣльца переходитъ въ родъ отца, за исключеніемъ случая въ 1140 ст. изложеннаго, то по 1140 ст. это имѣніе должно переходить въ родъ матери, а такъ какъ истицы изъ рода отца наслѣдодателя, то статья эта не можетъ быть къ нимъ примѣняема и наконецъ: 4) что Павелъ Демидовъ, отецъ отвѣтчицы, есть родной

братъ наслѣдодателя, ибо происходитъ отъ одного съ нимъ отца, хотя и отъ разныхъ матерей. Разсмотрѣвъ объясненія сторонъ и соображая ихъ съ закономъ, Окружный Судъ совершенно соглашается съ мнѣніемъ повѣреннаго отвѣтчиковъ относительно того, что ст. 1140. X т. I ч. Зак. Гр. должно быть дано самое узкое толкованіе, такъ какъ это мнѣніе основано на теоріи права и рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннагоо Департамента Правительствующаго Сената 1868 г. № 25 и 52. Затѣмъ всѣ основанія и возраженія сводятся къ слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1) родные братья и сестры устраняютъ ли по 1140 ст. отъ наслѣдства братьевъ единокровныхъ съ ихъ потомствомъ? и 2) что такое по закону родной братъ? Разрѣшая эти вопросы, оказывается, что до изданія въ 1818 г. закона, изложеннаго въ 1140 ст., не было никакого различія въ порядкѣ наслѣдства между родными братьями и однокровными, что ясно видно изъ цитатъ подъ этою статьею 1817 г. мая 16 № 26867. Здѣсь сдѣлана ссылка на рѣшеніе по дѣлу о наслѣдствѣ въ имѣніи Бурцева, при чемъ признано, что дѣти, рожденныя отъ разныхъ матерей, но отъ одного отца почитаются между собою не иначе, какъ родные, поелику они одного и того же рода. Хотя это рѣшеніе не можетъ имѣть вліянія на возбужденный судомъ вопросъ, ибо оно послѣдовало до изданія закона, но эта ссылка указываетъ на историческое развитіе закона, изложеннаго въ ст. 1140 и потому можетъ служить разъясненіемъ послѣдующаго взгляда на этотъ предметъ законодателя. Поводомъ къ изданію закона, изложеннаго въ 1140 ст., послужило слѣдующее обстоятельство: Его Императорское Высочество Новгородскій, Тверской и Ярославскій Генералъ-Губернаторъ, Принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургскій представилъ въ 1812 г. Его Императорскому Величеству, Государю Императору Александру 1-му, рапортъ свой о томъ, что во ввѣренныхъ управленію его губерніяхъ нерѣдко встрѣчаются такія спорныя дѣла, изъ коихъ ясно видно, что противныя между собою стороны, не имѣя наклонности къ тяжбамъ, вовлекаются въ самыя продолжительныя, единственно отъ корыстолюбія своихъ повѣренныхъ, пользующихся неопредѣленностью нѣкоторыхъ законовъ и происходящими изъ того разногласіями въ сужденіяхъ, чему примѣромъ можетъ служить слѣдующій вопросъ: послѣ смерти пріобрѣтателя имѣнія умершаго бездѣтно и не сдѣлавшаго о своемъ имѣніи распоряженія, — кто долженъ быть почитаемъ ближайшимъ наслѣдникомъ благопріобрѣтенному имѣнію: братъ ли единоутробный той же матери, но другаго отца, или двоюродный по отцѣ? По сему представленію, переданному по Высочайшему повелѣнію въ Правительствующій Сенатъ, былъ возбужденъ законодательный вопросъ; этотъ вопросъ Го-

сударственнымъ Совѣтомъ переданъ былъ на обсужденіе Коммиссіи составленія законовъ, которая составила слѣдующій проектъ закона: § 1) Буде послѣ бездѣтно-умершаго останутся братья или сестры съ нимъ единоутробные (рожденные съ нимъ отъ разныхъ отцовъ, но отъ одной матери) или происходящіе отъ нихъ потомки, то благопріобрѣтенное имѣніе, буде послѣ умершаго завѣщанія не осталось, дѣлить слѣдующимъ образомъ: § 2) Буде послѣ таковаго бездѣтно-умершаго братьевъ и сестеръ родныхъ, ни ихъ потомства не будетъ, а останутся только братья или сестры единоутробные и двоюродный братъ по отцѣ, то благопріобрѣтенное имѣніе бездѣтно-умершаго отдавать по близости родства единоутробнымъ братьямъ поровну, а сестрамъ выдѣлять узаконенныя части, оставляя законную часть и женѣ умершаго, буде бы таковая осталась. § 3. Если же бы случилось, что который либо единоутробный братъ или сестра бездѣтно-умершаго умерли еще при жизни его, оставя по себѣ дѣтей, то симъ послѣднимъ всѣмъ, сколько бы ихъ ни было, на основаніи новоуказныхъ статей 184 марта 14 и 185 августа 10 и указовъ 1770 г. марта 15, 1791 г. іюля 10 и 1804 г. ноября 29, давать по праву представленія изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія ихъ дяди ту часть, которая слѣдовала бы ихъ отцу или матери. § 4) Когда же и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ не останется, а будутъ ихъ дѣти или внучата, то благопріобрѣтенное имѣніе бездѣтно-умершаго ихъ дяди дѣлится между всѣми ими, такимъ образомъ, что дѣти или внучата получаютъ ту часть, которая слѣдовала бы ихъ отцу или дѣду, а дѣти и внучата сестры, часть слѣдовавшую ихъ матери или бабкѣ. § 5 Таковое право представленія далѣе правнучатъ не простирается, такъ что если останется послѣ котораго либо брата или сестры единоутробныхъ праправнукъ, то онъ въ наслѣдствѣ не участвуетъ, но оно дѣлится между дѣтьми, внучатами или правнучатами прочихъ братьевъ или сестеръ умершаго, на основаніи § 4. § 6. Во всѣхъ сихъ случаяхъ сестрамъ при живыхъ братьяхъ давать, на основаніи указа 1731 г. марта 17, изъ недвижимаго имѣнія по семи четвертей съ осьминою со ста, а изъ движимого восьмую часть, а оставшейся вдовѣ умершаго изъ недвижимаго по 15-ти четвертей со ста, а изъ движимаго 4 часть. § 7 Прочіе же родственники матери таковаго бездѣтно-умершаго, ежели есть въ живыхъ родственники по отцѣ, послѣ него не наслѣдуютъ. И посему если братья и сестры его единоутробные, или ихъ дѣти умрутъ бездѣтны, то имѣніе возвращается и отдается тому или тѣмъ изъ его однофамильцевъ, кто къ нему ближе. § 8 Буде же родственниковъ по отцѣ у умершаго ни ближнихъ, ни дальнихъ не будетъ, то имѣніе его отдавать родственникамъ по ма-

тери, и дѣлить оное между ими, по общимъ узаконеніямъ о правѣ наслѣдованія. § 9 Тѣ же самыя правила наблюдать и въ разсужденіи братьевъ или сестеръ единокровныхъ (рожденныхъ отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей), такъ что еслибы случилось, что послѣ бездѣтно-умершаго остались братья или сестры единокровные и единоутробные, то все благопріобрѣтенное его имѣніе дѣлится между ими по сему постановленію безъ всякаго различія единокровные ли они, или единоутробные. При этомъ коммиссія разъяснила свой проектъ слѣдующимъ образомъ: „Изъ разума существующихъ въ Россіи законовъ о правѣ наслѣдованія никакого удовлетворительнаго рѣшенія на сей вопросъ извлечь не можно: ибо хотя уложеніе главы XVII въ статьѣ 5 въ новоуказныхъ статьяхъ: 184 марта 14, 185 августа 10 ст. 4, въ указахъ: 195 февраля 17, 1714 г. марта 23 п. 8, 1774 г. декабря 9 и сказано, что сводные, т.-е. рожденные отъ разныхъ браковъ дѣти наслѣдуютъ послѣ общаго ихъ отца или матери, но въ разсужденіи наслѣдованія ихъ въ боковыхъ линіяхъ не имѣется никакого послѣдованія. Причина сего недостатка есть та, что система, принятая по существующимъ законамъ о порядкѣ наслѣдованія вообще не можетъ почитаема быть ни полной, ниже сообразной съ самой собою, потому что, вопервыхъ: самое главное правило въ сей системѣ, а именно, что ближайшій по родству почитается ближайшимъ и къ наслѣдству, весьма неопредѣленно и находится въ противорѣчіи съ постановленіями закона, ибо самые близкіе родственники, т.-е. отецъ и мать не наслѣдуютъ, и нигдѣ не опредѣлено, кого почитать ближайшимъ или дальнимъ въ равныхъ степеняхъ по боковымъ линіямъ; вовторыхъ: право представленія, отъ котораго также зависитъ порядокъ въ наслѣдствѣ, равномѣрно не съ совершенною точностью изъяснено; но ни того ни другого нельзя исправить, не стѣснивъ самую систему нынѣ существующую, хоть бы и войти въ многочисленныя постановленія, всегда поводъ дающія къ безконечнымъ спорамъ и сомнѣніямъ о близости родства или права къ наслѣдію. Для избѣжанія сихъ затрудненій Коммиссія составленія законовъ въ новомъ проектѣ гражданскаго уложенія предполагала совсѣмъ другой порядокъ наслѣдованія, хотя оный и основанъ на томъ же правилѣ о близости родства. Порядокъ сей, изложенный въ главѣ XII ст. 145 и пр. сего проекта, есть самый простой. Въ недостаткѣ нисходящей линіи наслѣдство всегда обращается къ отцу и матери, а ежели ихъ нѣтъ въ живыхъ, то полагается, что каждый изъ нихъ оставилъ слѣдующую ему часть своему потомству, т.-е. братьямъ и сестрамъ умершаго вотчинника или ихъ дѣтямъ; тутъ уже единоутробный сынъ самъ по себѣ получаетъ половину той части, какая слѣ-

дуетъ сыну, происходящему отъ одного отца и отъ одной матери. Въ недостаткѣ родителей и ихъ потомства наслѣдство поступаетъ къ двумъ дѣдамъ и двумъ бабкамъ, каждый изъ нихъ получаетъ четвертую часть и оставляетъ оную на томъ же основаніи своему потомству, т. е. двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ и ихъ потомству, считая право представленія до безконечности, потому что оно всегда простирается въ прямой линіи. По сей системѣ, всѣ встрѣтиться могущіе случаи сами собою разрѣшаются безъ малѣйшаго затрудненія и никогда никакого сомнѣнія не можетъ возникнуть о порядкѣ наслѣдованія и о томъ, какая часть наслѣдникамъ равнымъ линіями и степенями принадлежитъ. Поелику же о таковой перемѣнѣ не иначе разсуждать можно, какъ по окончательномъ разсмотрѣніи новаго проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, то нынѣ Коммиссія можетъ представить токмо предварительный законъ, и то единственно о порядкѣ наслѣдованія между своими братьями, не касаясь до наслѣдованія между прочими родственниками, пока представленный уже ею проектъ будетъ или утвержденъ, или ей будутъ предписаны другія правила, на которыхъ она должна будетъ основывать при составленіи общаго закона о правѣ наслѣдованія. Посему Коммиссія составленія законовъ принуждена была принять въ соображеніе, какъ естественный законъ, который по мнѣнію всѣхъ лучшихъ правовѣдцевъ признаетъ родство, существующее между сводными братьями, хоть бы они были единоутробные, ближайшими нежели родство, находящееся между прочими родственниками по отцѣ; съ симъ согласно также каноническое право греко-россійской церкви, которое считаетъ братьевъ, какъ родныхъ, такъ и сводныхъ во 2-й степени; двоюродныхъ же братьевъ, не взирая на ихъ происхожденіе, въ 4-й степени родства, равно и славнѣйшіе гражданскіе законы въ Европѣ, а именно: Римскіе, Прусскіе и Французскіе, кои постановляютъ, что въ недостаткѣ братьевъ и сестеръ родныхъ и ихъ потомства, имѣютъ вступить въ наслѣдство послѣ бездѣтно-умершаго братья и сестры единокровные и единоутробные. Сими законами не полагается никакого различія въ происхожденіи имѣнія, но какъ по коренному праву, принятому въ Россійскомъ законодательствѣ, родовое имѣніе ни въ какихъ случаяхъ по праву наслѣдованія (кромѣ указной части женѣ въ собственность ея выдѣляемой) не можетъ выходить изъ того рода, которому оно принадлежитъ и что самъ владѣлецъ, на основаніи 23 ст. жалованной благородному дворянству грамоты, не властенъ распоряжаться имъ иначе какъ по закону, то Коммиссія, впредь до изданія общаго закона о правѣ наслѣдованія, не считаетъ нужнымъ нарушать сіе коренное правило; но что касается до имѣнія благопріобрѣтен-

наго, то она не могла не признать за справедливое и согласное съ самою природою принять правило, утвержденное всѣми лучшими законодательствами, тѣмъ болѣе, что однофамильцы пріобрѣтателя не могутъ почесть права свои нарушенными, ибо таковое имѣніе никогда роду ихъ не принадлежало и что подобно сему и Правительствующій Сенатъ въ 1801 г. рѣшилъ дѣло о недвижимомъ имѣніи, оставшемся послѣ подпоручика Бабунина. По сей причинѣ, согласно съ естественнымъ правиломъ съ Римскими и Прусскими законами и съ вышеупомянутымъ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената, постановлено, чтобы послѣ умершаго безъ завѣщанія и безъ дѣтей вотчинника благопріобрѣтенное его имѣніе, въ случаѣ неимѣнія родныхъ братьевъ и ихъ потомствъ, отдаваемо было его братьямъ и сестрамъ единоутробнымъ. §§ 3 и 4 основаны совершенно на вновь указанныхъ статьяхъ 183 марта 14, стат. 13, 185 августа 10, стат. 13 и 14, указахъ 1774 г. марта 15 и 1791 іюля 10, въ коихъ именно постановлено, что ежели который сынъ или братъ умретъ прежде вотчинника, то они получаютъ всѣ вмѣстѣ ту часть, которая слѣдовала бы ихъ отцу. Въ § 5 принято правило, издревле утвержденное Русскими законами, что право представленія имѣетъ простираться токмо до правнучатъ вотчинника, правнучата же его не должны въ наслѣдствѣ участвовать; см. указы: 1770 марта 15, 1773 г. апрѣля 26 и 1781 мая 25. Въ § 6 постановлено, какія части имѣютъ получать жена умершаго пріобрѣтателя и сестры при жизни братьевъ на основаніи указа 1731 г. марта 17. § 7, предписываетъ, согласно съ указами 1764 г. апрѣля 26, 1766 г. августа 10, 1772 г. октября 3, чтобы, въ случаѣ неимѣнія единоутробныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства имѣніе обращалось въ родъ пріобрѣтателя. § 9 распространяетъ всѣ сіи права и на братьевъ единокровныхъ, ибо и они по праву естественному не должны имѣть никакого преимущества предъ братьями единоутробными. Мнѣніе Коммиссіи составленія законовъ, проектъ ею составленный, объясненіе и выписи были препровождены 9 августа 1817 г. отъ главноуправляющаго Коммиссіею Князя Петра Лопухина къ исправляющему должность Государственнаго Секретаря А. Аленину для внесенія въ Государственный Совѣтъ. По разсмотрѣніи этого въ Государственномъ Совѣтѣ, Департаментъ Законовъ, найдя, что въ проектѣ, составленномъ Коммиссіею, исключая первыхъ двухъ параграфовъ и послѣдняго, прочіе содержатъ въ себѣ правила, уже имѣющіяся въ законѣ, утвердилъ заключеніе Коммиссіи, принятое большинствомъ ея членовъ, а затѣмъ относительно вопроса: кто долженъ быть почитаемъ ближайшимъ наслѣдникомъ благопріобрѣтенному имѣнію по смерти пріобрѣтателя она-

го, умершаго бездѣтнымъ и не сдѣлавшаго имѣнію никакого распоряженія—братъ ли единоутробный той же матери, но другого съ нимъ отца, или двоюродный братъ по отцѣ, постановилъ: „братья единоутробные и единокровные, въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имѣнія послѣ вотчинника, не имѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія, должны быть предпочитаемы прочимъ его родственникамъ, присовокупляя къ тому, что таковое наслѣдство поступаетъ къ нимъ въ одинаковомъ порядкѣ, какъ отъ пріобрѣтателей мужескаго пола, такъ и женскаго, и что какъ единоутробные и единокровные признаются въ равныхъ правахъ на наслѣдство, то тамъ, гдѣ наслѣдники тѣ и другіе, имѣніе дѣлится между ними на законномъ основаніи, какъ бы между родными братьями.“ Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта большинство членовъ онаго согласилось съ утвержденнымъ мнѣніемъ Департамента Законовъ, которое и было послѣ сего Высочайше конфирмовано въ 14 день августа 1818 г., а затѣмъ Правительствующій Сенатъ, выслушавъ въ общемъ собраніи С.-Петербургскихъ департаментовъ, представленный министромъ юстиціи, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, списокъ съ этого мнѣнія, обнародовалъ посему 28 ноября того же года указъ, внесенный въ полное собраніе законовъ подъ № 27579. Засимъ и отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи внесло мнѣніе это съ буквальною точностью въ X т. Св. Зак. Гр., въ коемъ по изданію 1832 г. и образовалась по сему слѣдующая статья 710: „Братья единоутробные и единокровные, въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имущества послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и не имѣвшаго родныхъ братьевъ, ни ихъ потомства, предпочитаются прочимъ его родственникамъ. Таковое наслѣдство поступаетъ къ нимъ въ одинаковомъ порядкѣ, какъ отъ пріобрѣтателей мужескаго пола, такъ и женскаго, и поелику единоутробные и единокровные признаются въ семъ случаѣ въ равныхъ правахъ на наслѣдство: то тамъ, гдѣ есть наслѣдники тѣ и другіе, имѣніе дѣлится между ними на законномъ основаніи, какъ бы между родными братьями. 1817 г. мая 16 (26867), 1818 г. ноября 25 (27579).“ Но такъ какъ въ составленной такимъ образомъ статьѣ не было ни одного слова о правахъ, въ точно такомъ случаѣ, о коемъ говоритъ приведенная 710 ст., сестеръ единоутробныхъ и единокровныхъ, то Комитетъ и Сводъ Законовъ отнесся 22 января 1835 г. въ Департаментъ Министерства Юстиціи съ тѣмъ, чтобы изъ канцеляріи общаго собранія московскаго департамента правительствующаго сената благоволено было въ возможной скорости доставить свѣдѣніе: когда и куда именно посланы бы-

ли изъ сего собранія указы объ исполненіи рѣшенія по дѣлу жены бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, урожденной княжны Голицыной и сестеръ ея объ имѣніи, оставшемся послѣ родной тетки ихъ, дѣвицы княжны Мещерской, по которому всеподданнѣйшій рапортъ онаго собранія утвержденъ 3 октября 1819 г., и не было ли помѣщенное рѣшеніе распубликовано, какъ заключающее въ себѣ поясненіе Высочайше утвержденнаго въ 14 день августа 1818 г. Мн. Госуд. Совѣта. По полученіи на запросъ этотъ отвѣта, что объ исполненіи рѣшенія, послѣдовавшаго въ общемъ собраніи 6 іюня и 1 августа 1819 г. по дѣлу Козодавлевой и сестеръ ея объ имѣніи, оставшемся послѣ княжны Елены Мещерской, указы посланы въ Московское Губернское Правленіе и 1 Департаментъ Гражданской Палаты 20 октября того же года, и повсемѣстно распубликовано означенное рѣшеніе не было, II отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на основаніи Высочайше утвержденнаго Мнѣнія Государственнаго Совѣта 1836 г. іюня 4, дополнило 710 ст.слѣдующими словами: „Когда братьевъ единоутробныхъ и единокровныхъ не осталось, то право въ сей статьѣ опредѣленное, переходитъ въ той же силѣ къ сестрамъ единоутробнымъ и единокровнымъ съ ихъ потомствомъ. 1819 г. октября 5 Высочайше утвержденный рапортъ общаго собранія Правительствующаго Сената по дѣлу объ имѣніи княжны Мещерской 1836 г. іюня 4.“ По изданіи сего законоположенія на практикѣ возникали слѣдующіе вопросы: 1) что такъ какъ законъ 1819 г. послѣдовалъ въ виду разъясненія вопроса: кто наслѣдуетъ въ благопріобрѣтенномъ имѣніи умершаго бездѣтнымъ двоюродный ли братъ его или единоутробный братъ, то единокровнымъ братомъ долженъ почитаться двоюродный братъ, и что братъ отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей есть родной братъ, и 2) что не опредѣлено закономъ, чтобы родные, т.-е. полнородные братья и сестры исключали отъ наслѣдства единокровныхъ. Но оба эти вопроса и нынѣ возбужденные по дѣлу о наслѣдствѣ въ благопріобрѣтенномъ имѣніи Демидова не разрѣшались въ законодательномъ порядкѣ. Для правильнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ необходимо прежде всего опредѣлить: что слѣдуетъ разумѣть подъ употребленнымъ въ ст. 1140 X т. I ч. Зак. Гр. выраженіемъ: „братья единокровные,“ такъ какъ выраженіе это толкуется различно тяжущимися сторонами. Хотя въ законѣ нигдѣ не содержится опредѣленія, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ единокровныхъ братьевъ, но неподлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ этимъ названіемъ разумѣются въ ст. 1140 т. X, ч. I. братья, происходящіе отъ одного отца и отъ разныхъ матерей. Присвоивать это названіе брать-

ямъ двоюроднымъ представляется тѣмъ менѣе основанія, что законъ ст. 204, 206 и прил. къ ст. 211 т. X. ч. I, опредѣляя весьма точно и ясно, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ двоюродныхъ братьевъ, никакъ не указываетъ, чтобы они могли быть называемы также и братьями единокровными. Напротивъ того, одно уже сопоставленіе въ ст. 1140 т. X. ч. I. братьевъ единокровныхъ съ единоутробными, подъ которыми разумѣются рожденные отъ одной матери, но отъ разныхъ отцовъ, показываетъ, что это названіе означаетъ лицъ, находящихся въ соотвѣтственныхъ отношеніяхъ, т.-е. дѣтей, происходящихъ отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей. Такое толкованіе, вполнѣ согласное съ тѣмъ смысломъ, въ которомъ названіе единокровныхъ употребляется и въ другихъ статьяхъ Св. Зак. (напр. въ ст. 907 т. IV к. I. Уст. Рекр. изд. 1857 г.). и съ тѣмъ значеніемъ, которое постоянно придается этому выраженію. Правительствующій Сенатъ (напр. въ рѣшеніяхъ общаго собранія Московскихъ Департаментовъ по дѣлу Медвѣцкаго и 2-го Департамента Сената по дѣлу Юкина) нисколько не противорѣчитъ въ цитатѣ подъ ст. 1140 т. X, ч. I. Зак. Гр. Высочайше утвержденному Мн. Гос. Сов. 25 ноября 1818 г. Въ означенномъ мнѣніи на опредѣлительно поставленный вопросъ: кто долженъ быть почитаемъ ближайшимъ наслѣдникомъ благопріобрѣтенному имѣнію: братъ-ли умершаго единоутробный той же матери но другаго съ нимъ отца, или двоюродный по отцѣ, послѣдовало разрѣшеніе: что братья единоутробные и единокровные предпочитаются всѣмъ прочимъ родственникамъ. Очевидно, что въ разрѣшеніи этомъ двоюродные братья понимаются подъ общимъ названіемъ всѣхъ прочихъ родственниковъ, и нѣтъ никакого основанія относить къ двоюроднымъ братьямъ употребленное здѣсь, совершенно несвойственное имъ, названіе „единокровныхъ;“ напротивъ того сопоставленіе рядомъ съ единоутробными и единокровными братьевъ, о которыхъ въ вопросѣ не было рѣчи, произошло оттого, что Государственный Совѣтъ, разрѣшая возникшій въ дѣлѣ вопросъ о порядкѣ наслѣдованія братьевъ единоутробныхъ, въ то же время почелъ нужнымъ присовокупить, что и родные братья по отцѣ, хотя и не одной матери, т. е. единокровные имѣютъ также права на наслѣдство благопріобрѣтеннаго имѣнія одинъ послѣ другого, какъ и братья разныхъ отцовъ, но одной матери. Наконецъ приведенный въ цитатѣ подъ ст. 1140 т. X ч. I. Высочайше утвержденный 5 сентября 1819 г. рапортъ Правительствующаго Сената по дѣлу объ имѣніи княжны Мещерской не оставляетъ никакаго сомнѣнія въ изъясненномъ значеніи слова „единокровный,“ такъ какъ въ дѣлѣ княжны Мещерской былъ споръ между (сторона-

ми) сестрами, происходящими отъ одной матери, но разныхъ отцовъ съ одной стороны и сестрами, происходящими отъ одного отца и разныхъ матерей—съ другой и первыя въ означенномъ Высочайше утвержденномъ рапортѣ названы единоутробными, а вторыя единокровными. На основаніи изложеннаго, Павелъ Демидовъ, отецъ отвѣтчика, происходящій отъ одного отца съ умершимъ Михаиломъ Демидовымъ, но отъ разныхъ матерей, долженъ быть признанъ единокровнымъ его братомъ. А за симъ вопросъ о томъ, кто долженъ наслѣдовать въ оставшемся послѣ Михаила Демидова благопріобрѣтенномъ имѣніи разрѣшается буквальнымъ содержаніемъ ст. 1140 X т. ч. I. Зак. Гр. Въ статьѣ этой, между прочимъ, постановлено: „братья единоутробные и единокровные, въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннаго имущества послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и не имѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, предпочитаются прочимъ родственникамъ.“ По точному смыслу этого узаконенія Павелъ Демидовъ, а за него дочь его Геракова, какъ единокровный братъ умершаго Михаила Демидова, въ такомъ только случаѣ имѣлъ бы право на наслѣдованіе благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ сего наслѣдства, если бы у умершаго не осталось ни родныхъ братьевъ, ни ихъ потомства. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что у Михаила Демидова нашлись двѣ родныя сестры-истицы, которыя и домогаются нынѣ признанія ихъ единственными наслѣдницами въ благопріобрѣтенномъ имѣніи умершаго брата; а потому, на точномъ основаніи упомянутой статьи, и должны быть признаны имѣющими преимущественное предъ Гераковою право на означенное наслѣдство. Это толкованіе 1140 ст. т. X. ч. I. совершенно согласно съ рѣшеніями Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 1868 г. № 28 и 52. По симъ основаніямъ Окружный Судъ постановилъ: къ имѣнію благопріобрѣтенному полковника Михаила Демидова утвердить наслѣдницами, за выдѣломъ вдовѣ его указной части, сестеръ его Анну Стойковичъ и Екатерину Демидову въ равныхъ частяхъ, обративъ на Геракову отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ съ суммы 21,679 р. 12½ к. Рѣшеніе это не подлежитъ предварительному исполненію. *)

---

*) Разборъ этого рѣшенія будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала. Ред.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Давая мѣсто въ нашемъ журналѣ замѣткѣ г. Обнинскаго: „о значеніи оправдательныхъ приговоровъ *при наличности вины*“ и отдавая должную справедливость важности возбуждаемыхъ многоуважаемымъ авторомъ ея вопросовъ, мы невольно, прежде всего, задаемся вопросомъ: что же должно разумѣть подъ выраженіемъ „*при наличности вины?*“ Судебными уставами 20 ноября 1864 года отмѣнена *чисто-слѣдственная система* уголовнаго судопроизводства и замѣнена *слѣдственно-обвинительнымъ* порядкомъ. Теорія законныхъ доказательствъ найдена крайне неудовлетворительною, а помѣщенныя въ уставѣ Уголовнаго Судопроизводства правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны только служить *руководствомъ* при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда. Со введеніемъ у насъ суда присяжныхъ—присяжнымъ засѣдателямъ законъ предоставилъ право рѣшенія, согласно съ тѣмъ, что они увидятъ и услышатъ на судѣ, по сущей правдѣ и убѣжденію совѣсти; это рѣшеніе ими не мотивируется и составляетъ лишь утвердительный или отрицательный отвѣтъ на каждый изъ предлагаемыхъ имъ судомъ вопросовъ.

Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ представляются разрѣшенію ихъ вопросы: 1) совершилось ли событіе преступленія, 2) было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и 3) *должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину?* Разрѣшеніе сихъ вопросовъ присяжными, по совѣсти, весьма часто можетъ быть утвердительное по первому и даже второму и въ тоже время отрицательное по третьему. Собственное признаніе подсудимаго, какъ доказательство, подлежитъ также оцѣнкѣ присяжныхъ и, служа большею частью достаточнымъ основаніемъ къ заключенію о достовѣрности событія преступленія, не всегда можетъ быть принято при разрѣшеніи вопроса о *вмѣненіи*. Безконечное разнообразіе обстановки преступленій, поло-

жительно, не даетъ возможности стѣснять свободу совѣсти присяжныхъ и служитъ достаточнымъ оправданіемъ непоколебимости ихъ рѣшеній. Поэтому при обсужденіи оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ, для признанія ихъ неправильными, недостаточно указанія на мнимую *наличность вины* оправданныхъ, руководствуясь отжившею свой вѣкъ *теоріею формальныхъ доказательствъ*. По нашему мнѣнію, оправдательные приговоры суда присяжныхъ не могутъ быть дѣломъ вымѣщенія на судѣ аномалій, существующихъ внѣ его порядковъ, а суть живое осуществленіе народной справедливости. Учрежденіе суда присяжныхъ еще новое. Дальнѣйшее его развитіе будетъ зависѣть отъ нравственнаго, соціальнаго и политическаго быта народа. Далѣе, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ автора, что въ результатѣ послѣдней сессіи присяжныхъ *прочіе органы судебной власти тутъ ни при чемъ.* Новый нашъ уголовный процессъ основанъ на состязаніи обвинителя и защитника, на равенствѣ ихъ правъ на судѣ и на томъ началѣ, что обвинитель *обязанъ доказать* свои обвиненія. Наконецъ участіе суда, и предсѣдательствующаго въ особенности, не можетъ быть забыто. Г. Обнинскій утверждаетъ, что въ уѣздахъ, въ *первобытно—грубомъ, неразвитомъ составѣ присяжныхъ*, большинство приговоровъ дышало правдою. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности это провѣрить, но мы вѣримъ, что при такихъ условіяхъ всегда обвиненію большой просторъ, тѣмъ болѣе, что въ уѣздахъ нерѣдко ощущается и недостатокъ въ адвокатурѣ, безъ которой немыслимо правильное отправленіе уголовнаго правосудія. Мы вполнѣ согласны, что институтъ присяжныхъ не долженъ стоять выше закона. Но оправданіе подсудимаго, учинившаго признаніе, не составляетъ превышенія власти присяжныхъ. Въ этомъ случаѣ они осуществляютъ только свое право, великое право судить по *совѣсти*, а не по формѣ. Конечно, что для такого рода оправданій должны быть и уважительныя причины. Но эти послѣднія неуловимы для критики: приговоры присяжныхъ—дѣло убѣжденія, основаннаго на обсужденіи обстоятельствъ дѣла, но безъ указанія ими мотивовъ, руководившихъ ихъ совѣстью, а потому и безапелляціонны. До сихъ поръ практика нашего суда присяжныхъ не заслужила упрека въ недостаткѣ репрессивности. Вспомнимъ наши прежніе суды и безконечное число ихъ приговоровъ объ оставленіи обвиняемыхъ въ подозрѣніи, и тогда только откроется ясно, что общество должно быть признательно за безкорыстную и полезную дѣятельность присяжныхъ засѣдателей и благословлять законодателя, даровавшаго Россіи судъ присяжныхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, что этому послѣднему, чтобы охра-

нить свою силу и достоинство, необходимо заботиться объ основательности его приговоровъ и помнить, что право помилованія принадлежитъ только верховной власти. Что же касается до благотворительности и участія къ судьбѣ людей, по суду оправданныхъ и слѣдовательно возвращенныхъ обществу, то это—дѣло святое и пребудетъ таковымъ дотолѣ, пока въ сердцахъ людей не угаснетъ чувство добродѣтели. *Ред.*

I.

О значеніи оправдательныхъ приговоровъ при наличности вины.

Недавно смѣнившійся составъ московскихъ присяжныхъ засѣдателей ознаменовалъ себя рядомъ оправдательныхъ приговоровъ; большею частью такихъ приговоровъ награждены сознавшіеся подсудимые и въ особенности—рецидивисты въ кражахъ.

Надъ такимъ результатомъ минувшей сессіи необходимо призадуматься, по возможности объяснивъ себѣ причины его и способъ отдѣлаться отъ него въ будущемъ; необходимо потому, что это явленіе ненормальное, болѣзненное и потому вредное для общественнаго организма. Призадуматься надъ этимъ всего прежде придется самимъ присяжнымъ засѣдателямъ, такъ какъ прочіе органы судебной власти тутъ ни при чемъ.

Дѣйствительно, сознавшійся, да кромѣ того вполнѣ изобличенный подсудимый, выслушавъ милостивое „нѣтъ, не виновенъ," созданное минутнымъ совѣщаніемъ, удаляется съ пачкою ассигнацій, благословляя щедрость своихъ судей;—а рядомъ съ этимъ потерпѣвшій отъ доказаннаго преступленія теряетъ свое священное право къ вознагражденію. Тяжелый трудъ слѣдователя, усилія обвинителя разлетаются дымомъ; общество, требующее отъ суда гарантіи своей свободы, имущества, спокойствія, чести, остается неудовлетвореннымъ — и все это оттого только, что подсудимый сознался; какъ будто сознаніе есть искупленіе. По дѣйствующимъ законамъ даже чистосердечное раскаяніе, встрѣчаемое чрезвычайно рѣдко, только смягчаетъ отвѣтственность воновнаго, не освобождая его отъ обязанности разсчитаться передъ обществомъ. Институтъ присяжныхъ, какъ и всякій общественный органъ, не можетъ стоять выше закона, а убѣждаясь въ наличности вины,—потому что никто не повѣритъ, чтобы при сознаніи обвиняемаго, доказанномъ уликами, нельзя было не убѣдиться въ этомъ,—и все-таки отвѣчая „нѣтъ, не ви-

новенъ," присяжные очевидно, при томъ, или другомъ совершенно внѣшнемъ относительно разсматриваемаго преступленія поводѣ, отрицаютъ законъ; и именно поводъ-то тутъ и причина зла—его не должно существовать. Въ уѣздахъ, въ первобытно-грубомъ, неразвитомъ составѣ присяжныхъ мы повода этого никогда не замѣчали и, благодаря этому, большинство приговоровъ дышало правдою. Повода этого, по всей вѣроятности, не будетъ и въ достаточно-развитомъ составѣ присяжныхъ; является же онъ только какъ продуктъ полуразвитія, которое легко поддается всякому соображенію, брошенному смѣло и рѣзко, напримѣръ, что человѣкъ, выйдя изъ тюрьмы съ отмѣткою въ паспортѣ, не можетъ вслѣдствіе этой отмѣтки питаться честнымъ трудомъ и поневолѣ дѣлается рецидивистомъ, или тому, что затомленный долгимъ арестомъ подсудимый уже поквитался съ обществомъ за свое мимовольное зло и т. п. Такія соображенія, правда, весьма вѣски и внушительны, но только на другой почвѣ: административной, общественной, земской, но не судебной, на которой призваны служить присяжные засѣдатели, не имѣющіе никакого права вымѣщать на судѣ всякую аномалію внѣ его и помимо его существующую, потому что одинъ органъ общественнаго благоустройства не можетъ быть приносимъ въ жертву другому; и какъ бы ни были вѣски и внушительны подобныя соображенія, присяжные судьи не должны увлекаться ими, служа высокой идеѣ правосудія и разрѣшая только поставленные судомъ, но не общественные вопросы.

Въ дѣлѣ суда, безспорно, встрѣчаются такіе вопросы, требующіе разрѣшенія инымъ путемъ; какимъ именно — не задача нашей замѣтки, имѣющей цѣлью указать только, что ихъ нельзя рѣшать такъ, какъ понимали присяжные засѣдатели, закончившіе свою сессію; нельзя потому уже, что при такомъ рѣшеніи подымаются одинъ другого нелѣпѣе и страшнѣе другіе вопросы: созидается между арестованными теорія, по которой чѣмъ чаще воровать, тѣмъ меньше отвѣчать; устанавливается убѣжденіе, что для полнаго оправданія требуется сознаться, прикинуться казанской сиротой, или расплакаться; свидѣтели пріобрѣтаютъ страхъ показывать противъ лица, торжественно и непонятно для нихъ оправдываемаго и въ заключеніе награждаемаго тутъ же деньгами; благотворительность здѣсь, какъ и вездѣ, конечно, должна быть свободна, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ею щеголять открыто, публично, и, пожалуй, даже оффиціально, въ присутствіи суда и отъ лица суда, между тѣмъ какъ желающіе всегда могли бы помочь подсудимому по выходѣ его изъ залы засѣданія.

Оправдывая въ подобныхъ случаяхъ, интеллигентное мень-

шинство состава присяжныхъ дѣйствуетъ, заручившись соображеніями, примѣры которыхъ мы привели выше; большинство, всегда предпочитающее въ общественныхъ дѣлахъ чужую инціативу, если только она на-лицо, собственному размышленію, соглашается на оправданіе, не разбирая нелѣпости послѣдствій, которыя оно оставляетъ за собою,—и такимъ образомъ сыплятся оправдательные приговоры безъ конца.... Обвиненію, очевидно, противъ этого бороться нельзя, потому что, оспаривая какой-либо изъ вышеупомянутыхъ поводовъ, затаенныхъ въ умахъ засѣдателей, оно выйдетъ за предѣлы судебныхъ преній и рискуетъ быть остановленнымъ предсѣдателемъ, обязаннымъ „устранять въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу.“

П. Обнинскій.

II.

Ст. 145 Уст. Гражд. Суд. на выворотъ.

(БЫЛЬ).

На дняхъ является къ намъ крестьянинъ и проситъ помочь совѣтомъ своему горю; горе, какъ оказалось, состоитъ въ слѣдующемъ: крестьянинъ этотъ живетъ въ деревнѣ верстъ за 100 отъ Москвы, но беретъ у одного изъ московскихъ купцовъ-фабрикантовъ бумажный товаръ, вырабатываетъ его у себя дома, привозитъ въ Москву, сдаетъ въ контору, получаетъ плату и тѣмъ кормится съ семьей. Такой договоръ означался въ расчетной книжкѣ, гдѣ и отмѣчалось, что слѣдовало. Въ послѣдній разъ крестьянинъ привезъ выработанный товаръ, сдалъ его въ контору и оставилъ тамъ свою расчетную книжку; когда же послѣ того потребовалъ заработанные свои 156 руб., то купецъ подъ различными предлогами уклонялся отъ платежа, заставляя крестьянина проживаться въ Москвѣ безъ дѣла и наконецъ довелъ его до необходимости обратиться къ мѣстному мировому судьѣ. Послѣ долгихъ хлопотъ и походокъ истецъ добился, что разбирательство дѣла его назначили на 12 іюня,—число роковое для бѣднаго истца, узнавшаго въ этотъ день, что дѣло его по случаю неявки купца-отвѣтчика „совсѣмъ прикончено." Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ намъ огорченный истецъ. Не повѣривъ, разумѣется, такому исходу дѣла, мы предложили истцу запастись копіею; оказалось, что бѣдняга уже просилъ ее, но тщетно; обнадеживъ его все-таки насколько было можно, мы отправили его вторично попытать счастія, и черезъ нѣсколько дней крестьянинъ принесъ намъ письменное подтвержденіе истины своихъ словъ, удостовѣренное печатью и подписомъ судьи. Вотъ слово въ слово этотъ интересный документъ: такого-то года и числа такой-то мировой судья слушалъ „словесное заявленіе" такого-то крестьянина объ удержаніи у него расчета и *самой расчетной книжки* проживающимъ тамъ-то *въ собствен-*

номъ домѣ купцомъ такимъ-то; мировой судья постановилъ: назначить разбирательство на 12 іюня, о чемъ объявить истцу, а отвѣтчику послать повѣстку. 12 іюня мировой судья постановилъ: „за *нерозысканіемъ*" отвѣтчика дѣло *на основ. 32 и 54 ст. Уст. Гражд. Суд.*, „*производствомъ прекратить.*"

Помѣщая эту замѣтку въ юридическомъ журналѣ, мы считаемъ излишнимъ подробно анализировать это рѣшеніе съ юридической стороны, потому что каждый изъ читателей такого журнала хорошо знаетъ, что при указаніи жительства отвѣтчика, его недвижимаго имѣнія—дома, гдѣ, кромѣ того, исполнялся договоръ, приведенная судьей 54 ст. ни при чемъ; а такъ какъ все это состоитъ въ предѣлахъ участка судьи, уже назначившаго разбирательство и, слѣдовательно, признавшаго дѣло себѣ въ этомъ отношеніи (другого же при разбирательствѣ не обнаружилось) подсуднымъ, то, очевидно, что столь же тутъ не умѣстна и 32 ст.; съ другой стороны исключительно идущія въ дѣлу 80, 210, 442—444, 145 и 147 ст. Уст. Гражд. Суд. почему-то позабыты; какимъ же образомъ неявка отвѣтчика обусловила собою прекращеніе производства, тогда какъ это обстоятельство могло лишь повлечь за собою или заочное рѣшеніе (ст. 145), или отсрочку разбирательства съ новымъ вызовомъ сторонъ (ст. 147), — представляется совершенною загадкою, въ особенности при указаніи истца на документъ, находящійся въ рукахъ противной стороны.

Возникаютъ два вопроса: что за причина подобнаго, мы полагаемъ, небывалаго рѣшенія? и какъ взглянетъ на дѣло съѣздъ, куда обратится, конечно, горемыка-истецъ?

При многочисленности подобныхъ исковъ въ столицѣ нельзя объяснить рѣшеніе неопытностью судьи; незнакомствомъ съ столь элементарными законами гражданскаго судопроизводства, какіе приведены выше, объяснить это еще труднѣе: всѣ фактическія данныя, требующія безусловнаго примѣненія этихъ законовъ, упомянуты въ самомъ рѣшеніи; неужели причину эту слѣдуетъ искать въ беззащитности бѣднаго истца, въ его невѣжественности и безграмотствѣ, неспособныхъ къ какому-либо протесту?... Но объ этомъ страшно подумать.

Рѣшеніе это, при всей своей наивности, можетъ однако для мироваго съѣзда представить трудно разрѣшимый юридическій вопросъ о порядкѣ, въ какомъ оно подлежитъ обжалованію и разсмотрѣнію во 2-й степени суда, не бывши рѣшеннымъ по существу въ 1-й. Съѣздъ можетъ, пожалуй, признать рѣшеніе частнымъ опредѣленіемъ, жалобу — частною, а не апелляціонною и за пропускомъ 7 дневнаго срока разрушить послѣднюю надежду крестьянина добиться своихъ, трудомъ заработанныхъ, 156

руб.; такой исходъ будетъ несомнѣнно грубою ошибкою, потому что частное обжалованіе ограничивается лишь сферой опредѣленій, не преграждающихъ дальнѣйшее теченіе иска; даннымъ же рѣшеніемъ дѣло производствомъ прекращено. Съ другой стороны, признавъ за истцомъ право апелляціонной жалобы, какимъ образомъ съѣздъ постановитъ въ первый разъ рѣшеніе по существу? Такимъ образомъ для мироваго съѣзда готовится камень преткновенія, который можетъ для несчастнаго истца обратиться въ подводный камень, о который окончательно разобьется его только-что воскресшая мечта добиться правосудія.

Возможность такого исхода, возможность подобныхъ рѣшеній въ будущемъ заставила насъ заявить объ этомъ курьезѣ въ Юридическомъ Вѣстникѣ.

П. Обнинскій.

10 іюля 71 г.

КОРРЕСПОДЕНЦІЯ ВѢСТНИКА.

ВОПРОСЫ ИЗЪ ПРАКТИКИ МИРОВЫХЪ СУДЕБНЫХЪ И ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ УСТАНОВЛЕНІЙ.

1.

У мирового судьи 6 участка моршанскаго уѣзда производилось дѣло о взысканіи крестьяниномъ Разореновымъ съ мѣщанина Свѣшникова 46 рублей 25 копѣекъ.—Рѣшеніемъ мирового судьи, состоявшимся 2 декабря 1870 года и вошедшимъ въ законную силу (2 п. 156 ст. Устав. Гражд. Судопр.), на основаніи 69, 81 и 129 ст. того же Устав. въ искѣ Разоренову было отказано. Но затѣмъ истецъ съ представленіемъ накладной обратился къ мировому судьѣ о новомъ разсмотрѣніи дѣла, но прошеніе истца по этому предмету было ему возвращено при объявленіи. Влѣдствіе чего Разореновъ съ ходатайствомъ о пересмотрѣ дѣла обратился въ съѣздъ мировыхъ судей моршанскаго уѣзда, который, разсмотрѣвъ просьбу Разоренова, *въ распорядительномъ завѣданіи,* 13 мая 1871 года, на основаніи 187 ст. Уст. Гражд. Судопр. и рѣш. гражд. касс. деп. 1867 г. № 37 и находя просьбу Разоренова заслуживающею уваженія, такъ какъ накладная выдана Разоренову послѣ рѣшенія мировымъ судьею дѣла, постановилъ: съ препровожденіемъ накладной предписать мировому судьѣ 6 участка разобрать дѣло вновь, о чемъ объявить Разоренову. Этотъ послѣдній, принявъ въ соображеніе, что по закону со времени провозглашенія резолюціи суда по существу дѣла судебное установленіе не можетъ само ни отмѣнить, ни измѣнить оную и что рѣшеніе, вступившее въ законную силу, обязательно не только для тяжущихся, *но и для суда, постановившаго оное* (ст. 891 и 893 Уст. Гражд. Судопр.), вошелъ съ представленіемъ въ означенный съѣздъ о разрѣшеніи возникшаго для него затрудненія исполнить требованіе съѣзда. Мы не знаемъ еще, какое состоялось распоряженіе съѣзда по упомянутому представленію мироваго судьи. Во всякомъ, однако же, случаѣ приведенное нами постановленіе съѣзда обращаетъ на себя особенное вниманіе. Прежде всего представляется вопросъ, на

какомъ основаніи просьба Разоренова о пересмотрѣ дѣла заслушана въ *распорядительномъ*, а не въ *судебномъ* засѣданіи съѣзда. Намъ кажется, что разрѣшеніе съѣздомъ этой просьбы въ *распорядительномъ засѣданіи* неправильно, потому что въ законѣ точно означены случаи составленія распорядительныхъ засѣданій (ст. 151 учрежд. суд. устан.), данное же дѣло не подходитъ ни подъ одинъ изъ указанныхъ этимъ узаконеніемъ случаевъ. Далѣе дѣло не могло быть съѣздомъ обращено къ новому разсмотрѣнію мирового судьи, пока рѣшеніе этого послѣдняго не отмѣнено; въ приведенномъ же опредѣленіи съѣзда не заключается постановленія объ отмѣнѣ вошедшаго въ законную силу рѣшенія; кромѣ того, согласно 193 ст. устав. гражд. суд. въ случаѣ отмѣны рѣшенія мирового судьи дѣло должно было поступить на разсмотрѣніе другаго мирового судьи. Наконецъ подлежитъ разрѣшенію послѣдній вопросъ: подлежало ли ходатайство крестьянина Разоренова о пересмотрѣ дѣла разсмотрѣнію съѣзда мировыхъ судей? По 189 ст. устав. гражд. судопр. просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судей приносятся мировому съѣзду. При этомъ не сдѣлано въ приведенномъ узаконеніи никакого различія между случаями кассаціи и пересмотра рѣшеній. Самое производство по просьбамъ о пересмотрѣ рѣшеній, по мысли закона (объясн. къ 794 ст. устав. гражд. суд. изд. госуд. канц.), признано необходимымъ подчинить *общему кассаціонному производству*; почему, руководствуясь общимъ правиломъ, выраженнымъ въ приведенной нами 189 ст. и рѣш. гражд. касс. деп. прав. сен. 1867 г. № 29, въ которомъ прямо высказано, что рѣшенія миров. судей не подлежатъ, ни въ какомъ случаѣ, непосредственной отмѣнѣ касс. деп. прав. сен., должно заключить, что просьбы *о пересмотрѣ рѣшеній* мировыхъ судей должны быть приносимы мировому съѣзду и подлежать слѣдовательно и его разсмотрѣнію, хотя бы сумма дѣла и превышала 30 руб., какъ это оказывается въ данномъ случаѣ, такъ какъ рѣшеніе мирового судьи можетъ вступить въ законную силу и на большую сумму въ указанномъ 2. п. 156 ст. устав. гражд. судопр. случаѣ.

Глубоко сочувствуя успѣхамъ и развитію нашего мирового суда и желая первые отозваться на приглашеніе редакціи Юридическаго Вѣстника сообщать болѣе замѣчательные случаи изъ судебной практики мировыхъ судебныхъ установленій, мы сообщаемъ вышеизложенное дѣло и нѣсколько замѣчаній о немъ съ увѣренностью, что наши юристы болѣе насъ разработаютъ возбуждаемые нами вопросы.

2.

Къ числу великихъ преобразованій, совершившихся въ наше время, едва ли не первое мѣсто занимаетъ судебная реформа. Законодательство, даровавъ судебнымъ установленіямъ должную самостоятельность и независимость, для вѣрнаго достиженія этой цѣли озаботилось возвышеніемъ окладовъ жалованья и содержанія лицъ судебнаго вѣдомства. Но мировыя судебныя установленія, относительно этого предмета, *всею* своею тяжестью легли на земство, Къ числу существенныхъ условій хорошаго суда, безъ сомнѣнія, должно отнести и то, чтобы онъ дорого не обходился народу. Сообщая редакціи Юридическаго Вѣстника нѣкоторыя данныя изъ доклада ревизіонной коммиссіи въ моршанское уѣздное земское собраніе и изъ журнала этого послѣдняго отъ 7 октября 1870 года, мы имѣемъ въ виду вопервыхъ, нѣсколько ознакомить общество съ дѣятельностью мѣстныхъ нашихъ учрежденій и возбудить вопросъ о предѣлахъ власти съѣздовъ мировыхъ судей относительно назначенія ими участковымъ мировымъ судьямъ добавочнаго содержанія при исправленіи ими должности болѣе чѣмъ по одному участку. Приведенныя ревизіонною каммисіею соображенія о томъ, *что по моршанскому округу каждое изъ дѣлъ обходится земству болѣе чѣмъ десять рублей однихъ канцелярскихъ расходовъ* заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мало ли чего не дѣлается у насъ! И все это проходитъ безотвѣтственно. Причина всему этому недостатокъ энергіи и самостоятельности характера нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Намъ остается одинъ путь открытый закономъ — это гласность. Къ ней то мы и прибѣгаемъ.

Въ Моршанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, при обсужденіи отчетовъ о суммахъ, отпускаемыхъ земствомъ на содержаніе мировыхъ судебныхъ и по крестьянскимъ дѣламъ установленій, возбужденъ былъ вопросъ о правѣ мировыхъ посредниковъ на полученіе, сверхъ опредѣленнаго закономъ содержанія, по 1500 р. въ годъ, суточныхъ денегъ при исправленіи ими дол-

жности по другимъ участкамъ и о предѣлахъ власти съѣздовъ мировыхъ судей относительно назначенія ими участковымъ мировымъ судьямъ добавочнаго содержанія (равняющагося двойному) при исправленіи ими должности болѣе чѣмъ по одному участку. Вопросы эти возникли вслѣдствіе доклада ревизіонной коммиссіи, изъ котораго между прочимъ видно: По провѣркѣ отчета съѣзда гг. мировыхъ посредниковъ съ документами и книгами равно съ отчётомъ управы оказалось:

Въ мировомъ съѣздѣ къ 1870 г. состояло остатковъ прежнихъ лѣтъ отъ содержанія мироваго съѣзда.	2024 р.	76¼ к.
Въ 1870 г. на содержаніе съѣзда отпущено изъ управы до 1-го августа, т. е. въ отчетномъ году за 1869 г.	775 „	24 „
за 1870 г.	1284 „	76 „
Послѣ закончанія отчета управою именно:		
за 1870 г. 31 августа . .	350 „	— „
25 сентября .	865 „	24 „
за 1869 г. 25 сентября .	75 „	— „
Итого	5375 „	—¼ „

Расходъ денегъ произведенъ частію на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 19-го февраля 1861 г., частію по недавнему распоряженію самаго съѣзда и съ согласія губернскаго присутствія, а частію по условіямъ, заключеннымъ въ прежнее время мировымъ съѣздомъ.

На основаніи Высочайшаго положенія сдѣланы расходы:		
На содержаніе 2 мировымъ посредникамъ.	2000 „	— „
На канцелярію.	544 „	70 „
По условію землемѣру	816 „	66½ „
По особымъ постановленіямъ самаго съѣзда суточныхъ 2 мировымъ посредникамъ за исправленіе ими должности двухъ другихъ посредниковъ.	1875 „	— „
Итого. . . .	5236 „	26 „

Господа мировые посредники 1 и 4 участковъ, кромѣ положеннаго имъ по закону содержанія по 1500 р., получали и за завѣдываваніе каждымъ изъ нихъ особымъ участкомъ. Такимъ образомъ г. мировой посредникъ 1 участка за завѣдываніе 2 участкомъ уже получилъ съ 1 іюня 1869 г. по 1 мая 1870 г. 900 р., изъ управы вытребовано еще 75 р. за май мѣсяцъ 1869 г., а г. мировой посредникъ 4 участка за завѣдываніе 3 участкомъ получилъ съ іюня 1869 г. по іюль 1870 г. 975 р., а какъ по смѣтѣ содержанія 4 кандидатамъ назначалось только 1000 р., то съѣздъ, выдавъ 1800 р. въ годъ, перерасходовалъ 800 р. Выдача суточныхъ денегъ, назначенныхъ по полож. о губ. и уѣздн. по крестьян. дѣл. учрежд. кандидатамъ посредниковъ, когда они временно исправляютъ должность, производилась, какъ видно изъ расходныхъ статей отчета, по журналамъ єего съѣзда. Насколько правиленъ этотъ расходъ обсудитъ земское собраніе, коммиссія же съ своей стороны предла-

гаетъ земскому собранію: 1) Если этотъ расходъ правиленъ, то въ смѣту слѣдуетъ внести на содержаніе кандидатовъ не 250 руб. въ годъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а по 900 р. каждому, а на 4—3600 р. 2) Такъ какъ на выдачу суточныхъ денегъ г. посреднику 4 участка Алексѣеву за завѣдываніе 3 участкомъ согласилось губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, что видно изъ прилагаемаго при семъ въ копіи отношенія его въ съѣздъ отъ 3 ноября 1869 г. за № 5372, которое свое согласіе никакимъ закономъ не подкрѣпило, то не имѣя въ виду положительнаго закона на подобный расходъ денегъ, спеціально назначенныхъ только на кандидатовъ посредниковъ, представить этотъ вопросъ на разсмотрѣніе 1 департамента правительствующаго сената, прося его разъяснить о правахъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ учрежденій расходовать по своему усмотрѣнію сумму, принадлежащую земству, безъ согласія послѣдняго.

По повѣркѣ отчета мироваго съѣзда гг. мировыхъ судей оказалось:

Г. судьѣ 2 городскаго участка, по постановленію съѣзда отъ 12 февраля сего года, выдано 111 р. за время съ 10 марта по 1 апрѣля за завѣдываніе 1 городскимъ участкомъ, какъ видно изъ отчета и книги. Обстоятельство это, т. е. право мирового съѣзда увеличивать содержаніе судей на счетъ земства выдачею имъ содержанія, оставшагося за выбытіемъ другого судьи коммиссія, не признавая съ своей стороны за съѣздомъ и его членами этого права, полагаетъ представить на разрѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента, а между тѣмъ до разсмотрѣнія этого вопроса сенатомъ поручить управѣ не отпускать денегъ на выбывшаго мирового судью.

На содержаніе канцеляріи мирового съѣзда, т.-е. секретаря, помощниковъ и семи писарей, со времени открытія мировыхъ учрежденій до 1 сентября сего года, въ 16 мѣсяцевъ, израсходовано до 3010 руб., а на канцелярскіе матеріалы 789 р. 70 к., суммы довольно значительныя въ особенности въ виду того что въ 1 годъ и 4 мѣсяца въ мировомъ съѣздѣ было въ производствѣ только 377 дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ; и каждое изъ нихъ обходится земству болѣе чѣмъ 10 р. однихъ канцелярскихъ росходовъ. По мнѣнію коммиссіи расходъ этотъ на будущій годъ можетъ быть уменьшенъ, вопервыхъ потому, что съѣздъ въ достаточномъ количествѣ запасся канцелярскими матеріалами и на будущее время, и вовторыхъ въ канцеляріи возможно сократить число писцовъ; правильность расхода 789 р. 70 к., провѣрить нельзя, такъ какъ счетовъ имѣется только на 502 р. кромѣ впрочемъ расхода на губернскія и сенатскія вѣдомости.

Нѣкоторые изъ гласныхъ находили: „По первому вопросу, что по положенію 19 февраля 1861 г. на содержаніе канцеляріи, наемъ разсыльныхъ и другія издержки по отправленію должности, каждому изъ мировыхъ посредниковъ назначается въ безотчетное распоряженіе 1500 р. ежегодно, затѣмъ никакого другаго оклада жалованья они не получаютъ. Что каждый разъ, когда посредникъ, по болѣзни, или другимъ законнымъ причинамъ принужденъ будетъ сдать на нѣкоторое время должность, онъ обязанъ передать оную старшему изъ наличныхъ кандидатовъ. Если кандидатовъ въ участкѣ налицо не окажется, то впредь

до прибытія ихъ, или буде прибытія вовсе нельзя ожидать, до распоряженія губернатора о временномъ замѣщеніи вакантнаго мѣста исправленіе должности принимаетъ на себя, по приглашенію уѣзднаго предводителя дворянства, какъ предсѣдателя мирового съѣзда, одинъ изъ прочихъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ. Что по разуму этихъ положеній исправленіе должности выбывшаго посредника однимъ изъ наличныхъ мировыхъ посредниковъ представляется лишь временною, при извѣстныхъ условіяхъ, мѣрою; что значеніе и сущность обязанностей посредника таковы, что требуютъ постояннаго его пребыванія во ввѣренномъ ему участкѣ, полагали неправильнымъ разрѣшеніе на выдачу суточныхъ денегъ тѣмъ изъ мировыхъ посредниковъ, которые временно завѣдывали другими участками. По второму вопросу: что за силою ст. 43 учрежд. суд. устан., въ случаѣ устраненія, отсутствія, болѣзни, или смерти участковаго мирового судьи исправленіе его должности обязательно для того судьи, который къ тому назначенъ по очереди, а по ст. 44 участковый мировой судья получаетъ изъ земскаго сбора, а въ столицахъ изъ городскихъ доходовъ сумму на его содержаніе, разъѣзды, наемъ письмоводителя и разсыльнаго и на канцелярскіе расходы въ опредѣленномъ размѣрѣ. Что размѣръ этотъ во всѣхъ мѣстностяхъ, исключая столицъ, опредѣленъ въ 1500 руб., но можетъ быть увеличенъ болѣе чѣмъ до 2200 р., ежели земскія собранія найдутъ, что окладъ въ 1500 р., по уваженію дороговизны или по какимъ-либо другимъ причинамъ, недостаточенъ; но что и это право, предоставленное земскимъ собраніямъ, можетъ осуществиться только по утвержденіи высшимъ правительствомъ ходатайства собраній (прилож. 1 къ ст. 238 учр. суд. устан.). Затѣмъ не признавая въ первомъ случаѣ права за губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями разрѣшать выдачу мировымъ посредникамъ суточныхъ, а во второмъ за съѣздами мировыхъ судей увеличивать содержаніе судей на счетъ земства, полагали: по этимъ предметамъ войти съ представленіемъ и съ жалобою въ департаменты правительствующаго сената по принадлежности. Земское собраніе, подвергнувъ вопросъ открытой баллотировкѣ, несмотря на присутствіе въ ономъ нѣкоторыхъ изъ членовъ съѣзда мировыхъ судей, постановившихъ обсуждавшееся опредѣленіе, большинствомъ 17 противъ 16 голосовъ, признало ненужнымъ эти представленія и жалобу, оправдывая главнымъ образомъ принятыя мѣры случайною необходимостью и справедливостью. Постановленіе это не опротестовано г. губернаторомъ. Мы, съ нашей стороны, остаемся при мнѣніи, что съѣзду мировыхъ судей, по закону, не принадлежитъ право увеличенія содержанія мировымъ судьямъ на счетъ

земства, и земскія собранія не могутъ безъ разрѣшенія высшаго правительства утверждать подобные расходы. Не лишне будетъ замѣтить, что тоже земское собраніе, обсуждая на слѣдующій день вопросъ о добавочномъ содержаніи мировымъ судьямъ, исправляющимъ должность болѣе чѣмъ по одному участку, постановило единогласно давать имъ прибавочнаго содержанія только 1000 р. въ годъ. Весьма желательно, чтобы возбужденный нами вопросъ вызвалъ отвѣтъ со стороны лицъ, вполнѣ компетентныхъ въ законовѣдѣніи. Вопросъ уже важенъ и потому, что касается непосредственно повинностей земства, уменьшеніе которыхъ и устраненіе произвола распоряжающихъ земскими расходами всегда будетъ истиннымъ народнымъ благомъ.

Почетный мировой судья князь Николай Чолокаевъ.

ЗАМѢТКА РЕДАКЦІИ.

29 сентября — день, въ который въ общемъ собраніи возобновляется совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ. 29 сентября 1870 г., въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, при возобновленіи совѣта, однимъ изъ нихъ Х. Я. Масловымъ была высказана мысль о необходимости собираться присяжнымъ повѣреннымъ съ цѣлью обсужденія нуждъ и потребностей своихъ. Мысль эта встрѣтила сочувствіе въ большинствѣ собравшихся и послѣ нѣкотораго обсужденія ея, со стороны присяжнаго повѣреннаго К. А. Рихтера было предложено для болѣе тщательнаго обсужденія этого вопроса вновь собраться наличнымъ присяжнымъ повѣреннымъ на 4 октября.

Въ этотъ день въ общемъ собраніи явившихся прочтенъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ В. И. Кохновымъ составленный имъ эскизъ проэкта слѣдующаго содержанія:

„Въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, бывшемъ 29 истекшаго сентября, значительнымъ большинствомъ собравшихся высказано было заявленіе о необходимости собираться, отъ времени до времени, всѣмъ наличнымъ присяжнымъ повѣреннымъ съ цѣлью обсужденія нуждъ и потребностей, касающихся интересовъ цѣлой корпораціи. Возникшія по сему поводу пренія приводятъ къ необходимости прежде всего опредѣлить отношенія вновь проэктируемыхъ особыхъ собраній къ предустановленному самимъ закономъ, дѣйствующему въ сферѣ корпораціи, совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ возбуждать и ставить вопросы, вызываемые самою жизнью корпораціи, общему собранію предстоитъ сосредочить въ настоящее время все свое вниманіе на внѣшней, такъ сказать, сторонѣ предполагающихся собраній. *Какимъ порядкомъ, когда, благодаря иниціативѣ кого* должны быть созываемы общія собранія и затѣмъ *въ чемъ должна заключаться гарантія обязательности ихъ съ одной стороны для совѣта, съ другой для самихъ членовъ собранія*,—вотъ существенные вопросы, отъ предварительнаго

разрѣшенія которыхъ будетъ зависѣть успѣхъ единодушно выраженнаго нами желанія.

Независимо отъ высказаннаго 29 сентября г. членомъ совѣта Рихтеромъ мнѣнія, что въ виду примѣчанія къ 324 ст. улож. о нак. присяжные повѣренные имѣютъ неоспоримое право собираться въ назначенное заранѣе время для занятія предметами своей профессіи, я полагаю, что внимательное уясненіе самихъ законоположеній, касающихся правъ и обязанностей совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, представляетъ намъ ту точку, съ которой можетъ возникнуть обновленная жизнь присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской Судебной Палаты. Одушевляемые искреннимъ желаніемъ блага для цѣлой корпораціи какъ въ интересѣ ея самой, такъ и въ интересахъ общества, которому она призвана служить, будемъ думать, что отысканіе этого мѣста въ законоположеніяхъ значительно облегчитъ для каждаго изъ насъ насажденіе того благотворнаго духа, къ которому послѣ 4-хъ лѣтняго опыта мы всѣ или почти всѣ такъ единодушно стремимся.

Къ обязанностямъ и правамъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ по 2 п. 367 ст. учр. суд. уст. принадлежитъ между прочимъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными, какъ выражается законодатель, „установленныхъ правилъ.“ Пересматривая всю сферу законодательства, такъ или иначе касающагося нашихъ задачъ, мы дѣйствительно встрѣчаемъ „*законы*“ на этотъ предметъ, „*обязанности*,“ налагаемыя на насъ, „*права*,“ предоставленныя намъ, но мы нигдѣ не видимъ „*правилъ*,“ преподанныхъ намъ какъ членамъ корпораціи, о которыхъ тѣмъ не менѣе законодатель упоминаетъ. Что подъ „правилами“ слѣдуетъ разумѣть нѣчто обособленное, видно уже изъ того, что законодатель употребилъ этотъ терминъ на ряду съ другими терминами „законовъ,“ „обязанностей“ и „правъ.“ Стремленіе оспорить во что бы то ни стало взглядъ нашъ на трактуемый предметъ служило бы, къ глубокому сожалѣнію, частнымъ проявленіемъ того общаго факта, что разумная иниціатива правительства значительно опережаетъ, во всѣхъ отрасляхъ русской жизни, непростительную инерцію самого общества. Будемъ воспитывать въ себѣ ту высокую идею, что впервые возникшее на Руси свободное учрежденіе, въ лицѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, достойно понять и стремиться по мѣрѣ силъ къ осуществленію благихъ цѣлей, указываемыхъ ему ходомъ развитія человѣческаго духа. Итакъ воззвать къ жизни „правила,“ о которыхъ я выше упомянулъ, дать имъ содержаніе, достойное людей, составляющихъ зерно свободныхъ учрежденій въ странѣ, сдѣлать ихъ предметомъ неустанной заботли-

вости совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, въ общемъ усиліи цѣлой корпораціи блюсти разумность и чистоту ихъ,— все это составляетъ иниціативу и цѣль насъ же самихъ.

Дѣйствуя въ интересѣ всѣхъ, не станемъ скрывать предъ лицомъ собравшихся здѣсь, что безучастное отношеніе совѣта къ дѣлу, такъ сильно насъ интересующему, въ значительной мѣрѣ подорветъ тѣ надежды, какія не далѣе какъ вчера возлагали мы на членовъ его, балотируя ихъ вновь. Безуспѣшность нашихъ стремленій поселитъ въ душѣ каждаго изъ насъ прискорбное чувство неудовлетворенности самыхъ законныхъ нашихъ притязаній. Настоящая минута, по общимъ и частнымъ условіямъ, быть можетъ болѣе чѣмъ всякая другая, нравственно обязываетъ совѣтъ отнестись разумно и гуманно къ голосу большинства своихъ сотоварищей.

Переходя отъ этихъ соображеній къ практическому осуществленію предположенной нами цѣли, мы держимся того мнѣнія, что разработка „правилъ" не можетъ быть дѣломъ, которому исключительно должно быть посвящено время и трудъ цѣлаго собранія. Иначе, придерживаясь такого взгляда, мы потратимъ много времени и силъ въ безплодныхъ преніяхъ, которыя вообще по малой привычкѣ русскаго человѣка къ публичному обсужденію общественныхъ вопросовъ, неминуемо отвлекутъ насъ отъ главной цѣли нашихъ желаній. Поэтому мы думаемъ, что главнѣйшею задачею нашего перваго собранія должно быть соглашеніе въ необходимости сегодня же избрать изъ среды себя коммиссію въ количествѣ не болѣе 5-ти членовъ. Всякій отпоръ предлагаемому нами мнѣнію поведетъ лишь къ тому, что вступая въ пренія цѣлою корпораціею, мы и въ десять собраній не прійдемъ ни къ какому соглашенію, такъ какъ несомнѣнно, что всякое собраніе, такъ сказать, не реализирующее своихъ преній на пути практическаго осуществленія, обладаетъ способностью разъединять съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе своихъ членовъ. Мысль каждаго человѣка въ обмѣнѣ съ мыслью другого, непоставленная въ нѣкоторую дисциплину, всегда стремится изолировать себя. Эта-то дисциплина и есть то, что называется „порядкомъ" проведенія въ жизнь извѣстныхъ предначертаній.

На вопросъ о цѣли образованія коммиссіи намъ кажется достаточно на первый разъ отвѣтить, что эта цѣль ея указывается простымъ фактомъ существованія нуждъ и потребностей присяжныхъ повѣренныхъ. Для того же, чтобы эти нужды съ первой минуты не придали коммиссіи характера занятій отвлеченныхъ, необходимо предоставить право каждому присяжному повѣренному входить въ коммиссію съ заявленіемъ о вопросахъ, заботящихъ его какъ присяжнаго повѣреннаго, не иначе какъ

письменнымъ. Я увѣренъ, что два—три первыхъ засѣданія комиссіи подъ условіемъ заявленія ей на письмѣ своихъ нуждъ, сразу поставятъ ее на практическую почву обсужденія такихъ вопросовъ. Но оставляя въ сторонѣ эти болѣе или менѣе гадательные матеріалы для занятій коммиссіи, только потому носящіе тѣнь неосязаемыхъ отвлеченностей, что мы еще вовсе не приступали къ нашимъ занятіямъ,—оставляя, говорю, все это въ сторонѣ, мы уже и теперь имѣемъ весьма благодарный матеріалъ, указанный нами въ началѣ записки, это именно, въ виду сознанной большинствомъ насъ необходимости созыва особыхъ собраній, разработать: какимъ порядкомъ, когда, по иниціативѣ кого, должны созываться общія собранія и затѣмъ въ чемъ должна заключаться гарантія обязательности ихъ съ одной стороны для совѣта, съ другой для самихъ членовъ собранія.

Затѣмъ я перехожу къ обсужденію вопроса: какимъ же порядкомъ должны быть созываемы особыя общія собранія. Но предварительно разрѣшенія этого вопроса необходимо разрѣшить другой, такъ сказать, исходный вопросъ: по иниціативѣ кого они должны быть созываемы? Въ этомъ отношеніи я полагаю, что достаточно коллективнаго заявленія, выраженнаго совѣту на письмѣ 3-хъ присяжныхъ повѣренныхъ съ указаніемъ вопроса, имѣющаго быть предметомъ обсужденія всего собранія повѣренныхъ, чтобы совѣтъ счелъ необходимымъ удовлетворить такому требованію. Такимъ образомъ иниціатива преимущественно должна лежать въ самой корпораціи. Само собою разумѣется, что не можетъ быть отказано и самому совѣту собрать всѣхъ повѣренныхъ по собственному благоусмотрѣнію. Остается теперь обсудить, почему именно заявленіе 3-хъ, а не болѣе или менѣе, повѣренныхъ необходимо для созванія собранія. Заявленіе одного лица, не стоящаго во главѣ какого бы то ни было учрежденія, никогда и нигдѣ не должно быть обязательнымъ для нѣсколькихъ. Наоборотъ всякое заявленіе, носящее въ себѣ характеръ коллективности, всегда и вездѣ должно быть предметомъ заботливаго вниманія тѣхъ, кто цѣлымъ сословіемъ поставленъ быть представителемъ его. Принципъ этотъ, лежащій въ основѣ всѣхъ свободныхъ учрежденій, прежде всего долженъ быть сознанъ адвокатомъ болѣе чѣмъ кѣмъ либо. Требовать большаго числа заявленій было бы ни на чемъ не основаннымъ произволомъ. Итакъ заявленіе 3-хъ должно побуждать совѣтъ созвать властью предсѣдателя всю корпорацію чрезъ разсылку приглашеній или, во избѣжаніе траты времени и расходовъ, чрезъ вывѣшеніе объявленія о томъ въ нашемъ кабинетѣ не позднѣе какъ за двѣ недѣли до дня самаго собранія. Что касается заявленій отъ лица одного присяжнаго повѣреннаго, то я полагаю, что съ письменнымъ

заявленіемъ своимъ ему никогда не должно быть возбранено право войти въ совѣтъ и если даже 2 члена совѣта согласятся съ основательностью ходатайствъ заявляющаго, то и въ этомъ случаѣ также должно быть созвано общее собраніе. Страшиться обремененія совѣта наплывомъ подобнаго рода домогательствъ едвали основательно во первыхъ потому, что въ самой боязни этого, откровенно говоря, въ сущности выскажется только равнодушіе товарищей, болѣе благопріятно поставившихъ себя въ жизни къ нуждамъ менѣе счастливыхъ собратовъ своихъ. Во вторыхъ, боязнь эта свидѣтельствовала бы о нелестномъ мнѣніи насъ о насъ же самихъ, какъ о людяхъ, способныхъ находить себѣ занятіе въ ребяческихъ иллюзіяхъ. Такой взглядъ на насъ служилъ бы осужденіемъ опрометчивости тѣхъ, кто, по серьезномъ обсужденіи нашихъ знаній и нравственныхъ качествъ, удостоилъ насъ званія присяжныхъ повѣренныхъ.

Разрѣшая такимъ образомъ вопросъ объ инициативѣ, мы въ то же время намѣтили разрѣшеніе вопроса о порядкѣ и отчасти приблизились къ разрѣшенію третьяго вопроса о срокахъ, въ какіе должны быть созываемы общія собранія. Сроки эти, какъ видно, обусловливаются ходомъ самой жизни адвокатуры въ составляющихъ ее членахъ. Но уважая почтенныя занятія совѣта, указанныя ему самимъ закономъ, можно положить, чтобы общія собранія наши бывали не чаще одного раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ тѣхъ чрезвычайныхъ случаевъ, когда самъ совѣтъ найдетъ это необходимымъ. Но съ другой стороны, желая не на словахъ только, а на самой дѣйствительности видѣть осуществленіе нашихъ единодушныхъ стремленій, желательно также, чтобы каждое заявленіе совѣту, удовлетворяющее требованіямъ созвать собраніе, приводилось въ исполненіе не позднѣе мѣсяца со дня подачи его. Вотъ въ главныхъ чертахъ эскизъ разрѣшенія вопросовъ, занимающихъ насъ въ настоящую минуту.

Обращаясь за симъ къ разрѣшенію вопроса о томъ: *въ чемъ должна заключаться гарантія обязательности общихъ собраній съ одной стороны для совѣта, съ другой для самихъ членовъ собраній*,—мы должны прежде всего сознаться, что, при отсутствіи въ этомъ отношеніи руководящихъ нитей въ самомъ законѣ, въ этомъ представляется наиболѣе скользкій пунктъ, на которомъ мнѣнія наши рѣзче всего могутъ разъединиться. Обсуживать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія Судебныхъ Уставовъ значило бы, при отсутствіи закона на этотъ предметъ, парализовать въ самомъ корню то, что стремится вдохнуть въ себя жизнь. Не забудемъ, что мы не должны желать образовать изъ себя нѣчто въ родѣ „Юридическаго Общества“, каждое преніе котораго въ концѣ концовъ можетъ быть правильно разрѣшено при помощи писа-

наго закона. Оставаясь юристами въ сферѣ занятій каждаго изъ насъ въ отдѣльности, здѣсь собравшись между собою, мы не болѣе какъ живые члены корпораціи, которая стремится выработать себѣ то, что въ болѣе цивилизованныхъ странахъ составляетъ преемственную гордость адвокатскаго сословія. Отъ благородныхъ усилій каждаго изъ насъ теперь потрудиться надъ закладкою хотя скромнаго, но прочнаго фундамента нашего сословія,—мы всѣ это должны хорошо понимать,—будетъ зависѣть достоинство будущихъ поколѣній русской адвокатуры. Потерявъ еще такъ недавно одного изъ нашихъ сотоварищей, стоявшаго во главѣ нашего сословія, мы продолжаемъ быть живыми свидѣтелями справедливыхъ воздаяній памяти человѣка, который, внушивъ рѣдкое уваженіе въ личности своей, тѣмъ самымъ покрылъ и насъ свѣтомъ своего имени. И если наше уваженіе къ нему не есть увлеченіе, родившееся при видѣ смерти, то едва ли не лучшій памятникъ мы созиждемъ ему тѣмъ, что явимся достойными высокаго мнѣнія общества о памяти его.

Итакъ гарантій, говорю, нужно искать не въ буквѣ закона, а въ духѣ сословія. Нѣтъ ничего несбыточнаго въ томъ, что совѣтъ станетъ внимателенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, къ нашимъ потребностямъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что каждый изъ насъ отзовется на призывъ своего предсѣдателя. Мы не беремъ на себя власти контролировать подъ эгидою закона каждый шагъ совѣта; но мы также не желали бы, чтобы совѣтъ въ свою очередь исчерпывалъ свою дѣятельность въ одной буквѣ закона. Духъ свободный, разумный, духъ, преисполненный довѣрія другъ къ другу, вотъ то стремленіе, которое послужило толчкомъ 29 сентября къ нашимъ теперешнимъ собраніямъ, и которое, *рядомъ практичвскаго развитія нашихъ интересовъ*, служитъ для насъ также и конечною цѣлью нашей.

Возвращаясь еще разъ къ уясненію себѣ отношенія собраній къ совѣту, мы полагаемъ, что общее собраніе, каждый разъ уяснивъ себѣ цѣль, для которой оно было созвано, найдетъ практическую форму разработки предложеннаго на его обсужденіе вопроса въ составленіи заново особой коммиссіи, которая посвятитъ свое время и трудъ на занимающій всѣхъ насъ вопросъ.

Резюмируя все сказанное нами, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Желаніе 3-хъ присяжныхъ повѣренныхъ достаточно для созванія собранія.

2) Признавъ умѣстность заявленія трехъ повѣренныхъ, собраніе поручаетъ разработку вопросовъ особой коммиссіи.

3) Въ составъ каждой коммиссіи долженъ непремѣнно входить одинъ членъ совѣта.

4) Труды коммиссіи, съ которыми согласилось большинство собранія, обязательны для совѣта.

5) Собранія должны созываться не болѣе одного раза въ мѣсяцъ и не позднѣе мѣсяца со дня заявленій за исключеніемъ случаевъ созыва собранія самимъ совѣтомъ.

6) Каждый присяжный повѣренный имѣетъ право войти съ заявленіемъ въ совѣтъ.

7) Занятія коммиссіи должны продолжаться не долѣе двухъ недѣль.

8) Коммиссія доводитъ до свѣдѣнія собранія о результатахъ своихъ занятій чрезъ избраннаго ею изъ среды себя докладчика.

9) Общее собраніе обязательно для совѣта и при отсутствіи на немъ самого совѣта.

10) Объявленіе о собраніи должно быть вывѣшено не позднѣе двухъ недѣль до дня самаго собранія.

11) Особое общее собраніе, выражая собою не требованіе закона, а наше собственное желаніе имѣть его, считается состоявшимся при наличности даже 15-ти членовъ.

12) Отсутствующіе считаются согласными съ мнѣніемъ большинства присутствующихъ".

Плодомъ чтенія этого проэкта было высказанное значительнымъ большинствомъ явившихся желаніе неотложнаго разсмотрѣнія проэкта г. Кохнова въ особо образованной съ этою цѣлью коммиссіи, вслѣдствіе чего явившіеся тутъ же приступили къ избранію ея, и по большинству голосовъ избраны были слѣдующіе члены коммиссіи въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Б. У. Бениславскій.
2) В. И. Кохновъ.
3) С. С. Шайкевичъ.
4) Я. И. Любимцевъ.
5) А. А. Герике.

Коммиссія тогда же приступила къ возложеннымъ на нее занятіямъ.....

Будемъ надѣяться, что годовой отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющій быть 29 сентября 1871 года, познакомитъ насъ какъ съ результатами дѣятельности означенной коммиссіи, такъ съ другой стороны и съ характеромъ отношеній Совѣта къ заявленному большинствомъ сословія желанію.

НОВѢЙШАЯ АДВОКАТУРА.

I.

ПРАВА АДВОКАТУРЫ.

(По поводу размышленій Беррье о государственномъ обвиненіи и адвокатурѣ, а также и другихъ новѣйшихъ сочиненій).

Недавно, по поводу одного обстоятельства, случившагося въ засѣданіи суда, возбужденъ былъ вопросъ о прерогативахъ, сильно взволновавшій весь юридическій міръ. Вопросъ возникъ о томъ, какія должны существовать отношенія между короннымъ судомъ и адвокатурой, или лучше сказать, между обвиненіемъ и защитою. Дѣло шло не о подчиненности или какомъ либо формальномъ этикетѣ, — разъ признавъ, что судъ занимаетъ относительно адвокатуры высшее положеніе, всякій споръ объ этомъ становится безполезнымъ, — но дѣло въ томъ, что въ правильно устроенномъ обществѣ всегда будетъ считаться важнымъ установить опредѣленное понятіе о взаимныхъ правахъ обвинителя и обвиняемаго и знать съ точностью, имѣетъ ли государственное обвиненіе въ глазахъ суда преимущество предъ адвокатурой, или же обвиненіе и защита должны бороться на этой почвѣ равнымъ оружіемъ. — Таковъ возбужденный вопросъ, имѣющій немаловажное значеніе, такъ какъ съ одной стороны онъ касается свободы защиты, съ другой — одного изъ нашихъ прекраснѣйшихъ учрежденій, судебной организаціи, въ свою очередь тѣсно связанной съ адвокатурою. Какія же требованія высказывала въ этомъ случаѣ магистратура, или по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ея? Требовали для прокурора права, такъ сказать, непререкаемости, говорили, что такъ какъ онъ уполномоченъ говорить отъ имени общества, то по этому самому онъ долженъ въ дѣлахъ правосудія, гдѣ онъ представляетъ въ лицѣ

своемъ высшіе интересы, пользоваться большимъ авторитетомъ, чѣмъ защитникъ. Притязанія такого рода не могли не возмутить адвокатуры; разъ они были открыто заявлены, она начала борьбу противъ нихъ и твердо противопоставила свои права правамъ обвиненія.

Несмотря на своевременное разрѣшеніе возникшаго обстоятельства, самымъ вопросомъ общественное мнѣніе продолжаетъ интересоваться по прежнему. Возбужденіе до такой степени было сильно, что во время спокойствія, послѣдовавшаго за разгаромъ борьбы, весьма естественно чувствовалась потребность услышать мнѣніе лица компетентнаго. Беррье, одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ членовъ французской адвокатуры, не замедлилъ высказаться по этому предмету. Усматривая опасность,—и опасность немаловажную,—въ той точкѣ зрѣнія, съ какой хотѣли разсматривать отношенія между властью обвинительной и адвокатурой, онъ поставилъ себѣ цѣлью поднять значеніе адвокатуры, не въ собственныхъ ея глазахъ,—это было бы безполезно,—но въ глазахъ суда и общества, и онъ исполнилъ свою задачу со свойственнымъ ему блескомъ краснорѣчія, поражая богатствомъ высказанныхъ идей. Выходъ въ свѣтъ его произведенія, служащаго введеніемъ къ ученой монографіи о томъ же предметѣ, авторъ которой скромно скрылъ свое имя, произвелъ впечатлѣніе не въ одной только Франціи. Только тогда поняли, что поставить въ равныя условія права защиты и обвиненія значитъ въ окончательномъ результатѣ поставить права личности наравнѣ съ обществомъ, свободу каждаго наравнѣ съ безопасностью всѣхъ. И задачи подобнаго рода не ограничиваются извѣстною страною, какимъ либо народомъ: въ преуспѣяніи ихъ заинтересованъ въ равной мѣрѣ гражданинъ всякой страны, каждое государство, всякій народъ; они всегда будутъ имѣть преимущество живо затрогивать умы посредствомъ инстинктивнаго сознанія, которое въ минуту усматриваетъ опасность для всѣхъ тамъ, гдѣ оспаривается или непризнается право одного.

Въ виду всего, что произошло, было бы не безполезно, намъ кажется, обратить еще разъ вниманіе общества на этотъ споръ, все еще не рѣшенный, и, несмотря на то, что по этому предмету уже высказано было такъ много хорошаго, мы еще разъ возвращаемся къ нему, настаи-

вая на одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ, которое, намъ кажется, недостаточно выяснено.—Право защиты, говорятъ намъ, должно быть равносильно праву обвиненія, прокуроръ и адвокатъ на судѣ должны, такъ сказать, уравновѣшивать другъ друга, стоять на одинаковой почвѣ. Очень хорошо! Но откуда же это право защиты, гдѣ источникъ благороднаго служенія адвоката? Если оно исходитъ изъ писанаго кодекса, тогда для опредѣленія его достаточно обратиться къ буквѣ закона. Но для того, чтобы вполнѣ понять значеніе права защиты, не слѣдуетъ ли напротивъ обратиться къ тѣмъ великимъ принципамъ, которые по временамъ управляютъ обществомъ, не будучи облечены въ формулу закона? И это—трудъ уже не законовѣда, не юрисконсульта, какъ въ первомъ случаѣ; это—задача публициста. И если разрѣшеніе ея требуетъ гораздо болѣе труда, за то вопросъ обогащается новыми взглядами, несравненно болѣе широкими и, ставя право защиты выше всякихъ писаныхъ законовъ, выше политическихъ и судебныхъ учрежденій всѣхъ странъ, такой трудъ публициста можетъ привести послѣдняго къ разрѣшенію вопроса, несравненно болѣе раціональному. Вопросъ, слѣдовательно, заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Къ тому же настоящее время какъ нельзя болѣе благопріятно для постановки такого вопроса, вопроса, который можетъ встрѣтить уже немало разъясненій по этому предмету въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Въ то самое время, когда любознательный судья Грелье-Дюмазо (Grellet-Dumazeau) старается воззвать къ жизни нравы и учрежденія римской адвокатуры, ученый эллинистъ Эггеръ производитъ изысканія, цѣль которыхъ опредѣлить насколько древнее афинское общество понимало истинное значеніе адвоката. Попытка разрѣшить вопросъ о значеніи адвокатуры становится еще болѣе важною въ виду весьма замѣтнаго движенія со стороны адвокатуры въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ, при менѣе благопріятныхъ, чѣмъ во Франціи условіяхъ, она еще не представляетъ изъ себя учрежденія, облеченнаго своего рода автономіею. Различныя государства Германіи настойчиво требуютъ реформъ въ судебной организаціи, и тѣ же самыя потребности породили

такія же стремленія въ Австріи и въ Россіи *). Такимъ образомъ вопросъ о томъ, что же такое право защиты и должна ли адвокатура зависѣть только отъ самой себя, или же отъ правительственныхъ учрежденій, вопросъ этотъ, говоримъ, выдвинулся самъ собою во всѣхъ этихъ странахъ.

Итакъ цѣль настоящаго сочиненія охарактеризовать право судебной защиты и главнымъ образомъ постараться найти первоначальный источникъ этого права, что, при господствѣ ложныхъ взглядовъ въ обществѣ на этотъ предметъ, представляется весьма необходимымъ; разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ адвокатура можетъ дѣйствовать свободно среди другихъ учрежденій великой страны; затѣмъ, какимъ образомъ она дѣйствовала до сихъ поръ и каковы ея отправленія въ другихъ государствахъ. Далѣе мы увидимъ, какимъ измѣненіямъ подвергалось положеніе французской адвокатуры, прежде чѣмъ она достигла настоящей своей организаціи, которая, несмотря на нѣкоторые недостатки, можетъ считаться одною изъ лучшихъ въ мірѣ. Такимъ образомъ вопросъ о прерогативахъ, съ котораго мы начали предлагаемое сочиненіе, явится послѣднимъ въ нашемъ изслѣдованіи, такъ что статься можетъ, благодаря нашему плану, намъ удастся показать, что для вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса самый долгій путь въ сущности есть самый кратчайшій.

I.

Происхожденіе адвокатуры.—Право защиты.

Первую страницу исторіи адвокатуры предстоитъ еще написать. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ беретъ начало это учрежденіе? каково его происхожденіе? Греція или Римъ должны счи-

---

*) „Со времени обнародованія этого сочиненія, замѣчаетъ нѣсколько далѣе г. Берье въ своей книгѣ, судебная и адвокатская организація совершенно преобразована въ Австріи закономъ 6 іюля 1868 г.“ „Даже Россія, продолжаетъ онъ еще нѣсколько далѣе, выступила на путь прогресса. Съ 1866 г. тамъ вступила въ силу новая судебная организація вмѣстѣ съ адвокатурой, устройство которой будетъ указано нами ниже.“

Зам. Пер.

таться родоначальниками его? Писатели, посвятившіе себя изученію этого предмета, въ своихъ изысканіяхъ отправлялись обыкновенно отъ римской адвокатуры, признавая патронатъ естественнымъ источникомъ ея. Но смотрѣть на дѣло такимъ образомъ значитъ не понимать настоящаго характера того и другаго учрежденія. И что такое самый патронатъ, какъ не одинъ изъ признаковъ феодализма въ общемъ строѣ римскаго общества? Послѣ Нибура и Мишле невозможно сомнѣваться въ томъ, чтобы общество, раздѣленное на патриціевъ и плебеевъ, гдѣ плебей, имѣя патрона въ лицѣ кліентовъ патриція, сдѣлался колономъ, чтобы такое общество не имѣло въ себѣ чего-то феодальнаго. Феодализмъ же никогда и нигдѣ не порождалъ до сего времени ниодного свободнаго учрежденія. То, что принимали за естественную и добровольную защиту кліентовъ или колоновъ, было не болѣе какъ исполненіе извѣстнаго рода договора, который, закрѣпощая, такъ сказать, кліента патрону, ставилъ послѣдняго въ необходимость защищать перваго въ случаѣ преслѣдованія, почти такъ какъ онъ сталъ бы защищать свою собственность. У насъ во Франціи въ былыя времена также существовала подобная адвокатура: сервы и вилены пользовались защитой помѣщика или верховнаго судьи, но, насколько намъ извѣстно, эта высокая адвокатура не оставила по себѣ доброй памяти въ народѣ. Такимъ образомъ Грелье-Дюмазо совершенно справедливо указываетъ намъ на патронатъ, въ настоящемъ его видѣ, какъ на феодальный строй общества, почти такой же, какой тяготѣлъ надъ Франціей вплоть до освобожденія общинъ, и не признаетъ, чтобы римская адвокатура вышла изъ этого нечистаго источника.

Но гдѣ же тогда искать начала адвокатуры и къ какимъ выводамъ пришелъ самъ Дюмазо въ своихъ изслѣдованіяхъ? По мнѣнію его, „происхожденіе профессіи адвоката по всей вѣроятности современно первому процессу и первому судилищу.“ Если это вѣрно, тогда профессію эту слѣдуетъ искать вездѣ, гдѣ существуютъ процессы и суды; другими словами, что профессія адвоката существовала во всѣ времена и должна существовать у всѣхъ народовъ. Есть ли въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ такая страна, гдѣ люди были бы въ миру съ обществомъ или съ самими собою и гдѣ личность

и собственность не было бы надобности защищать передъ судами? Существовала ли когда-либо такая счастливая страна? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе если въ каждой странѣ бывали свои процессы, за то не всѣ онѣ имѣли адвокатовъ. Правда были, говорятъ, свои адвокаты въ лѣсахъ Германіи, за то съ другой стороны напрасно бы стали искать ихъ въ наши дни напримѣръ въ Турціи, между тѣмъ какъ въ Оттоманской Имперіи существуютъ-же суды. Можно было бы привести много и другихъ примѣровъ въ опровержeніе мнѣнія Грелье-Дюмазо. Такимъ образомъ, несмотря на благосклонный пріемъ, какимъ оно пользуется у нѣкоторыхъ писателей-юристовъ, мы не можемъ согласиться съ нимъ. Что касается до насъ, то мы думаемъ, что до сихъ поръ еще недостаточно выяснено, что такое право защиты само по себѣ, и затѣмъ какія условія нужны для того, чтобы оно могло выступить на почву общественной дѣятельности среди другихъ учрежденій страны. Тутъ-то именно и должна, по нашему мнѣнію, лежать точка отправленія для основательнаго изученія этого предмета.—Поэтому мы считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь на нѣсколько минутъ.

Право защиты было предметомъ особеннаго вниманія въ двухъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Вопервыхъ въ то время, когда во Франціи вводилось тайное судопроизводство, вовторыхъ, когда это послѣднее навсегда исчезло изъ ряда французскихъ учрежденій. Въ 1670 и 1790 г. два одинаково знаменитыхъ, хотя и дѣйствовавшихъ въ совершенно различныхъ сферахъ, человѣка, великій судья и пламенный трибунъ высказали по поводу права защиты одинъ и тотъ же протестъ, и имъ-то и принадлежитъ честь истиннаго опредѣленія этого права. Изданный въ 1539 г., въ Вильеръ-Котере (Villers-Cotterets), ордонансъ канцлера Пуайе (Poyet), вводя въ уголовный кодексъ принципъ тайнаго судопроизводства, лишалъ обвиняемыхъ права избирать себѣ защитниковъ изъ среды адвокатуры, но принципъ судебной защиты оказался сильнѣе всякихъ указовъ, и судьи, болѣе гуманные, чѣмъ законъ, дозволяли подсудимымъ сноситься съ адвокатами. И когда въ 1670 г. уголовное судопроизводство во Франціи подверглось пересмотру, президентъ Ламуаньонъ (Lamoignon), возставая противъ тайны процесса, горячо

вступился за права подсудимыхъ. „Эти совѣты, говорилъ онъ, которые принято давать подсудимому, вовсе не есть привилегія, даруемая ему какимъ-либо указомъ или закономъ; это одинъ изъ видовъ *гражданской свободы*, вытекающей изъ *естественнаго права*, болѣе древняго, чѣмъ всевозможные человѣческіе законы.“ Протестъ этотъ, къ несчастію, не былъ услышанъ, и ордонансъ 1670 г., восполняя возмущающее справедливость дѣло канцлера Пуайе, лишалъ подсудимыхъ помощи защитника даже по обвиненіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь. Тѣмъ не менѣе во время именно этихъ-то преній и было произнесено то могучее слово, та великая истина, полное развитіе которой позднѣе, въ 1790 г. учредительному собранію пришлось констатировать въ такихъ блестящихъ формахъ: „Кому, спрашивается, принадлежитъ право защищать гражданъ? Самимъ имъ, или вмѣсто нихъ тѣмъ, отвѣчалъ ораторъ, кого они признаютъ достойными довѣрія своего. Право это основано на самыхъ простыхъ началахъ здраваго смысла и справедливости; оно есть не болѣе какъ необходимое и непререкаемое *право самообороны*. Если мнѣ не будетъ дозволено защищать мою честь, мою жизнь, свободу, мою собственность, когда я хочу и могу сдѣлать это самъ, или въ противномъ случаѣ, если мнѣ будетъ запрещено ввѣрить защиту мою тому, на кого я смотрю какъ на человѣка наиболѣе просвѣщеннаго, великодушнаго, гуманнаго, человѣка, горячо принимающаго къ сердцу мои интересы, если, говорю, вы запретите мнѣ это, тогда вы заразъ оскверните священный законъ природы и справедливости и извратите всѣ отношенія общественнаго порядка.“ Кто же сказалъ это? Кто былъ тотъ, который такъ честно указалъ на сущность и неприкосновенность права защиты? Ораторъ, говорившій такимъ образомъ, былъ—Максимиліанъ Робеспьеръ. Тѣмъ хуже для Мерлена, тѣмъ хуже для Троншe, Демёнье, Туре и многихъ другихъ, которые были тамъ и могли бы сказать тоже, что говорилъ Робеспьеръ; могли бы провозгласить тѣже истины съ большимъ, безъ сомнѣнія, авторитетомъ, могли и однако не сдѣлали этого; тѣмъ хуже наконецъ для д'Агессо, который въ своей блестящей апологіи адвокатуры все-таки не бросаетъ такого свѣта на предметъ и упускаетъ изъ виду то прочное основаніе, на которомъ должно быть построено это учрежденіе.

Итакъ, право защиты есть прирожденное и вслѣдствіе того неоспоримое право, и адвокатурѣ принадлежитъ высокая честь свято хранить и оберегать это право. Вотъ это-то именно положеніе и было особенно важно установить. И пусть намъ не говорятъ, что оно не основано ни на какомъ законѣ, не вписано ни въ одну конституцію. Если смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, такъ не лучше ли прямо утверждать, что для насъ не имѣетъ никакого значенія все то, что не вошло въ букву закона. Сдѣлались ли естественныя права менѣе извѣстными оттого, что передавались изъ вѣка въ вѣкъ безъ посредства кодексовъ и хартій? Поставленная на такую высоту и разсматриваемая съ этой точки зрѣнія адвокатура сразу выходитъ изъ ряда временныхъ установленій, констатируемыхъ закономъ. Она становится необходимымъ учрежденіемъ, выходящимъ изъ естественнаго права и требуетъ для себя независимости, какъ главнѣйшаго условія своего существованія. Безъ независимости нѣтъ адвокатуры. Лишь только она можетъ быть подчинена, ее не существуетъ болѣе, и тѣсно связанное съ адвокатурой священное право защиты гибнетъ, какъ скоро оно бываетъ лишено свободы. Если вы хотите знать существуетъ ли въ извѣстной странѣ адвокатура, есть ли въ ней истинные адвокаты, для этого вамъ не нужно справляться о существованіи тамъ судовъ, достаточно только взглянуть на порядокъ государственнаго управленія этой страны. Тамъ, гдѣ царитъ деспотизмъ, т. е. право сильнаго, тамъ непризнается естественное право защиты и невозможно служеніе адвоката: оно было бы тамъ унижено, поминутно оскорбляемо и наконецъ совершенно изгнано. Какое же можетъ имѣть значеніе здѣсь возрастъ народовъ? Есть народы, у которыхъ существовала адвокатура почти съ момента ихъ зарожденія, благодаря тому что они пользовались свободными учрежденіями и есть другіе, ведущіе свое происхожденіе отъ временъ пирамидъ и незнающіе что такое право защиты. Можно утверждать напримѣръ безъ преувеличенія, что въ Ѳивахъ и Лакедемонѣ адвокатура была почти неизвѣстна. Самъ Цицеронъ замѣчаетъ тоже самое въ своей книгѣ „Объ ораторахъ.“ „Вкусъ къ краснорѣчію, говоритъ онъ, вовсе не былъ вкусомъ общимъ всей Греціи. Это было не болѣе какъ одно изъ счастливыхъ преимуществъ общества афинскаго. На

кого, въ самомъ дѣлѣ, могутъ указать намъ, въ тѣ времена, въ Аргосѣ, Коринѳѣ или Ѳивахъ, какъ на оратора? На одного только Эпаминонда, человѣка дѣйствительно настолько просвѣщеннаго, что за нимъ можно предположить нѣкоторый талантъ въ этомъ родѣ. Что же касается до Лакедемона, то я до сихъ поръ еще не слыхалъ, чтобы оттуда вышелъ хотя одинъ изъ нихъ." Цицеронъ, правда, не объясняетъ причины замѣченнаго имъ факта, но обратите вниманіе на то, что онъ встрѣчаетъ ораторовъ только тамъ, гдѣ народъ издавна пользовался истинно либеральными учрежденіями, иначе сказать только въ Афинахъ, этой классической странѣ свободнаго правленія. Аргосъ, Ѳивы, Коринѳъ и Лакедемонъ управлялись болѣе или менѣе деспотическимъ образомъ. Свобода заглядывала туда только мелькомъ.

Эггеръ, авторъ сочиненія, о которомъ мы упоминали выше, тѣмъ не менѣе думалъ, что въ Афинахъ не было настоящихъ адвокатовъ. Можетъ быть тамъ дѣйствительно и не существовало адвокатуры въ томъ усовершенствованномъ и организованномъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ ее у насъ, но это происходило оттого, что любимая мечта афинской республики была та, чтобы народъ владѣлъ всѣми талантами и заслугами, чтобы каждый гражданинъ ея былъ въ одно и тоже время воиномъ, судьею, ораторомъ и государственнымъ человѣкомъ. Право свободной защиты признавалось тамъ первымъ изъ всѣхъ правъ, но, какъ говоритъ Эггеръ, каждый долженъ былъ осуществлять его самъ лично. Позднѣе мы увидимъ, какъ эта мысль возродилась въ 1789 г. Съ теченіемъ времени силою вещей въ Афины было привлечено множество риторовъ и софистовъ, которые, составляя для народа защитительныя рѣчи, представляли изъ себя нѣчто въ родѣ, такъ сказать, нѣмой адвокатуры. Эта адвокатура тщательно скрывала свое вмѣшательство, подражая, насколько возможно, языку того, кто долженъ былъ говорить за себя на судѣ. Но—тщетная уловка!—защищавшійся зачастую не умѣлъ даже прочитать на судѣ того, что было для него написано, и уже во времена Аристофана этотъ обычай былъ въ полномъ пренебреженіи. Сатирикъ слѣдовательно имѣлъ основаніе осмѣивать въ своихъ „Осахъ" бѣднаго ремесленника, выводя его на сцену, твердящаго день и ночь написанную для него риторомъ защитительную

рѣчь, которую онъ долженъ импровизировать передъ судьями. Риторы сдѣлались такимъ образомъ адвокатами, ибо кто же можетъ отказать въ этомъ названіи Эсхину или Демосѳену. Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ рѣчей ихъ доказываютъ, что они по всей вѣроятности говорили за другихъ, а мы далеко еще не знаемъ всѣхъ рѣчей, какія могли они произносить. Кромѣ того въ Римѣ, который такъ часто подражалъ Афинамъ, мы замѣчаемъ уже въ раннія времена зачатки истинной адвокатуры и не будетъ ничего неестественнаго предположить, что учрежденіе это было заимствовано изъ Греціи въ томъ его видѣ, въ какомъ дошло оно по преданію за недостаткомъ законовъ.

Что же видимъ мы въ новѣйшихъ государствахъ? И здѣсь адвокатура появляется только тамъ, гдѣ существуетъ свобода. Сколько оттѣнковъ представляется въ этомъ отношеніи при переходѣ отъ одного государства къ другому! Говорятъ, что въ Турціи нѣтъ адвокатовъ, но неужели ихъ тамъ никогда и не бывало? Нетолько не бывало, но самаго даже слова, выражающаго это понятіе, нѣтъ на турецкомъ языкѣ. Когда въ концѣ 17 вѣка кавалеръ Шарденъ путешествовалъ по Персіи, онъ былъ сильно удивленъ тѣмъ способомъ, какимъ отправлялось тамъ гражданское правосудіе. Правда, порядокъ судопроизводства былъ очень простъ: истецъ представлялъ жалобу судьѣ, одинъ изъ служителей котораго, исполняя обязанность чего-то въ родѣ судебнаго пристава, отправлялся за отвѣтчикомъ. Если стороны были люди съ положеніемъ, то судья сажалъ ихъ подлѣ себя; простолюдины же должны были стоять. Каждый защищалъ свое дѣло самъ, не прибѣгая къ совѣтамъ адвоката, что дѣлалось обыкновенно съ такимъ крикомъ, что оглушенный судья, закрывая уши, кричалъ противникамъ изо всѣхъ силъ: *gaugauti couri*, (что значитъ въ переводѣ: перестанете ли вы сквернословить). „Если это были какіе-нибудь ничтожные люди, которыхъ невозможно было заставить замолчать, прибавляетъ Шарденъ, судья приказывалъ бить ихъ, что тотчасъ-же и исполнялъ слуга, приводившій отвѣтчика на судъ, раздавая всѣмъ пинки по затылку и спинѣ.“ Этотъ порядокъ судопроизводства не измѣнился до сихъ поръ. Въ Персіи, само собою разумѣется, вовсе нѣтъ адвокатовъ, и новѣйшіе историки этой страны утверждаютъ, что порядокъ на засѣдані-

яхъ поддерживается тамъ съ помощью палки и что если издержки процесса тамъ незначительны, то въ замѣнъ того тяжущіеся должны затрачивать большія суммы, чтобы купить себѣ расположеніе судей.

Въ Австріи формализмъ заступилъ мѣсто правосудія до такой степени, что отправленіе послѣдняго живо напоминаетъ собою движеніе взвода солдатъ. Теорія доказательствъ тамъ имѣетъ въ себѣ нѣчто алгебраическое. Для того, чтобы составить полное доказательство, нужно связать вмѣстѣ до двадцати различныхъ условій. Но до этой высшей точки судебной истины лежитъ еще цѣлая серія полудоказательствъ и вторыхъ полудоказательствъ, механизмъ которыхъ представляется также довольно сложнымъ. „Пять *комбинацій въ средствахъ доказательствъ*, говоритъ профессоръ Бейдтель, составляютъ первое полудоказательство, второе образуется изъ добавочной присяги, показаній сомнительнаго свидѣтеля или свидѣтеля недостовѣрнаго. Вслѣдъ за полудоказательствами идутъ предположенія, необозначенныя въ законѣ.“ Подобные законы ставятъ на пути свободной защиты и, надо признаться, даже на пути выясненія истины, почти непреодолимыя препятствія. Формализмъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ правосудіе и не дозволяетъ ему ниодного свободнаго движенія. Кромѣ того въ гражданскихъ дѣлахъ судопроизводство облечено тайной, и хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ залы уголовныхъ засѣданій открылись для публики, но подъ условіями впрочемъ весьма ограниченными: въ засѣданія, какъ говорятъ, допускается только *приличное общество*; другими словами, публичность судопроизводства предоставлена дискреціонной власти судьи. — Что касается до адвокатовъ, то тамъ они не болѣе какъ простые чиновники, уполномоченные и патентованные правительствомъ, число которыхъ заранѣе опредѣлено *).

Въ томъ же самомъ положеніи видимъ мы адвокатуру въ Баваріи и вообще повсюду въ германскихъ государствахъ. Профессія адвоката тамъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе соединена съ обязанностями стряпчаго, нотаріуса, су-

*) Это мудреное судопроизводство въ связи съ законами объ адвокатурѣ совершенно преобразовано, какъ замѣчено выше, закономъ 6 Іюля 1868 г. Зам. Пер.

дебнаго пристава или наконецъ просто коммиссіонера по дѣламъ. Въ Баваріи и Виртембергѣ адвокатъ въ одно и тоже время ходатайствуетъ и защищаетъ, занимается публикаціями объ аукціонныхъ продажахъ и протестуетъ векселя и т. п. Въ Саксоніи, подобно нотаріусамъ, адвокатъ имѣетъ привилегію составлять нѣкоторые документы, при чемъ вознагражденіе за его трудъ подчинено таксѣ. Во всѣхъ этихъ странахъ адвокатура уклонилась отъ своего истиннаго призванія. Чего послѣ этого можно ждать отъ извращеннаго такимъ образомъ учрежденія? Объ этомъ надо спросить почтеннаго судью Цинка, президента верховнаго суда въ Баварскомъ королевствѣ. Въ недавно изданномъ имъ сочиненіи „О судопроизводствѣ и адвокатахъ въ Баваріи и Германіи" онъ раскрываетъ передъ нами весьма плачевную картину. „Едва лишь выступаютъ они (адвокаты) на юридическое поприще, говоритъ онъ, какъ любовь къ истинѣ, совѣсть, искренность, здравый смыслъ, добросовѣстность—все исчезаетъ безвозвратно. Въ отправленіи своей адвокатской обязанности они считаютъ себя навсегда освобожденными отъ соблюденія хотя бы только вида честности относительно веденія процесса, и они лгутъ безъ всякаго разбора, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, оправдываясь общепринятыми привычками и обычаями." Слѣдуетъ ли винить за это адвокатовъ? Безъ сомнѣнія, они виноваты. Но гораздо болѣе, чѣмъ люди, виноваты тѣ учрежденія въ странѣ, которыя извратили до такой степени адвокатуру именно вслѣдствіе порабощенія ея.

Находится ли Пруссія въ лучшихъ условіяхъ относительно этого предмета? Въ 1847 г. законодательство преобразовало нѣсколько судебную организацію, и адвокатура, вычеркнутая Фридрихомъ Великимъ изъ законоположеній въ 1781 г., вновь пріобрѣла нѣкоторое значеніе передъ судомъ. Тѣмъ не менѣе прусскій адвокатъ все еще зависитъ отъ правительства, которое назначаетъ его и вслѣдствіе того онъ лишенъ самостоятельности, необходимой для отправленія этой профессіи. Въ большей части Пруссіи на адвоката смотрятъ скорѣе какъ на нѣчто въ родѣ казеннаго стряпчаго, чѣмъ какъ на адвоката, какимъ онъ долженъ быть въ дѣйствительности.

Переходя теперь отъ Германіи къ Россіи, мы видимъ, что адвокатура здѣсь почти совершенно неизвѣстна. Русскіе

адвокаты назначаются правительствомъ въ весьма ограниченномъ числѣ и прикрѣплены къ судамъ. Кромѣ того имъ никогда не приходится говорить публично, такъ какъ отправленіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства облечено здѣсь въ канцелярскую тайну, и вопросы собственности, вопросы жизни и свободы,—все рѣшается здѣсь при плотно закрытыхъ дверяхъ. Эта особенная черта русскихъ учрежденій ускользнула, кажется, отъ извѣстнаго наблюдателя Россіи Кюстина. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ, что во время путешествія, сдѣланнаго имъ по Россіи, тамъ съ удивленіемъ передавали другъ другу слухъ о томъ, что какая-то неизвѣстная личность выиграла процессъ противъ одной значительной особы. Отсюда онъ заключаетъ, что справедливое рѣшеніе судебныхъ дѣлъ должно быть рѣдкимъ исключеніемъ въ этой странѣ. Если въ Россіи и есть суды, говоритъ онъ, „за то тамъ нѣтъ еще правосудія". Къ сказанному можно прибавить, что въ Россіи неизвѣстны пока настоящіе адвокаты, да и удивляться впрочемъ этому нечего: развѣ адвокаты могутъ быть чѣмъ-либо инымъ какъ не писцами тамъ, гдѣ право собственности и свободы существуетъ только вслѣдствіе доброй воли правительства *).

---

*) Какъ читатель замѣтитъ, г. Беркье говоритъ здѣсь о томъ недавнемъ по количеству лѣтъ, но далекомъ по воспоминаніямъ времени, которое, благодаря Бога, навсегда отошло для насъ въ вѣчность. Именно въ этомъ мѣстѣ, самъ онъ дѣлаетъ выноску, которую мы привели выше, гдѣ онъ говоритъ что „даже Россія вступила на путь прогресса уже послѣ появленія въ свѣтъ этого сочиненія его. Съ 1866 г. вступила въ силу новая судебная организація, а вмѣстѣ съ нею и учрежденіе адвокатуры." Въ виду нелестной картины, нарисованной о насъ извѣстнымъ путешественникомъ, мы не можемъ воздержаться, чтобы не сказать, что въ недолгое время существованія теперь у насъ новаго судопроизводства Россія съ достоинствомъ выдержала серьезное испытаніе водворенія у себя судовъ, разработанныхъ на общеевропейскихъ началахъ. За эпохой „адвокатовъ—писцовъ" и „доброй воли правительства въ вопросахъ собственности и свободы", если допустить, что такое мнѣніе почтеннаго г. Беркье имѣетъ сколько-нибудь тѣни вѣроятности, мы пользуемся теперь судомъ, который, по спокойствію и серьезности, смѣло можно сказать, превосходитъ судъ французскій, а по безпристрастію и гуманности основныхъ своихъ началъ скорѣе приближается къ типу англійскаго суда. Что касается адвокатуры, то за пять лѣтъ существованія своего и она успѣла выставить достаточное количество способныхъ людей, и изъ числа ихъ нѣкоторые, благодаря неподдѣльности таланта, высокому образованію и неподкупности своихъ убѣжденій, займутъ навсегда лучшія страницы въ будущей исторіи русской адвокатуры.

Зам. Пер.

Когда наконецъ мы переходимъ въ Бельгію и Англію картина мгновенно измѣняется, и здѣсь-то именно и начинается осуществленіе нашей идеи. Въ этихъ странахъ свободы мы не только видимъ адвоката на всѣхъ ступеняхъ судопроизводства, но тамъ самая адвокатура безгранично пользуется независимостью въ полномъ объемѣ послѣдней. Англійскія учрежденія достаточно извѣстны. Тамъ не существуетъ никакого опасенія для подсудимаго. Все, что касается его съ самаго момента ареста вплоть до суда, дѣлается публично. Публика допущена при всѣхъ допросахъ, при каждомъ актѣ процесса. Если полицейскій чиновникъ нарушаетъ законъ, если судья невольно выдастъ какое-либо скрытое предубѣжденіе, обвиняемый или подсудимый имѣетъ право, во всякомъ положеніи дѣла, требовать покровительства закона. Онъ можетъ просить совѣтовъ, призывать адвоката, можетъ наконецъ обратиться къ помощи тѣхъ, кто присутствуетъ при его допросѣ, можетъ пригласить ихъ быть свидѣтелями и въ крайности просить ихъ заступничества. На всѣ дѣла правосудія распространенъ благодѣтельный свѣтъ гласности и ни малѣйшее злоупотребленіе власти не ускользнетъ отъ англійской печати. Нѣтъ надобности говорить какъ, при подобныхъ учрежденіяхъ, высоко поставлена адвокатура въ Англіи. Она пользуется тамъ совершеннѣйшею свободою. Доступъ въ нее открытъ всѣмъ талантамъ, каждому классу общества. Она вполнѣ независима. У нея существуютъ свои списки, своя внутренняя полиція и, какъ во всякой странѣ, гдѣ право защиты пользуется уваженіемъ, она даетъ изъ себя ораторовъ въ законодательныя собранія, судей и наконецъ государственныхъ людей правительству.—Правда мы знаемъ, что англійская адвокатура подвергалась иногда сильнымъ порицаніямъ. Говорили, что молодые люди, вступающіе въ нее, недостаточно подготовлены, недостаточно изучаютъ свое дѣло, что для нихъ трехлѣтній срокъ обязательнаго посѣщенія судебныхъ засѣданій (stage), дающій право на вступленіе въ адвокатское сословіе, ознаменовывается скорѣе періодическими обѣдами въ коллегіяхъ или судебныхъ гостинницахъ, inns of court, чѣмъ серьезными занятіями. Кромѣ того замѣчали, что вступленіе на это поприще, свободное въ принципѣ, затруднялось какъ бы намѣренно посредствомъ роскоши и различныхъ издержекъ, будто-бы

обязательныхъ даже для адвоката-стажьера. Что же касается до адвоката, уже прошедшаго стажъ и принятаго комитетомъ въ число *барристеровъ*, т. е. ставшаго действительнымъ адвокатомъ, то кажется, — продолжаютъ далѣе,—всѣ усилія его стремятся менѣе къ тому, чтобы сдѣлаться краснорѣчивымъ ораторомъ или ученымъ законовѣдомъ, чѣмъ къ тому чтобы представлять изъ себя вполнѣ безукоризненнаго *джентльмена*. Вѣренъ ли въ самомъ дѣлѣ такой портретъ англійскаго адвоката и судить о немъ такимъ образомъ не значитъ ли находиться подъ вліяніемъ нашихъ собственныхъ привычекъ и предубѣжденій? Если справедливо, что французскій адвокатъ отдаетъ предпочтеніе тихимъ занятіямъ въ кабинетѣ, то намъ кажется, что англійскій скорѣе приближается къ римскому адвокату, который умѣлъ въ одно и то же время быть сенаторомъ, авгуромъ и солдатомъ, отвѣчая заразъ всѣмъ потребностямъ этой полной и бурной жизни. Что же касается обѣдовъ въ судебныхъ гостинницахъ, въ Англіи, то это не болѣе какъ остатокъ издавна укоренившагося въ памяти обычая. Дѣло въ томъ, что въ былыя времена стажъ исчислялся посредствомъ обѣдовъ, въ залахъ коллегій, такъ какъ присутствіе стажьеровъ на засѣданіяхъ по необходимости вынуждало ихъ обѣдать во время сессіи не иначе какъ въ самомъ зданіи суда, тогда какъ во Франціи это присутствіе удостовѣряется или подписью стажьера въ особо заведенномъ реестрѣ или какимъ-нибудь другимъ способомъ, предоставленнымъ совѣту сословія. По своимъ манерамъ и привычкамъ французскій адвокатъ скорѣе напоминаетъ судью, тогда какъ барристеръ—человѣкъ свѣтскій. Но что кому за дѣло до того, чѣмъ кто кажется, если отъ этого не страдаетъ знаніе дѣла и если тяжущійся находитъ себѣ полное удовлетвореніе. Кромѣ того англійская судебная организація сама по себѣ гораздо менѣе нуждается въ людяхъ, исключительно преданныхъ кабинетнымъ занятіямъ. Почти всякое дѣло разбирается тамъ во всеуслышаніе, и составъ суда изъ присяжныхъ и судей, а также громадное распространеніе печатнаго слова представляетъ для дѣла правосудія достаточныя гарантіи. Но что особенно важно усмотрѣть въ Англіи, такъ это связь адвокатуры съ свободой. Руководимые поставленнымъ нами во главѣ нашего сочиненія принципомъ, мы не разъ обращались съ вопросами

къ этой странѣ свободы по преимуществу, и полученный нами отвѣтъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть, таковъ, какимъ мы желали имѣть его. Англійская адвокатура представляетъ намъ Эрскина и этого довольно. Тамъ, гдѣ все имѣютъ право говорить, общественная свобода не подвергается ни малѣйшей опасности. Скажите этому барристеру, который кажется вамъ слишкомъ преданнымъ блестящему и беззаботному движенію жизни, скажите ему, что одинъ изъ его согражданъ подвергнутъ аресту какъ обвиняемый, что оторванный отъ своей семьи онъ брошенъ въ тюрьму и что, можетъ быть, безъ суда и слѣдствія, путемъ административнаго только распоряженія, онъ будетъ сосланъ въ колоніи..., тогда этотъ свѣтскій человѣкъ покажетъ вамъ что такое онъ на дѣлѣ. Вы услышите голосъ его передъ рѣшеткой суда, въ прессѣ, на парламентской трибунѣ, даже въ салонахъ, которые представляютъ въ свою очередь могущественную власть въ свободномъ государствѣ и вы увидите тогда сколько силы и жизни можетъ проявить англійская адвокатура въ отпоръ правительству, еслибы оно вздумало поразить втихомолку кого бы то ни было.

Возведя такимъ образомъ адвокатуру къ ея основному принципу, мы должны изучить ее теперь въ тѣхъ особенныхъ формахъ, въ какихъ она существуетъ. Не безъинтересно будетъ узнать поэтому, какія условія необходимы для ея существованія, а также посредствомъ какихъ усилій и понесенныхъ ею измѣненій она успѣла охранить свои права и достигнуть того устройства, въ какомъ существуетъ въ настоящее время во Франціи.

